

Королевские чётки

Зерно Чужестранца

Мари Малъкас

Мари Мальхас

Королевские чётки. Зерно чужестранца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70405555

SelfPub; 2024

Аннотация

Король выпал из окна на мою голову... почти буквально. И мне теперь предстоит всё время следить за ним, чтобы он со своими замашками не получил по королевской роже, или не набил рожу кому-нибудь сам, или, чего доброго, не угодил в тюрьму! При этом не сидеть в укромном месте, а ехать через всё королевство, чтобы собрать артефакт, конечно, проклятый, мне же всегда везёт!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	75
Глава 6	92
Глава 7	110
Глава 8	131
Глава 9	145
Глава 10	165
Глава 11	184
Глава 12	203
Глава 13	219
Глава 14	241
Глава 15	265
Эпилог	289

Мари Мальхас

Королевские чётки. Зерно чужестранца

Глава 1

– Девушка, – ко мне уверенной походкой приближался мужчина в сиреновой мантии. – Вы не подскажете, как попасть наверх?

Второй шарик мороженого, что еле вмещался в бумажный стаканчик, всё-таки выпал, я отпрыгнула назад, чтобы он не попал на новые туфли. Обидно до слёз. Ну дадут мне, наконец, покоя? Хоть не в своём городе! Я ведь специально пришла на площадь в разгар рабочего дня, когда жители столицы слишком заняты для прогулок.

– Что вы сказали? – я не сразу поняла его простой, но абсурдный вопрос.

Мужчина поморщился:

– Говорю, как попасть наверх! – он кивнул на королевский дворец. – Глухая, что ли?

"Может, и глухая, а вот ты хам!"

Ещё и страшно глупый, ведь все знают:

– Попасть наверх невозможно, – отвечала я, не в силах оторвать взгляд от его странной одежды.

Яркая сиреневая ткань напоминала те самые гладкие блестящие полотна, что продавали на ярмарке за золотые. Ну и кому, Бога ради, пришлось в голову тратить её на пошивку целой нелепой мантии, ещё и...

– Ну, послушайте, – странный модник нервно выдохнул, голос зазвучал ровно, – некоторые же туда попадают.

"Некоторые"! Я засмеялась – кто бы не засмеялся? Что ж это за чудик!

Полуденное солнце над нашими головами, слепило. Сощурившись, я поднимала голову всё выше и выше. Пришлось почти уложить затылок на спину, чтобы над множеством башен королевского дворца увидеть самую верхнюю. Её очертания красовались на фоне неба, на невообразимой высоте.

Я сморгнула, оглянулась – мой собеседник тоже рассматривал дворец – величественное строение из синеватого камня.

– Кто, по-вашему, туда попадает? – вздохнула я, отпив через край уже жидкое мороженое. – Кто, кроме Его Величества и пары доверенных лиц?

– И как они туда попадают?

– Хороший вопрос.

Правда, раньше я никогда не задумывалась над этим. Но, чёрт побери, я приехала в Асилоту отдохнуть от службы и

вкусить столичной жизни, а не разгадывать очередную загадку этого королевства. Почему он подошёл с этим ко мне? Почему заблудившиеся, обманутые, напуганные выбирают меня? Будто у меня на спине надпись «Чем я могу помочь?».

– Знаете, сэр, я спешу в одно место... Я, пожалуй... – выкидываю к чёрту то, что недавно было вкусным мороженым – не прощу! – Значит так! Оставьте меня в покое! Я не заинтересована.

Собеседника мой гнев не отпугнул. Напротив, в глазах мелькнуло восхищение, будто я исполнила смертельный цирковой трюк. Он дёрнул бровями, осмотрел меня с ног до головы. Затем... не пойму, смутился? Потупил глаза, по крайней мере.

– Простите меня, я с утра несколько не в себе.

– Ваши проблемы, – я отшатнулась, в голове крутилась лишь одна мысль «сумасшедший».

– Если бы, – он коротко вздохнул, а затем ухватил меня за локоть и притянул к себе.

Это было так неожиданно, что я даже вскрикнуть не успела, а он быстро прошептал:

– Если поможете, я заплачу вам, сколько скажете.

"Ах, вот как! Интерес к замку, стало быть, не туристический. Решил навестить короля прямо в покоях? Однако для ассасина он слишком примечательный. Авантюрист? Тогда слишком осмотрительный".

– Звучит, как дело государственного значения, – прошеп-

тала я в ответ.

– Но ведь вы чужестранка, – он повёл плечом.

"Так-так. Теперь понятно, почему он выбрал именно меня. Да, я чужестранка, но я служу этой стране, и ничего не имею против короля, кстати. И вот теперь не могу этого так оставить».

– Вижу, по вашим глазам, что у вас появились идеи.

"Нет, сам он не отлипнет, что ж..."

Выдёргиваю локоть:

– Сэр, а вы не подождёте меня здесь? Я туда и обратно.

– Разумеется, но учтите, я вас найду.

Он, конечно же, очень осторожно следовал за мной по занятым столичным улицам. На поворотах я успевала оборачиваться и ощущать себя бродячим артистом с экзотической зверюшкой на привязи. На него засматривался рабочий люд, стражники замирали и поворачивали свои шлемы, торговцы выглядывали из-под прилавков, возницы придерживали лошадей. И даже их лошади провожали нас долгими удивлёнными взглядами.

Попавшийся на пути булочник с подносом врезался в дверь собственной булочной и упал осыпаемый круглыми румяными буханками.

Неизвестный в странной мантии тянул на событие недели, которое ещё долго будут обсуждать в клубах и на рынках. Чего стоила одна походка от бедра с задраннным подбородком и сведёнными сзади лопатками!

Я с радостью покинула многолюдную часть города и свернула в старый парк. Несколько ребятишек, перешёптываясь, ещё волочились следом, но, когда мы стали петлять по дворам меж почерневших разрушенных домов – отстали. Этот район, заброшенный после пожара, имел дурную славу.

Останки недогоревших зданий, обугленные деревья, раскуроченные пустые прилавки могли бы раздражить самое скудное воображение. Но не поэтому здесь не раз видели нежить и призраков. Уж я знаю точно, что не поэтому.

Я прошла через поросшую лианами рощу и передо мной вырос забор в два человеческих роста. Судя по шуршанию веток сзади, мой новый знакомый не отставал. Смелый парень, но дальше ему не пройти. Я подошла к воротам, прошептала нужные слова и быстро проскользнула в приоткрывшуюся щель, которая тут же сомкнулась за моей спиной.

На меня кинулись двое стражей. Едва ли кто-то принял бы их за людей: неуклюжие движения, пустые взгляды – живые мертвецы. Привычным жестом я создала защитное поле и остановила их – атаковать безвольных рабов считаю неправильным.

Через заросший сад, что скорее напоминал дикую лесную чащу, я пробралась к покосившемуся четырёхэтажному особняку. Остатки былой роскоши: статуи и резные украшения угрожающе скалились со стен. Пустые тёмные окна тоскливо взирали на непрошенных гостей. Но разве я непрошенная?

Взойдя на крыльцо, я отворила на удивление новую и прочную дверь. Дворецкий с загнутыми бараньими рогами встретил меня в полутёмном коридоре. Я проигнорировала его злобещий взгляд и свернула к лестнице на второй этаж, где располагалась библиотека.

Гредвар стоял у большого стола в центре и, как обычно, читал, согнувшись в три погибели. Длинные черные волосы были убраны со лба повязкой, как носили подростки, но Гредвар на подростка не походил: рослый, широкоплечий.

Он поднял голову, улыбка озарила лицо, но глаза будто ещё продолжали бегать по строчкам.

– Опять приехала? По делу или просто?

– Похоже, по делу, – не сдержала вздох.

– "Похоже"?

Я рассказала ему о странном человеке, желающем попасть наверх.

– Вот как? – Гредвар воодушевился. – И много обещал? А то я и сам готов платить тому, кто... свергнет, монархию.

Последнее предложение меня не особо озадачило. Сколько знаю Гредвара, столько он готов свергнуть всё и вся, доведя мир до состояния первобытнообщинного строя. Не верится, что при таком отношении он всё ещё держится при дворе.

– Он непохож на ассасина, – вздохнула я.

– Прекрасно, значит профессионал, иначе медник бы ему цена.

– Да не в этом дело! Ну... сам глянь там, у забора.

– Как интересно! – Гредвар подошёл к окну, отодвинул штору. – Вон тот, в мантии? – вопрос был явно риторический.

Он протянул руку, взял с книжной полки бинокль, приставил к глазам. После чего последовала длинная фраза на неизвестном языке. Знаю, что это ругательство, но о значении оставалось только догадываться.

Ещё с минуту он щёлкал языком и мотал головой, пока наконец не глянул на меня. Зелёные глаза горели от возбуждения:

– Вот этот тип сказал тебе, что хочет наверх и заплатит, если ты поможешь?

– Да.

– Уверена?

– Да!

– Но, этот парень точно не убьёт короля. Он и есть король!

Я села бы, если бы было куда, единственный стул рядом со мной был занят стопкой книг.

– Гредвар... это несмешно.

– Да я серьёзно, – он повернулся к окну, снова приставил бинокль к глазам и тут же рассмеялся. – То есть, я смеюсь, но не над тобой. Положение весёлое!

Я подошла к столу, который, наконец, озарили лучи дневного света. В библиотеке пять окон – и все завешаны шторами! Свет Гредвар, мягко говоря, не жалуется и читает всегда

в темноте. Я глянула на странные мелкие символы на страницах увесистого фолианта, хотелось хоть чем-то заняться, пока он перестанет шутить. Мне как-то не до смеха.

– Девочка моя, я серьёзно. У меня под забором стоит король!

– Такпусти его, дважды такого не бывает! – буркнула я, не отрывая глаз от непонятных знаков.

Гредвар насмешливо пшикнул, помотал головой:

– Нет, спасибо!

Конечно, я и сама понимала, насколько абсурдно моё предложение пригласить кого бы то ни было в его отшельническую виллу ужасов, по совместительству, лабораторию запретных искусств...

– Кстати, – продолжал Гредвар, – если он спросит, чей это дом, скажи, что хозяин давно покинул это место. Уехал... Чёрт знает куда, откуда ты у нас?

– Таприкан, – буркнула я. Как будто у людей с тёмной кожей есть другая родина!

– Вот, уехал в Таприкан к тебе домой, а тебя, наоборот, здесь поселил! И пусть забудет сюда дорогу!

«Странно, не сильно ли он разошёлся?»

– Я уже готова поверить, что это король.

Гредвар глянул мне в глаза и положил руку на сердце:

– Клянусь единым создателем всего живого и неживого. Да сгореть этим книгам, да не колдовать мне семь лет, если это не король.

"Ничего себе! Так Гредвар не шутит. Король на улицах города? Да это же сенсация века! Но почему опять не обошлось без меня?"

Я подошла к окну, Гредвар пожал плечами, протянул мне бинокль. Тот самый человек, из-за которого я сюда пришла, стоял в тени деревьев у роши и напряжённо задирает голову.

– Я всё равно не знаю, как выглядит король, – я вернула бинокль на полку. – Никто не знает.

– Так и есть, почти никто, но семь членов Совета должны знать, а насколько ты знаешь...

– ...ты один из них. Но Гредвар, как такое возможно? Откуда он здесь взялся? Король? Один, без охраны, таится и просит помощи? Он что, из окна выпал?

– Я не знаю, спроси у него, он же тебя выбрал в помощники.

– И как я могу ему помочь?

Гредвар пожал плечами:

– Вернуть наверх, очевидно!

– Вроде, ты говорил, готов заплатить тому, кто свергнет монархию.

Гредвар задумчиво почесал подбородок:

– А что? Ты бы могла?

– Ну, нет, я тебя не понимаю. Он прекрасный правитель и человек.

– Правда? – Гредвар украдкой глянул в окно. – Значит, всё-таки не оставишь его в беде?

– При чём тут я? Я уже привела его к тебе. Ты его советник и...

– И что?

– И знаешь, как всё это работает.

– Вот именно, что знаю. Ты заметила, что обратился он не к советникам?

– Ну, – я посмотрела исподлобья, – начнём с того, что один из них скрывает своё местоположение.

– Э... это неважно, – вздохнул Гредвар. – Итак, как советник приказываю тебе обеспечить полную безопасность Его Величеству.

Я даже закашлялась:

– Ты уже давно не мой наставник, Гредвар!

– Я сказал: как советник.

– С каких пор я подчиняюсь Совету?

Он подошёл к креслу и уселся, что предвещало лекцию:

– Да-да, конечно, Армада Дракона – независимая армия наёмников. Но ведь воин, достигший в ней звания рыцаря, присягает в верности королю. Разве ты не присягала?

– Присягала.

– Вот. Это первое. Второе, Армаду Дракона сейчас возглавляет Орн Одноглазый, граф Опдора. А граф Опдора – член Совета, который возглавляю я. Следовательно, я вполне имею право приказывать рыцарям Армады в делах государственного значения, если это не противоречит приказам короля или графа Опдора.

Всегда поражало, как быстро он умеет перевоплотиться из дикого мага-отшельника, в бесстрастного политика. Всё, что я смогла выговорить это:

– Чёртова бюрократия!

– Да уж, та ещё наука. В Совете без этого делать нечего...

Так что вперёд, мой герой. И помни это совершенно секретное дело. Никто не должен заподозрить, что короля нет наверху. А я пока подумаю, как незаметно его туда вернуть.

Я не знала, что сказать. «У меня другие планы»? «Сдалось мне ваше королевство»? Нет у меня никаких планов, и, если мне королевство не сдалось, то вот оно во мне очень даже нуждается. И разве не для того я приехала в Серенид, стала героем и давала присягу, чтобы в моей жизни появился хоть какой-то смысл? Смысл, смысл. Да когда он уже найдётся?

«Не ты ли, Гредвар, обещал, что с изучением магии придёт и смысл? И что теперь? Я только разбираюсь с делами государственного значения. Ни одно, так другое. И только подумала, что появилось время отдохнуть и оглядеться, как...»

– Гредвар! – от возмущения я не могла даже вдохнуть. Да когда кончится этот героизм поневоле?!

Я жалела, что не умею жечь взглядом. Мне виделось, как вспыхивает его одежда, волосы, как он с криком падает на свои книжные полки – и вот здесь начинаются самые страшные душевные муки: ведь загораются книги! Себя-то он легко восстановит, но книги...

Гредвар выдержал мой взгляд, улыбнулся:

– О! Я тебя разозлил? Что ж ты с королём будешь делать? Если что, помни, моё предложение в силе, – он подмигнул.

...И вот огонь касается языками корешков его книг, они дымятся, со свистом вспыхивают, обугливаются. Оголяются беззащитные страницы и распадаются в пепел. Медленно, но верно огонь подбирается к верхним полкам, где стоят самые ценные, самые любимые... Что он сказал?

– Ты надеешься, что я его убью?!

– Ни в коем случае! – Гредвар покачал головой. – Допускаю возможность. Я не такой – ты знаешь. И вообще я делаю, что смогу. Зайди через три дня.

– Три дня?!

– Хотя бы, – он оглядел длинные ряды книг. – Я ведь не знаю, что искать, не каждый день короли выпадают из окон.

Уже в дверях я обернулась:

– Впредь я не буду самостоятельно лезть в чужие дела, какими бы странными они мне ни казались!

– Я вот всегда так делаю, – усмехнулся Гредвар.

Спешить было некуда, на выходящих гостей нежить не реагировала, просто неумело пряталась в зарослях заброшенного сада. Я наблюдала за героем своего дня через прозрачные изнутри ворота и думала, как поступить. Сказать ли, что знаю, кто он? Тогда сразу встанет вопрос субординации и этикета, а к такому я не готова. Ни в моём родном племени, ни в рядах бойцов-наёмников манерам не обучали.

"А если он всё же не король? Разумеется, Гредвар обманывать не станет, он даже не умеет этого делать, зато недомолвки – его конёк! Так что мало ли... Мало ли... Мало ли что? Мало ли похожих людей на свете? Гредвар – тоже человек, мог и ошибиться, к тому же чтение в темноте портит глаза", – смешно, но эти несуразные мысли прибавили мне решимости.

Я приоткрыла ворота. Солнце давно перевалило зенит, но зной стоял невероятный. Не самая типичная погода для начала серенидской осени.

«Год от года всё жарче! – вспомнилось мне. – Чем больше вольности даёт король этим чёрным рабам, тем больше Серенид похож на жалкую колонию!»

Слова, от которых кровь превращалась в кипяток! Снова, после боли, пережитых потерь, жертв. Снова, после разгрома, реабилитации, спасения. Будто ничего не было, будто ничему не научились ни мы, ни они.

Я вспыхнула от таких слов, кто бы не вспыхнул? И опозорила не только себя, опозорила всю Армаду Дракона. Хорошо ещё спасла репутация героя и кодексы, которыми Его Величество защищает нас: таприканцев и ретаньян. Бывших невольников. Бывших! «Вы свободные люди, под защитой суверенного государства...» – это слова короля. Короля...

Только по его милости, благодаря его законам, я не под трибуналом, а во временной отставке, о чём побоялась сказать Гредвару. И ведь только решила, что это шанс пожить

обычной жизнью, повидаться со старыми знакомыми, вспомнить кем я была до службы, как этот самый король буквально падает с неба. Просто заколдованный круг! Уму непостижимо!

Я вышла, он повернулся в мою сторону. На портретах всех местных правителей изображали одинаково: кислое овальное лицо, длинный нос, маленький рот, большие глаза. Поэтому я с интересом рассматривала истинный облик короля Серенида: издалека – высокий, поджарый, короткие тёмно-коричневые волосы.

Я приблизилась. Насчёт выражения лица портрет не врал. Кислое, категорически кислое! Улыбку на этом лице невозможно представить. Не было даже заминок вокруг рта и глаз, а вот меж бровей темнела складка. Он был моложе, чем казалось на первый взгляд, лет, должно быть, тридцати. Старило унылое выражение и припорошённые сединой виски. Невесёлыми, видно, делами занят король у себя под облаками. В любом случае это не нахлебник честного народа, не бездушный тиран. Что же так не устраивает Гредвара?

Карие глаза короля испытующе глядели на меня:

– Ну? Что вам удалось выяснить? – бросил он мне, едва разжимая губы.

Мысли о справедливом короле-защитнике вылетели из моей головы, устремившись куда-то вверх, к его башне. Я встрепенулась. Вот, значит, как! Сразу командовать, сразу требовать? Кому из нас двоих тут нужна помощь? И вообще,

не припомню, чтобы я что-то обещала.

– Вы о чём? – моргала, будто впервые видела.

– О нашем деле, – не меняясь в лице произнёс он.

– Жду информацию, не каждый день, знаете... к королям в окна лезут.

– Сколько ждать?

Ответить спокойно бы не получилось, поэтому я просто показала три пальца.

«Самой не верится – три дня, чтобы вернуть короля в его дворец! Что за игры?!»

– Это слишком долго. Нам нельзя сидеть сложа руки. Пойдёмте во дворец.

"Похоже, без веселья не обойдётся".

– Ну, нижний уровень открыт для посетителей, – сказала я. – Что толку?

– Мы идём туда немедленно!

Похоже, он на полном серьёзе думал, что мог общаться со мной при помощи одних только приказов. Я развернулась и быстро зашагала по мягкому грунту вдоль забора в своём направлении, сама не пойму, в какой момент он оказался у меня на пути.

– Как тебя зовут?

– Кеита, – это было так неожиданно, что я ответила без колебаний.

Он фыркнул, если напрячь воображение, это напоминало усмешку:

– Неужели всех таприканских девушек зовут одинаково? Какой тогда смысл в именах?

Следовало надменно промолчать, но мне было что ответить:

– Это говорит подданный страны, короля которой зовут Бернард Двадцать Четвёртый? Какой тогда смысл в буквах, если меняются одни цифры?

Это я сказала зря, он поморщился:

– Чужестранка, что уж хотеть! Да будет тебе известно, что Бернард – это тронное имя. Каждый наследник престола в день коронации считает за честь назваться именем величайшего правителя Бернарда Первого, мудреца и воина. Имя же короля иное.

Полный разгром. Слова иссякли, как реки под палящим солнцем. Оставалось, наконец, заняться делом. Я снова развернулась:

– К королевскому дворцу, говоришь?

Обратно мы шли молча, разгулявшийся в переулках ветер кружил пыль и пепел, пока мы проходили заброшенный район. Когда мы добрались до оживлённых улиц, где рабочий день подходил к концу, сиреневая мантия стала серой, как у обычного бедняка. Мой спутник теперь привлекал меньше внимания, что не могло не радовать.

Мы подходили к центру города. Место, где мы встретились, было не узнать. После полудня, когда светило пряталось

лось за дворцом, а тот снисходительно покрывал часть города своей тенью, на площади собиралась вся столица развеяться после тяжёлого дня. Здесь ютились торговцы, выступали ораторы, разъясняя простым смертным законы свыше и новые судебные дела, бдели караульные и бродили, кому только не лень.

Врата на нижний уровень дворца были, как всегда, открыты, из них лился ненужный, но манящий свет сотен зажжённых ламп. Нам предстояло минут сорок протискиваться меж палаток, повозок, толп попрошайек и зевак, чтобы оказаться у этих врат.

Будь я свободна, то просто присоединилась бы к толпе, не спеша прохаживалась по площади, слушала новости, сплетни, выискивала глазами знакомые лица, любовалась на огни дворца и ела бы... м-м-м, вафли! Их чудесный запах заставил на мгновение застыть на месте. Неслыханно! Приехала в столицу, называется, даже не поела свежих хрустящих вафель. Должна работать!

«Может, Его Величество сжалится? Позволит сделать перерыв и перекусить? В конце концов, ему тоже надо питаться, я полагаю...»

Мои мысли прервал его возглас:

– Что это вы делаете?!

Слева за палатками четверо стражников избивали парнишку в рваной тунике.

– Что вы делаете? – повторил Его Величество. – Стойте!

Стражники не реагировали. Думаю, они и предположить не могли, что обращались к ним.

– Стоя-а-а-ать! – заорал король так, что голос эхом разлетелся по площади.

Стражники замерли. Люди вокруг стали на ходу врезаться друг в друга, оборачиваясь в сторону внезапного нарушителя спокойствия.

– Ты что, а? – вытаращился стражник в золотистом шлеме.

– Капитан, в чём вина этого молодого человека?

– Твоё какое дело? Иди куда шёл! И до тебя скоро доберёмся, – просипел стражник.

Остальные трое с готовностью загоготали.

– Значит, вы даже не знаете, – король ещё выше поднял подбородок и сложил руки на груди.

– Слышь ты, у тебя что, армия за плечами? – капитан сплюнул.

Вокруг воцарилась такая тишина, что стало слышно, как дышит избитый. Бернард Двадцать Четвёртый входил в свою роль:

– По закону вы имеете право лишь арестовать его, – звучал над площадью его сильный голос. Чётко выговариваемые слоги, отдавались эхом в моей груди, в груди всех слушателей. Притихли даже ораторы. – И только в случае вооружённого сопротивления, опасного для жизни одного или нескольких подданных, вам дозволено применить оружие...

Несколько человек в толпе одобрительно загудело, послышался быстрый шёпот. Какое-то время стражники тоже стояли, приоткрыв рты, потом один из них скорчил рожу:

– Что-то он больно умный!

И тут избитый парнишка подскочил, будто невидимая рука подняла его с земли сразу на ноги. Он сгибался пополам и морщился, но рванулся вперёд, сверкая босыми пятками. Его силуэт так стремительно потерялся в толпе, что капитан стражи только всплеснул руками.

Послышались смешки, однако смолкли в ту же секунду, потому что капитан положил руку на рукоять меча, оскал его стал звериным.

Очевидно, на короля так прежде не смотрели, потому что он продолжал как ни в чём не бывало:

– Ну вот. Теперь вы его не найдёте, потому что в первую очередь вам стоило проверить его документы, но уверен, вы этого...

Ярость исказила лицо капитана, как кривое зеркало:

– Иди сюда ты, отбросок! – проговорил он. – Я выпущу тебе кишки.

Он обнажил меч, остальные стражники повторили за ним. Зеваки с воплем бросились врассыпную, мы остались одни перед четырьмя вооружёнными громилами. И только тут король осознал истинное положение вещей. Он побледнел, рука его метнулась к левому бедру, но оружия при нём не было.

Я кинулась вперёд, чтобы встать между королём и страж-

никами. Применить магию или оружие с моей стороны было бы ошибкой, оставалось хотя бы отвлечь внимание на себя. Что делать потом – одному Богу известно, но ещё пара шагов и Гредвару будет, кому заплатить.

И вдруг король вскинул руки. Я замедлилась, в потоке энергии, исходившей от него, и вдогонку моим мыслям о том, что это невозможно, о том, что по политическим соображениям правители не имеют магических ген, с его рук сорвалась вспышка света.

Вокруг нас вихрем закружилась дорожная пыль, и все четверо стражников застыли на месте, как злобные восковые фигуры. Капитан с поднятой ногой и мечом в руке, покачнулся и со всего роста рухнул на землю. Грохот спугнул стаю птиц у фонтана.

– Бежим! – закричала я и дёрнула короля за руку.

На полном ходу мы врезались в удаляющуюся толпу. Без особых жертв пробились вперёд и побежали по улицам, петляя по закоулкам. Остановились в конце дальнего квартала на каком-то старом дворе, когда перестало хватать дыхания. Я уселась на край перекошенного колодца, король опёрся спиной о ствол дерева рядом.

– Поверить не могу, – отплёвывался он. – Я только что нарушил закон, применил магию против стражи!

– Ты сошёл с ума! – выпалила я, переводя дух.

– Что, по-твоему, я должен был делать? Они убили бы меня!

Я дёрнулась так, что чуть не съехала на землю. Единственный момент, в котором он считал себя неправым – это применение магии?

– Что?! Да это конец понимаешь? Конец! Они перероют землю, выметут дороги, но найдут тебя! Никто.... Никому... – подходящие слова не находились. – Никому не позволено лезть к хранителям правопорядка! Ты должен был просто следовать за мной,

заниматься своими делами, как все нормальные люди. А не устраивать сцены на виду у всей столицы! Ты публично поставил под сомнения их честь, помешал исполнению служебных обязанностей, а потом ещё кинул в них «Параличом»!

– Ты... – он отслонился от дерева, подался вперёд, на лице одновременно играли злость и растерянность. – Ты ведь тоже была там! Ты что, ничего не видела?! Честь? Обязанности?

– А что?

– Что?! Да то, что ты чужестранка, которой дела нет до того, что творится в стране! Четверо вооружённых бойцов избивают сапогами несчастного полуголого парнишку, действительно, какое тебе дело?!

– Какое мне дело... – голос вовремя осип, не дал сорваться.

«Это он говорит мне, борцу за свободу и равенство?! Мне, герою его королевства?! Мне, рыцарю боевого отряда Армады Дракона?! Мне, что готова была кинуться на его защиту,

рискуя окончательно потерять положение?! Мне?»

Разумеется, он ничего этого не знал, я выдохнула, уняла огонь в груди и сказала так спокойно, как только позволяли эмоции:

– Знай же, о патриот, что такое творится на твоей родине по десять раз за день!

– Вздор! Будь так, я бы... люди бы не молчали!

– А кому они должны это говорить? Как и ты, кричать на центральной площади? Это надо ещё додуматься! Стражи ловят нарушителей закона и наказывают их на своё усмотрение. Да, время от времени они превышают свои полномочия, но какой нормальный человек полезет заступаться за преступника?

Король сжал кулаки:

– Как же меня бесит эта рабская логика! – сквозь зубы проговорил он. – Она захватила умы и моих подданных, они перестали бороться за свои права... как и вы!

– Мы? Что это ты имеешь в виду?! – ком в горле перекрыл дыхание, я сглотнула.

«Не может быть, я его неправильно расслышала».

Но он сказал всё с той же злостью:

– Таприан!

– Да что ты знаешь о нём?! – руки мои задрожали, знакомый жар разлился по телу, а он лишь насмешливо фыркнул:

– Знаю. Достаточно. Из вас выходили лучшие рабы, и вот почему.

Дальше сдерживаться я не могла:

– Ах ты сволочь! Вот, значит, как? Я тоже много чего знаю... знаю, кто ты! Ты король всего этого балагана, от которого у тебя самого встают дыбом волосы. Сам даже собственных стражей приструнить не можешь! Таприканцы у тебя во всём виноваты? Так может, разрешил нам остаться, чтобы сливать на нас вину?

– Ты знаешь, кто я... – вскрикнул он так, что даже закашлялся. Ах, как шёл ему гнев: глаза горели, щёки пылали – он просто был рождён для него! Так вот настоящее лицо правителя! – Знаешь, кто я, и позволяешь себе подобное? Неотёсанная ограниченная дикарка!

– А ты тупой самонадеянный хам! – я вдохнула и запрокинула голову, но глаза намокли, надеюсь, он не заметил. – По-твоему, ты заслуживаешь другого отношения? Да ты один в ответе за всё, что происходит, но не способен даже признать это, только пустозвонишь и обвиняешь чужестранцев! Не могу поверить, что раньше...

– Наглая дрянь! Да как ты смеешь! – он буквально плевался словами, на скулах его заиграли желваки, кулаки сжались так, что побелели костяшки. – Твоё образование не позволило бы тебе управлять даже местной забегаловкой! Что ты понимаешь в государственной политике?

– Ну так валяй со своим великим образованием! Вперёд! Попробуй пережить хоть ночь на улицах собственной страны с тонко обустроенной политикой!

– Обойдусь без масок и тотемов!

– Изувер!

– Людоедка!

– Да пошёл ты! – разворачиваюсь и иду прочь. Куда – не знаю, но больше не могу находиться рядом с этим тупицей.

– Правильно, исчезни с глаз моих!

"Нет, это слишком! Король виделся мне дерзким борцом с заплесневелой системой, новатором с трезвыми взглядами, справедливым правителем. А он фанатичный националист с комплексом неполноценности. Разрушает старые заблуждения, а у самого башка кишит новыми!

Не желаю связываться с узколобым эгоистом! И кровь его на моих руках мне тоже не нужна, пусть сами разбираются со своим двадцать четвёртым прыгуном".

С такими мыслями я направлялась к дому Гредвара. Как бы там ни было, я обязана сказать ему, что отказываюсь от задания.

Глава 2

Я подошла к забору виллы Гредвара, сказала пароль, но, когда ворота приоткрылись, оттуда выглянул рогатый демон:

– Господина нет дома, – проговорил он голосом, напоминающим завывание ветра.

Из своего опыта знала – проверять бесполезно.

– Когда вернётся?

– Не раньше завтрашнего вечера.

Оставалось ждать, всяко покидать город уже поздно. Тени удлиннились, ветер поменялся, но не моё настроение, обида жглась в груди.

Я пошла короткой дорогой, придерживаясь окраины города, свернула знакомой улочкой, наискосок пересекла несколько дворов и оказалась у трактира «Маретт-Рюсар». Сюда редко навевались случайные прохожие, густая крона деревьев скрывала старое двухэтажное здание от посторонних глаз.

Я отворила дверь, колокольчики у входа приветственно звякнули, но внутри царили тишина и покой. Погасший камин, нетронутые столы, пустая барная стойка. Если бы не чистота, которая ощущалась даже в полумраке, трактир можно было бы счесть заброшенным.

Жилые комнаты помещались в подземном этаже, среди

оружейных, лабораторий и ещё многим другим, о чём не стоит рассказывать при первом знакомстве.

– Ах, моя дорогая! – послышался грудной женский голос. – Ну почему ты так редко заглядываешь? Ведь обещала отлучиться только на время!

Пышнотелая хозяйка трактира в старомодном, и от того стильном, селянском платье спускалась с чердака. Белый передник подпрыгивал в такт шагам.

– Маретт, я всегда здесь как дома благодаря вам! – проговорила я дежурную фразу. Честно говоря, я собиралась непременно сюда заглянуть, но конечно же, в лучшем настроении.

– Надеюсь на это, – хозяйка принялась ворошить угли в камине, затем взяла с полки кувшин и плеснула туда искрящейся жидкости. Такими штучками бар снабжали алхимики: едва жидкость коснулась недогоревшие палений, как они вспыхнули, разгораясь, и бар озарился тёплым светом. Маретт повернулась:

– Так значит, – она понизила голос на полтона и подмигнула единственным глазом – второй всегда закрывала повязка, – комнату на двоих?

Я даже обернулась проверить, не стоял ли кто за спиной.

– Я одна, Маретт.

– Как же, как же! – женщина прижала кулак ко рту, плечи дрогнули. – Слышали уже. Ох, дорогая, нас мало, но мы шустрые, что не подглядим, то подслушаем.

– Маретт, я не понимаю.

"Ох, и устала я сегодня от странностей!"

– Да как же? Ведь тебя видели на площади с красивым и дерзким. А теперь вот остаёшься в городе на ночь. Ты что стесняешься-то? Я ж не священник.

Мне пришлось опереться о стену. Слова не подбирались.

– Ну вот, – Маретт вновь расплылась в улыбке. – Так и знала: всё-таки это была ты.

– Нет, то есть, да, я, но я просто выполняла поручение Гредвара. Не более.

– И всё? – она поморщилась. – Как скучно! Значит, ты снова с Гредваром?

– Вроде того.

– Ладно, ладно, – она развернулась и зашагала к бару. – Не хочешь – не рассказывай.

Маретт вытащила из-под барной стойки мешок с фиолетовым порошком, насыпала немного в один из стаканов:

– Но знай, между вами была замечена... – она потянулась за кувшином и добавила в стакан воду, ярко-розовая пена с шипением поднялась над стаканом. – Алхимия!

"Да уж, в горле до сих пор осадок после этого взаимодействия. Даже подташнивает".

– Больше слушай этих тюрбанов, – я махнула рукой в сторону подземелий. – Целый день по городу слоняются, со скуки и не такого насочиняют.

– Ладно, – она протянула мне стакан. – Не знаю, что там за

поручение, но силы тебе понадобятся, за ним надо приглядывать, он у тебя какой-то ненормальный. То на стражников кидается, то к озеру на ночь глядя, попёрся. Из какой дыры он приехал, не слыхала про таких дикарей?

– Он не дикарь... Подожди! – я уже взяла стакан и присаживалась за столик, но тут меня словно кинули в холодную воду: – Куда "попёрся"?!

– К озеру. Около часа назад Эруна о нём расспрашивал.

– А он что, не сказал ему, что там...

– Да сказал, сказал, но твой только обрадовался.

"Выходит, король отправился на верную смерть!"

Моя рука дрогнула, и розовая пена выплеснулась из стакана на стол. Я поставила его и кинулась к двери.

– Скажи ему, что это не выход, – крикнула Маретт. – Если проблема со стражей, то ты же знаешь, что делать.

– Комнату на одного, – махнула я и поспешила на улицу.

– Ну а я ставлю, что выживет! – бросила Маретт мне вслед.

Я неслась что было мощи, неустанно кляня себя за глупую неуместную эмоциональность

«Ну я и рыцарь! Правильно меня, видать, в отставку отправили! Совсем из ума выжила – короля одного бросить! Как будто имело значение, нравятся мне его взгляды на жизнь или нет. Мне доверили дело государственной важности, а я развела драму, как капризный отрок».

На пути уже виднелись ворота города, неподалёку в чи-

стом поле была стоянка возниц. Седые заросшие мужички круглый год жили в своих повозках, кутаясь в десятки одеял. Обычно они спали, пробуждались только при виде клиента.

– К озеру Эральд, – выговорила я, хватая ртом прохладный вечерний воздух.

– Э-э-э... нет, – уже поднявшийся возница плюхнулся обратно.

Я подошла ближе, достала из кармана несколько серебряных монет и показала ему.

– Да дело не в этом, – усмехнулся он из-под бортика повозки. – Ты не местная и, видимо, не знаешь. Западные дороги в это время года кишат разбойниками. Разбойничий сезон! Так что придержи монетки – шкура дороже.

– Ну тогда, доведите хотя бы до леса!

Он помотал головой:

– На запад не поеду. Ни за что! Знаешь, что с одним таким «смельчаком» стало?

– С Худапом, что ли? – из соседней повозки выглянуло одеяло, в котором белело заросшее щетиной лицо. – Так его Бог за жадность наказал. Ему побольше заплатили – он, оболтус, и поехал.

– Вот, – раздалось из третьей повозки. – Мы больше туда не возим и много не берём. Займись другими делами, красавица, зимой съездишь. Зимой озеро ещё красивее!

Что оставалось делать? Только призвать на помощь старую таприканскую традицию: помогать друг другу на чужби-

не, чего бы это ни стоило. Бегом миновав пару кварталов, я перемахнула через забор. Передо мной раскинулся огород размером с целое поле, и лишь вдали за деревьями притаился маленький домик.

Раньше домик служил сараем, а посреди участка стоял роскошный особняк, однако во время войны он сгорел дотла, а хозяева погибли. После этого имение досталось бывшему верному рабу – Ййии. Тот обожал земледелие и в большом жилье не нуждался.

Не без труда я разглядела и самого Ййии. Пожилой таприканец не обращал на меня никакого внимания и продолжал рыхлить землю каким-то орудием с длинной палкой.

– Ййии, это я Кеита! – крикнула я погромче, подбегая к старику. Он был близорук и глуховат.

– Кеита? – он растерянно развёл руками.

– Ну та, что до Бертуна подвозила.

– Кеита! – улыбнулся старик.

– Дело неотложное, Ййии, мне срочно нужна лошадь, одолжите, пожалуйста.

Старик поник, опустил голову, потом медленно повернулся в сторону конюшни:

– Моя Горлинка? Ну... – он снова глянул на меня.

Я нагло пользовалась его приверженностью традициям и благодарностью за дела давно минувших дней. Но другого выхода не видела.

– Бери, конечно, если срочно нужна, – наконец выгово-

рил старик. Он помолчал, потом махнул рукой и наклонился, чтобы работать дальше.

Я ехала верхом и невольно любовалась знаменитыми серенидскими красотами. Передо мной раскинулась изумрудная долина, усыпанная синими и красными цветами, за ней, на горизонте, начинался осенний лес. Как гости на собрании серенидской знати, деревья пестрили красным, жёлтым, зелёным, оранжевым. На фоне лазурного неба то там, то там строгими стражами возвышались осколки серых скал – младшие сослуживцы Великого Белого плато, на котором стояла столица.

Я свернула в ущелье между двумя такими стражами, светло-серыми, как и само плато, а не белыми. Серенидцы не любят серое, равно как и не умеют называть вещи своими именами.

Впереди ждала развилка трёх дорог. Мне предстояло свернуть на запад к лесу. Я осматривалась, ведь вполне возможно, что король не успел уйти далеко. У развилки в тени дуба виднелся силуэт, но нет, он принадлежал не мужчине. Под деревом, обхватив колени, сидела девочка лет восьми. Заслышав стук копыт, она пугливо подняла глаза.

– Эй, привет, ты что здесь делаешь? – обратилась я к ней.

– Я потеряла папу, – детский голос дрожал.

– Что случилось?

– Мы пошли в лес за грибами, но там пусто, – она кивнула

в сторону леса. – Мы шли и шли, а грибов не находили, и тут из зарослей вышли какие-то люди и сказали, чтобы папа дал им денег. У нас не было денег, когда они это поняли, то достали оружие, – она со всхлипом опустила голову. – Я была в кустах, ловила большую жабу, поэтому они не заметили меня... Папа закричал так громко, что я испугалась и побежала. Я бежала, бежала... – она всхлипнула и прижала ладонь к глазам. – Так долго бежала!

– Как давно это случилось?

– Я не знаю точно, может, час назад.

– Вот чёрт! Ты помнишь место в лесу, где это произошло?

– Я очень хорошо знаю лес! – глаза глянули с надеждой, в них стояли слёзы.

Я усадила её впереди себя, мы поскакали на запад, следом за заходящим солнцем.

– Не стоит гулять в лесу в это время года, – сказала я.

– Вам легко говорить, мадам, – протянула девочка. И с чего она взяла, что я дама, меч, что ли, заметила? – Вы богатая. А нас в пещерах только лес и кормит. Вы знаете, что грибы появляются осенью?

Это ужасно, но такие люди бедные, как храмовые мыши. В пещеры приходят те, кто дошёл до края, чья последняя надежда умереть тихо. Так неужели разбойники грабят и таких?

Возле большого поросшего мхом утёса мы свернули на лесную тропинку. Меж деревьев уже сгустились тени, воздух

наполнил запах мокрой земли и древесной смолы, под копытами горлинки шелестела сухая листва.

Я вслушивалась в каждый шорох, но девочка опять подала голос:

– Мама говорила ему, чтобы он не шёл, – продолжала она. – Но он не хотел, чтобы мы снова ели суп из ботинок.

– Ботинок? – отвлеклась я.

– Да, мой отец раньше служил в Армаде. Но потерял в бою правую руку, не смог держать меч. Со службы у него остались натуральные кожаные ботинки. Иногда мама варит из них...

– Но Армада не забывает своих героев, и там выдают только кольчугу и...

– Это здесь, мадам! – она кивнула на поляну справа.

Горы разноцветных листьев под ногами и такая же листва вокруг на деревьях – единый пёстрый ковёр до самого неба. Идеальное место в это время года, чтобы спрятаться. Я вышла на самый центр и даже не поняла, как передо мной возникли трое здоровых мужиков.

– Лучше сразу отдай нам деньги, оружие и коня, – заговорил средний, лицо его было грязным, будто он умывался мокрой глиной.

– Сам ты конь, это лошадь! – ответила я.

– А! Любишь поговорить? – он оглушительно свистнул.

Деревья зашуршали из них показалась шайка: человек десять головорезов. Я обнажила оружие.

– Неплохо! – присвистнул грязнолицый. – Так вот, как вы-

глядит мой новый клинок!

В этот момент девочка, сидевшая впереди меня, развернулась, что-то блеснуло в её руке, секунда, и острая боль пронзила мне грудь. Я пошатнулась, и тут резкий удар сбоку сбил меня с лошади.

В следующий момент я уже смотрела в небо, три рожи нависали надо мной, в грудь уткнулись два меча и копьё.

"Где мой клинок? Когда они успели забрать его?"

Я оторвала затылок от земли, в ушах загудело. Мой клинок вертел в руках грязнолицый, искривив рот в ликующей улыбке.

– Лежать! – закричали трое моих «надсмотрщиков».

– Ой, осторожно! Сзади! – закричала в ответ я, диким взглядом всматриваясь в пустоту между ними.

Этот приём срабатывал безоговорочно: все трое разбойников оглянулись. Всего на долю секунды, но этого хватило. Дважды прошептав заклинание «Стальной Руки», я приподнялась, и ухватила двоих за колени. Их крики наполнили весь лес, они свалились на землю, забыв обо всём кроме резкой боли.

Вскочив на ноги, я увернулась от третьего, тот лишь растерянно махнул мечом. Я перехватила его руку и в следующее мгновение уже завладела его мечом. Остальные подались назад к лесу, я кинулась к грязнолицему, мечи встретились, он был гораздо тяжелее меня, но заклинание в моих руках делало меня в разы сильнее. Под моим напором раз-

бойник закачался и выронил оружие.

– Все назад! Отступаем! – запоздало заголосил он, а затем пустился наутёк следом за шайкой.

С ними бежала и девочка, из-за которой я попала в эту передрагу, потеряла драгоценное время.

Я подняла свой клинок с земли и кинулась к Горлинке. Движения давались непривычно трудно, руки и ноги отяжелели, перед глазами качнулось туманное марево. Это настораживало, битва не могла меня так вымотать. На рубахе краснело пятно крови, но рана не выглядела слишком уж серьёзной, и всё же по возвращению в город следовало навещить целительницу.

В лесу сгустились тени, небо окрасилось в пурпурные тона, наступал вечер. Я гнала лошадь, спешила к дороге, уклоняясь от встречных веток, когда внезапно меня накрыл приступ кашля. Во рту появился неприятный вкус железа, грива Горлинки покрылась красными крапинками.

"Кровавый кашель? Откуда, чёрт возьми? И этот туман... Я отравлена, может, лезвие ножа..."

Дорога должна быть уже где-то рядом, но я еле различала, где земля, а где небо. Мысли путались, глаза слипались. Чувствуя мою неуверенность, лошадь не хотела идти ровно, ржала, сворачивала не туда.

И вот из чащи послышался треск и стук копыт. Я прищипнула Горлинку: "Ну же, милая, не подведи!". Она мчала меня по лесу, перед глазами огненными пятнами расплыва-

лись деревья. Оставалось лишь молиться, чтобы мы выехали к дороге. Новый приступ кашля заставил меня согнуться пополам, я натянула поводья. Треск сзади не отставал, я уже различала голоса преследователей:

– ...не могла далеко уйти!

– Осторожнее, она сильнее, чем кажется. Она убила Грила и Трегана.

– Заткнитесь вы оба!

Я остановилась, развернулась и метнула несколько ледяных шаров в направлении голосов – стрелять огнём или молниями в лесу опасно. Ко льду, правда, у местного населения иммунитет, но вот у лошадей – нет.

Послышалось ржание и грохот. Из леса галопом выскочил жеребец с перекошенным седлом без всадника. Я успокаивающе похлопала Горлинку по шее. Из чащи донеслись крики и ругательства:

– Проклятье! Всё из-за этого недоноска!

– Смотреть надо, куда прёшь!

– Я, кажется, велел заткнуться.

– Я не могу встать!

– Ну и сиди здесь!

Пальцы еле слушались, будто замёрзли, я нащупала рукоять и рванула клинок из ножен как раз, когда из-за деревьев выехали два тёмных силуэта. Их лица в тумане виделись мне странными карикатурами.

– Эй, ты! Ты связалась не с теми, – раздался над лесом

голос, что до этого предлагал всем заткнуться, последовал лязг мечей. Судя по очертаниям, что мне удавалось различать, это были длинные тёмные мечи, какие куют в северных странах. Такие рубят мощнее секиры, а режут легче бритвы. Тем не менее до моего клинка им далеко. Но что толку, если его сжимает слабая дрожащая рука? Головокружение мешало даже двинуться, я опустила голову, чтобы не выпасть из седла.

Хриплый смех звучал совсем рядом, я стиснула зубы, вот-вот холодное лезвие коснётся моей шеи... Время тянулось мучительно долго, враг... ждал? А может, решил пощадить меня?

Я подняла голову, оба всадника и их кони замерли, как замороженные. Меч, занесённый надо мной, так и не опустился.

Со мной поравнялся всадник на чёрном боевом коне, в кольчуге и закрытом шлеме. Я плохо соображала, только силилась не упасть, впившись руками в край седла.

Всадник двинулся вперёд, вынул меч, я видела, как разбойники упали, а лошади со ржанием кинулись прочь. А потом что-то со свистом пролетело над головой, должно быть, стрела. Свист повторился, Горлинка подо мной заржала и встала на дыбы. Так я оказалась на земле, успев увидеть, как мой защитник кинулся в заросли. Послышался крик, а потом резко оборвался. Затем всадник вернулся, спешился, его сапоги оказались передо мной:

– Кеита, что с тобой? – я повернула голову, он открыл забрало, очертаний лица я не различила, но голос и тон показались знакомыми...

– Ваше Величество, рада, что вы в порядке, – то ли сказала, то ли подумала я перед тем, как туман окончательно накрыл весь видимый свет.

Глава 3

Мой взгляд упёрся в дощатый потолок, я лежала на мягкой кровати. Затылок ещё ломило, но от тумана не осталось и воспоминаний. Сильно хотелось пить, губы слиплись, в горле застрял сухой комок.

– Ну вот, вы в порядке! – проговорил рядом незнакомый женский голос.

Я повернула голову и несколько раз сморгнула, слева на стуле сидела девушка лёгкого поведения. Это ещё что такое?

– Вы кто? Где я нахожусь? – слова резанули горло.

Девушка тут же протянула мне ковш с водой. Обхватив его двумя руками, я припала к краю и залпом осушила. На мгновение почувствовала тошноту, но она быстро прошла, силы вернулись.

Я оглядела комнату: окно, комод, два стула. На комодѣ была сложена моя одежда, меч и нож. Я же была одета в просторную белую сорочку, коснувшись груди, нащупала и амулет.

«Не обворовали. Значит, я не у врагов... Король!.. – последним, что я помнила, был его голос. – Или показалось?»

– Что это за место? – спросила я.

– Таверна «Абит-Кард», – улыбнулась девушка.

Я такой не знала.

– Всё в порядке. Я целительница, меня зовут Матья.

Ах, точно! Могла бы и догадаться, целительницы одевались очень смело, всегда хотела знать почему так.

– Вам лучше пока лежать. Вы были ранены и отравлены!

– Но как я сюда попала?

– Ваш друг вас привёз, – она дёрнула оголённым плечом, – вы не помните?

– Ах, да, да, да, – соврала я. – Где он, кстати?

– У себя в комнате. Ждёт, когда вы придёте в себя. Мне позвать его?

– Дайте-ка я сначала оденусь...

"...и возьму оружие, а то мало ли, что там за друг".

Всё-таки я не ошибалась. Минут через пять в комнату вошёл сам Бернад Двдцдть Четвёртый, правда, уже не в сиреневой мантии, и даже не в кольчуге. Разодетый, в расшитом длинном камзоле, белых панталонах и новых чёрных сапогах. На мой взгляд, не хватало только пары белоснежных перчаток, чтобы прямо сейчас прыгнуть в карету и отправиться на светский приём.

На входе он притормозил, приподнял брови, быть может, ждал приветствий. Я остановила взгляд на уровне его груди, сделала вид, что глубоко задумалась. Всяко лучше, чем выдавливать из себя непривычные фразы, а потом терпеть колкие взгляды.

Чуть заметно вздохнув, Его Величество уселся на стул, глянул из-под прикрытых век:

– Объясни, что тебе понадобилось в лесу?

"Ну, надо же! Вопросы здесь задаёт он".

– Я делаю, что хочу!

– И как часто?

– Всегда! – не моргнув, проговорила я самую большую ложь в своей жизни.

Король развёл руками:

– Значит, тебе сказочно везёт. Выехать в это время года на западные дороги без единого лекарства. Кто тебя обычно спасает?

Я поперхнулась: обычно это я всех спасала. А он продолжал:

– Не знаешь лечебных заклинаний, так хоть кольчугу носи!

«Кажется, меня отчитывают».

Захотелось защититься, наконец, показать, что я тоже чего-то стою. Я поддалась этому почти детскому порыву и вклинилась в его речь:

– Знаешь... Знаете, Ваше Величество, есть такое заклинание «Уворот», с ним не нужны доспехи. Так вот, оно действует постоянно благодаря амулету, который всегда со мной, – я поняла, что при этом гордо выпячивала грудь, и смотрелось это, по крайней мере, странно.

Я поспешно сгорбилась. Ну и дурацкие ужимки! Никогда прежде не хвасталась, не стоило и начинать.

Король внимательно и невозмутимо наблюдал за мной:

– Как же тогда тебя ранили и отравили?

Память подкинула неприятную картину: лезвие в руках ребёнка.

– Неважно! Это долгая история... – меня передёрнуло, зато настрою сменился, пропало ощущение неловкости от предыдущей реплики. – А вот что ты, Величество, там делал? Сам же говоришь, что опасно.

– Позволь заметить, я не ранен.

"Ещё и спас меня. Нужно бы поблагодарить".

Я глянула на его лицо: осуждающий взгляд, поджатые губы, складка меж бровей – такой грозный, что даже стул под ним испугано скрипел. Никогда ещё не испытывала такого затруднения в общении. Перед тем, как снести башку шаблонному злодею, врагу государства и нарушителю покоя мирных граждан, и то проникаешься чувством сострадания. Вид же этого королевского существа губил на корню все прекрасные порывы.

Я сощурилась и представила, что глотаю горькое лекарство:

– Спасибо, Ваше Величество, без вас мне не жить! – выдохнула.

Не верилось, но взгляд его потеплел, на мгновение показалось, что ему приятно:

– Не благодари за это.

Эта искра человечности быстро отогрела и меня, подтолкнула спросить снова:

– И всё же, что ты там делал?

Он посмотрел мне в глаза всё тем же нормальным взглядом.

– Грабил караваны, – не сразу ответил он.

Такая попытка пошутить была дороже, чем правда. Или он не шутил? Я поверила в лучшее и поддержала:

– Неплохо вышло. У тебя, Величество, талант! – я покосилась на его новый наряд.

Король помотал головой и цыкнул:

– Пожалуйста, оставим формальности.

– В смысле?

– Не пытайся называть меня «Ваше Величество», у тебя это всё равно не выходит.

– Ну, я так быстро не сдаюсь, я буду работать над собой.

– Не надо. Это сейчас лишнее.

Всей душой хотела оставить этикет и согласилась бы сразу, но не могла упустить возможности побесить его. Он спас мне жизнь, и, может это искупало "дикарку" и "людоедку", но не упоминание рабства. Я покачала головой:

– Не могу допустить, Ваше Величество. Как смею! Столь дерзко и непозволительно обращаться... – начала я речь, которую знала из сказок, однако, на этом запас пышных выражений и иссяк.

Король закатил глаза, без всякой иронии, холодно и устало. Не знаю, как он это сделал, но у меня будто пол из-под ног ушёл, сердце ёкнуло. Я забыла с чего начала и лишь вы-

говорила:

– А как тебя называть?

– Дарган.

– Почему Дарган?

– До чего же ты любишь вопросы! Меня так называли, даже я никогда не интересовался почему.

– Это имя красивое, – мне стало даже немного обидно за имя. Оно подходило ему, куда больше, чем Бернارد, и даже украшало. На Даргана даже обижаться не хотелось. – Приятно наконец познакомиться.

– Познакомились, – кивнул он, – теперь нет необходимости прятать меч под подушкой.

Я обернулась, из-под подушки виднелась рукоять, меньше надо было ёрзать. Король всматривался с неподдельным любопытством.

– Короткий меч?

– Да, любимое оружие!

– Ты позволишь? – он протянул руку.

Ну что ж! Достая меч и протягиваю Даргану.

Сначала он внимательно осмотрел его в ножнах, изучил рукоять, потом, словно не решаясь, обнажил лезвие. С таким выражением лица, наверное, разворачивают письма с войны. Рука его дрогнула, щёки покраснели. Король бездыханно глядел на знаменитое оружие, "произведение искусства, копию которому человек создать неспособен". Губы его открылись, взгляд заметался, он точно наблюдал за призрач-

ным диалогом, складки на лбу чернели.

Этот клинок узнавали и прежде, но такой гаммы чувств не припомню.

Я откашлялась, он встрепенулся, перевёл взгляд на меня:

– Меч Солнечного камня. Так ты Кеита Брайа! Та, что...

– Да-да, – киваю с вежливой улыбкой, подавляю желание закрыть лицо руками.

В эти минуты узнавания никогда не знала, что делать, и это сковывало. Я чувствовала себя обезьяной в клетке, не в силах избежать взглядов, будто что-то от меня ожидающих.

– Почему же ты не сказала?

– Ну, ты тоже не сказал, что ты король.

– Странно, если бы я подошёл и сказал: «Здравствуйте, я король!».

– А я бы «Здравствуйте, я Кеита Брайа». И вообще, что меняется? Разве я не дикая чужестранка?

Дарган дёрнул половинкой рта и заговорил о другом:

– Мы хотели исследовать нижний уровень дворца, разве нет?

– Было дело.

Он кивнул, вставил меч в ножны и вернул мне:

– Встретимся у лестницы через пару минут.

Я обулась, закрепила ножны на поясе, бросила взгляд на зеркало, немного поправила спутавшиеся косички и выглянула наружу. Жизнь научила меня не входить и не выходить, не осмотревшись.

К лестнице вёл холл с тремя дверями с каждой стороны, я была за дальней справа. У самого спуска топтались трое мужчин на любой вкус: мягкотелый блондин в мятой рубашке, лысый полуголый амбал и худощавый брюнет в кольчуге. Самое забавное – они были одной командой, стояли в кругу, и что-то обсуждали.

Блондин несколько застенчиво мусолил в руках пергамент и без усталости бубнил. Амбал кивал, брюнет недовольно кривился. Наконец, амбал указал на вторую дверь слева, и компания двинулась туда. Тут же дверь отворилась, на пороге возник Дарган.

– Ну вот, мы снова встретились! – прошипел брюнет.

Вся странная компания разом повернулась.

– Я говорил тебе, лучше уходи сам? – поддакнул блондин, из-за спин своих товарищей.

Амбал же только агрессивно шипел.

– И что дальше? – король опёрся рукой о дверной косяк. – Убьёте меня или...

Из рук блондина вылетела красная молния и ударила Даргану в грудь. Лицо короля сморщилось, он стал сползать по дверному косяку.

– Быстро! – рывкнул брюнет амбалу. Тот грубо подхватил Даргана и, закинул в комнату, как мешок с мусором. Дверь за ними закрылась.

Я кинулась через проход, они даже не потрудились запечататься. На моё появление странная троица не обратила ника-

кого внимания. Король неподвижно лежал на кровати. Блондин и амбал теснились у окна. Брюнет прохаживался взад-вперёд по маленькой комнате, сложив руки за спиной:

– Доставай щипцы и верёвку. Думаю, для подписания бумаг ему и трёх пальцев хватит! – проговорил он.

В этих словах, движениях, вообще во всём их внешнем виде просматривалось что-то неестественное. Однако думать об этом у меня не было времени, во мне заговорил рыцарь Армады.

Ноги сами встали в боевую стойку, лезвие легендарного клинка блеснуло в оконном свете. Троица обернулась, каждый из них поспешно принял нечто среднее между боевой стойкой и фигурой танца. Это походило на элементы древних боевых искусств, которыми пользовались ассасины. Рисковать и приближаться к ним я не стала, а отправила молнию в острый край подоконника – так учил Гредвар.

Молния отразилась и раздвоилась, сразив амбала и блондина – они упали оглушённые. Брюнет же ловко отпрыгнул и запустил в меня дротик, что с моим амулетом «Уворота» бесполезно – он пролетел мимо. Пришла очередь меча. Я встретила атаку одним резким движением и завалила его на стену.

"Нет, не ассасины. Кто тогда?"

И, словно в ответ на мои слова, зажатый в угол брюнет завопил. Не злобно, а очень даже обиженно:

– Не, дружбан, мы так не договаривались! Слышишь? Она

слишком хорошо дерётся, убьёт же!

Пришлось сморгнуть: он обращался к Даргану! И король вдруг "ожил", сел на кровати:

– Ладно. Признаться, я тогда этого не знал.

– Да пошёл ты! – брюнет почти плакал. Холодность, с которой он грозился оставить королю три пальца, улетучилась. Передо мной ныл напуганный чернявый парнишка. – Мне эти травмы к чёрту не сдались, я подзаработать хотел, а теперь неделю целителю свой обед отдавать буду.

Дарган прижал ладонь ко лбу:

– Я оплачу, – вздохнул он, – вдвойне. Только замолкните! Кеита, прошу, оставь их, они ни в чём не виноваты, они просто актёры.

До меня начала доходить суть происходящего, я убрала меч, хотя хотелось рубить и резать, но не актёров. Я посмотрела на короля так, чтобы он сразу всё понял, во мне закипал праведный гнев. Он холодно выдержал мой взгляд.

Тем временем брюнет со вздохом и демонстративным цыканьем приводил товарищей в чувства. Те стонали, жаловались и отказывались подниматься. Сердце моё заныло – я бы никогда не опустила до неоправданного насилия.

Однако услышав звон монет в мешочке Даргана, актёры резко ожили. Значит, для них это тоже была лишь часть представления, обошлось без серьёзных травм, на душе полегчало, но лишь самую малость.

Я тихо наблюдала, как король отсчитывал серебряные, как

актёры довольно скалились, и, потирая ушибы, уходили. Но как только дверь за ними закрылась, снова подняла меч.

Дарган покосился на лезвие:

– Кеита... – голос звучал сдержано и осторожно. – Давай без шуток, я ведь только что убедился, что ты не желаешь мне зла. Или...

– Теперь желаю! – сказала я намного громче, чем хотела. – А то я тут бью людей, которые мне ничего не сделали!

– Кеита, я не буду с тобой драться.

– Зато будешь обманом заставляя драться меня? – обида и раздражение брали верх, в груди жгло, будто наелась острого перца.

Я наступала, пока Дарган не упёрся спиной в стену, затем нацелила остриё ему в грудь. Нет, я, конечно, не собиралась причинять ему вред, но обязана была показать свою позицию раз и навсегда. Я не потерплю, чтобы мою преданность использовали против невиновных – это не шутки!

– Знаешь, что, Величество, ты перешёл всякие границы. Меня ещё никто не умудрялся так взбесить, и это за два дня! – я говорила тихо, не в силах унять раздражение, челюсть моя немела. – А ну рассказывай, что здесь происходит!

Отдать ему должное: он оставался непоколебим, ни один мускул на лице не дрогнул. Он прислонился к стене, глядя поверх меня.

– Я не буду разговаривать в таком положении, убери меч! – холодно проговорил он.

– У тебя не получится всё время мне приказывать!

– Думаешь, у тебя получится приказывать мне?

– Когда ты поймёшь, что мир внизу устроен иначе, чем у тебя там, под облаками?! Здесь все равны, а правоту доказывают мечом или монетой – нравится тебе это или нет. Никто не собирается спускать тебе обиды, и слово твоё тут ничего не значит! Не веришь? Проверь это на себе, а не на мне!

В груди полыхало пламя, хотелось рычать, я отнюдь не выплеснула всё, что хотела. Но накидываться на него – всё равно, что накидываться на придорожный камень. Я убрала меч и опёрлась о стену напротив.

С отрешённым видом он стоял ещё секунд десять потом заговорил, глядя мне в глаза:

– Я понимаю твою обиду, Кеита, но и ты меня пойми. Я не знал о тебе ровным счётом ничего. Да и сейчас не знаю, кроме твоего имени и того, что четыре года назад...

– Да ты нормальный? Сам подошёл, попросил помощи, а теперь спрашиваешь, зачем я за тобой следую.

– Вот именно, а ты пошла за мной аж на западные дороги, и собираешься дальше, лишь стоит мне сказать. Знаешь меня, хотя мы ни разу не встречались, но сама не представилась, я смог опознать тебя только по мечу. Я должен был тебя проверить.

Он прав, может, это не много странно, но:

– Разве я дала хоть малейший повод в себе усомниться?

Он помотал головой:

– Тем не менее твоё отношение на слепую преданность не тянет. Тебя кто-то нанял.

Он помолчал. Я не ответила. По мне, чем дольше он не знает, что я из Армады, тем лучше. А то тогда в меня уж точно будут лететь одни приказы.

– Что ж, по крайней мере, этот кто-то велел меня защищать. Бог знает, что ещё, но хотя бы так.

– Откуда столько осторожности? Против тебя что, заговор?

– Против короля всегда есть заговор. Думаю, ты не совсем представляешь, с чем я столкнулся.

– Так тебя участник заговора из окна выбросил?

– Послушай, Кеита, я, конечно, доверяю тебе больше, чем прежде, но лишь самую малость.

«Так он готовит мне ещё какую-то проверку?»

– Да как бы там ни было, я могла убить тех людей, ты это понимаешь? И что тогда?

– Ну... Когда их нанимал, не понимал.

– Да откуда у тебя вообще деньги? Такие представления стоят немало. Ты, правда, ограбил караван? Или может, разбойников?

– Я не обязан отчитываться. Закончила спрашивать? Захотелось снова схватиться за меч.

– Я буду спрашивать! В любое время.

Он вздохнул:

– Я не то имел в виду. Знаю, ты всё ещё в обиде. Я вёл себя

не слишком-то... мудро. Пойми, нервы сдают... – он снова вздохнул и махнул рукой. – Я хотел пригласить тебя на обед в качестве извинения, если ты не против?

Я так и замерла, окончательно сбита с толку.

– Вы... все такие странные... короли?

– Поголовно! – его голос стал томным, глубоким. Затем его рука ладонью вверх приглашающе потянулась ко мне: – Миледи, вы окажете мне честь?

Глаза его блеснули, в них смешались пламя и смятение, будто я поймала его взгляд, в момент, когда в нём выразилась неконтролируемая страсть. В момент, когда он не ждал, что раскроется его таинство.

Конечно, всё это была игра, о чём он не забыл намекнуть, назвав меня «миледи», будто бросив цитату из учебника этикета. Ну какая я «леди», ещё и для короля?

Но...

Этому человеку не надо улыбаться, чтобы очаровывать. Хватало одного взгляда, он был тяжёлым, обволакивающим, кружил голову, забирал, уносил...

«Наверное, при дворе учат сводить с ума глупых девушек, я должна держать себя строго!» Да вот только не получалось.

Казалось, к моему лицу поднесли горящий факел, щёки вспыхнули, во рту пересохло. Я сморгнула, постаралась сдвинуть брови, чтобы он ничего не заметил, хотя плечи подрагивали при каждом вдохе, и вложила свои пальцы в его ладонь.

– Конечно. Это честь для меня, милорд.

Мы так и спустились по ступенькам и вошли в обеденный зал, держась за руки, как на церемонии. Только когда люди за столиками начали на нас коситься, я опомнилась и отдёрнула руку.

Думала, что даже не смогу есть, но, как только увидела кашу с овощами и варёными яйцами, вмиг забыла о королевском очаровании. Я наконец осознала, как проголодалась. Минут пять в мире существовали только я и миска еды, потом я припала к кружке холодного сбитня и наконец покосилась в окно – светло.

– Как долго я пролежала?

Дарган оторвался от своей кружки:

– Полтора суток.

Я даже поперхнулась, ведь думала, что провалялась в кровати пару часов.

– Что ж. Бывало и хуже.

– Верю, – он кивнул, задумался: – И где живёт прославленный герой?

– На юге, в Динки.

– А в Асилоте что делаешь?

– Не поверишь, приехала развеяться, повидаться с друзьями... поесть мороженого! На юге его не делают.

– Вот как?

– Да. Я вовсе не желала искать новые приключения!

– А чего желала? Покоя?

Не люблю такие вопросы! На самом деле я страшно потеряна в жизни, сама не знаю, что ищу.

– Когда отправимся во дворец? – сменила я тему.

– Может, сперва отдохнёшь? Всё-таки ты была серьёзно отравлена.

– Да брось, отчего отдыхать? От отдыха?

Он склонил голову набок:

– Что ж, тогда можно и сейчас.

Глава 4

Когда Дарган вывел лошадь из конюшни, меня прошиб пот.

– Горлинка!

– Что?

– Моя лошадь, что с ней случилось?

– Ускакала в лес, – король надел шлем и оседлал коня.

– Чёрт! – я села ему за спину.

Я оглядела кольчугу и закрытый шлем, видимо, он серьёзно отнёсся к моим словам по поводу стражников. И правильно сделал, когда мы приблизились к площади, я даже прищипнула: на каждом дереве, на каждой стене был прикреплен его портрет с надписью «50 золотом за поимку живым или мёртвым».

Храм запрещал рисовать настоящие лица. Всем правителям и великим людям посвящались, так называемые, портреты, «отражающие суть и бессмертие души». Однотипные, непохожие на тех, кто на них изображался. Преступников же позволялось рисовать во всей красе! Считалось, что их, итак, уже коснулся дьявол.

– Боже мой, и вот так люди увидели меня! – пробормотал Дарган. Его вздох искажился в шлеме и показался стоном.

– Какая же у них хорошая память!

– Как бы они и тебя не запомнили.

Я только пшикнула. Уж я-то, отслужившая в Армаде четыре года бок-о-бок с бойцами Королевской армии знала:

– Все чужестранцы для них на одно лицо. А после появления кодексов, в нашу сторону предпочитают вовсе не смотреть.

– Вот как?

«Да уж, теперь не увидишь стражника, избивающего чужестранца, а вот серенидца запросто...»

Мне вдруг стало стыдно, что я ещё вчера назвала это нормой и даже никогда не задумывалась над этим, в то время как провозглашала себя борцом за равенство. Осудила Даргана за то, что он вступился за серенидца перед стражниками, а ведь сама недавно делала то же самое, только заступаясь за таприканцев. Так кто из нас ещё расист?

– Дарган...

– Да?

Я сама не поняла, что хотела сказать ему. Возвращаться к старой теме было глупо, но хотелось дать понять, что я поддерживаю его. Я упёрлась взглядом в его спину, сжала пальцами выбивающееся из плетения кольцо его кольчуги и проговорила:

– Ты не волнуйся, мы обязательно найдём способ отправить тебя наверх!

Он хмыкнул:

– Что ж, спасибо.

Мы привязали коня не далеко от площади и пошли пешком. Народу пока было мало, и мы быстро добрались до распахнутых дворцовых врат.

На нижнем уровне королевского дворца жизнь кипела от рассвета до заката. Утром здесь ютились гости столицы, подмастерья искусства, студенты, слуги помещиков и аристократов со списками покупок. Ближе к вечеру – освободившиеся от своих забот рабочие.

Нижний уровень дворца – его первый этаж с высоченным потолком целиком предоставлялся населению. В бесчисленных комнатах располагались магазины и увеселительные заведения.

Здесь шумела вечная ярмарка. На длинные прилавки купцы выкладывали заморские товары. В глазах пестрило.

Фроксийских ткани, меха, кожаные изделия – зима придёт рано или поздно. Ауанские парфюмы и целебные масла – с континента такого дальнего, что, наверняка, подделка. Баркийская посуда – менее качественная, чем серенидская, зато расписная, а также украшения из таприканских камней, зато от баркийских ювелиров. Таприканские и ретаньянские сладости —сушёные фрукты, орешки, сиропы, и, конечно, шоколад. А также сувениры: от статуэток до музыкальных инструментов.

Среди всего этого мимы звенели бубенчиками, переодетые серенидские актёры – но не сами чужестранцы, распевали песни разных народов, художники предлагали портреты в

диковинных нарядах. Посетители хохотали, кричали, хлопали, пожёвывая дольки вяленой ретаньянской тыквы. Из всего великолепия товаров, многие могли позволить себе только этот самый скромный привозной десерт.

Рядом целительские клубы предлагали оздоровление и невероятное омоложение с выездом на поместье.

На другой стороне, где располагались культурные заведения, любители театра, ссорились с книголюбями, ведь когда начинался спектакль, в библиотеке становилось слишком шумно. Ораторы выставочного зала, перекрикивая их, зазывали полюбоваться новыми шедеврами искусства и ремесла. Там я уже успела побывать ещё до встречи с Дарганом. Облегчённые загнутые мечи из Фроксии – сабли и панцири на спину и грудь из тонкого металлического листа – кирасы в отделе кузнечества не вызвали у меня доверия.

За всем этим "карнавалом" не терялось и великолепие дворца. Стены из гладкого искрящегося камня, фонтаны со статуэтками, цветочные орнаменты на пластинах огромных окон. Всё проходило в роскошной атмосфере, передавало ощущение центра мира, чувства, что тут, но на двести метров выше восседает на троне непостижимый, величественный монарх... А впрочем нет, уже не восседает.

– Дарган, как ты обычно попадаешь наверх?

– Так уже не получится.

– Что ты имеешь в виду? Туда можно как-то подняться?

Ну, некоторые же туда попадают, – сказала я фразу, над ко-

торой ещё вчера смеялась.

– Попытаемся выяснить. Где-то должна быть лестница!

«Лестница? Я блуждаю тут не первый год и ещё ни разу не сталкивалась с таковой!»

– Туда, – шлем Даргана смотрел в сторону прочной двери под круглой аркой.

Для простого люда она имела не больше смысла, чем стена. Едва ли посетители нижнего уровня прежде решались хотя бы на попытку её открыть. Этот смертельный номер не удался и нам, стоило лишь приблизиться, как на пути вырос стражник:

– Куда это мы направляемся?

– Мы, – я быстро подделала акцент, – посмотреть, что там.

– Кто такие?

– Странники, – я пожала плечами.

– А что за вид? – он кивнул на Даргана.

– Ой, – я засмеялась, – он у меня просто восхищаться местная экзотик!

– Дьявол, вы чужестранцы какие-то ненормальные! В общем, туда нельзя, понятно? – он выговаривал по слогам. – Для посетителей только эта зона, – он очертил руками помещение.

– Я так и знала. Говорила же! – хохоча, я толкнула Даргана локтем. – Ну что ж, – я развернулась и столкнулась лицом к лицу со стражником в позолоченном шлеме.

Тот самый или нет – трудно сказать, для меня вся Коро-

левская армия на одно лицо.

– Что тут у тебя, боец? – обратился он к нашему стражнику.

Я взяла Даргана под руку, мы ускорились.

– Да вот, чужестранцы, – усмехнулся стражник, – гуляют и...

Я его уже не слышала, мы отделились, почти смешались с беспорядочной очередью у магазина сладостей.

– А ну-ка постойте! – нагнал нас громовой голос. И сомнений не осталось: что-то не так. Это поняла даже в очередь, люди стали отстраняться, бросать на нас косые взгляды. Мы пробивались вперёд.

– Вы двое, а ну подождите! – послышался тот же голос.

Мы пошли быстрее, почти перешли на бег.

– Держите их! – прогремело на весь зал.

Оставалась пара шагов, а там мы бы затерялись в толпе. Не тут-то было, перед нами, как из-под земли, выросло двое стражников.

– В чём дело, господа? – возмутилась я.

– Куда торопитесь?

– На обед, проголодались, а что?

– Неужели? – заорал подоспевший сзади капитан. – Ты, чужестранка, я тебя помню! И твоего дружка, – он оскалился редкими зубами, в глазах зажглись недобрые огоньки. – А ну-ка, подними забрало!

– Как вы смеете?! Мы свободные люди. Под защитой су-

веренного государства... – затрещала я привычную каждому чужестранцу тираду.

– Я не с тобой разговариваю, заткнись! В гробу я эти кодексы видел, – гаркнул капитан. – Я сказал, засвети рожу, хмырь! – он уставился на Даргана.

– Налево, Кеита, бежим к заднему выходу, и не оборачивайся, – по-таприкански сказал Дарган.

На удивление времени не было, но я пообещала, если выкрутимся, допросить его о языковых способностях. Король обхватил шлем обеими руками, снял его целиком, а затем запустил в капитана. Тот потерял равновесие, а мы бросились наутёк.

Сбивая встречных людей, мы мчались к задним дверям, я молилась, чтобы они оказались не заперты. Наперерез нам бежали ещё три стражника, но мы успели выскочить наружу, а над площадью уже звучало:

– Держите их! Задержать!

Все стражники, что только были в округе кинулись к нам. Впереди их нарисовалось целых пять, с боков бежали ещё четверо, сзади кряхтел уже знакомый капитан:

– Ну вот и всё!

Как рыцарь Армады я попаду под трибунал, потом меня с позором отправят обратно, в Таприкан, где я проведу остаток дней на плантации, если я только подниму меч против Королевской армии. Мне следовало вовсе уйти, но рука сама легла на рукоять.

Опомниться заставил оглушительный крик Даргана:

– Кеита, не смей!

Дрогнули даже стражники, но капитан ухмыльнулся:

– Пусть помашет мечом. Тебе в темнице компанию составит. А то на том свете уже чёрненьких не встретишь.

Я даже закашлялась. В Королевской армии, и даже не стесняется...

– Ссылаться на старовековую ересь?! – заорал рядом Дарган. – Дискриминировать?! Ты капитан Королевской армии, сын собачий! После таких слов будешь чистить туфли торговцев Касинианского порта!

– Касинианский порт? Ах да, вспомнил, я там как-то твою мать по полу валял, – усмехнулся стражник. – Схватить...

– Что! Ты! Сейчас! Сказал! – рёв Даргана перекрыл голоса и шум, на секунду завладел всей столицей. Король налетел на капитана, сбив его с ног, они вдвоём рухнули на землю. Дарган приподнялся и одним ударом превратил челюсть капитана в кровавое месиво, затем полез за пазуху и вытащил нож.

– Нет! – я кинулась вперёд, но опомнившаяся стража уже оттащила его.

– Ф сюрьму, ф сюрьму... – бормотал капитан, барахтаясь на земле в своей новомодной кирасе, как перевёрнутая черепаха. Я так и знала, что кольчуга лучше, а эти новшества до добра не доведут. – Ф канвалы! И её хвасайте!

Двое стражников подошли, заломили мне руки за спину.

– Э, нет-нет-нет, господа! – послышался сзади звонкий мужской голос.

Передо мной появился человек в бежевой мантии с накинутым капюшоном.

– Какого тяфола? – капитан сел, выплевывая кровь вперемешку с осколками зубов.

Мужчина вскинул ладони, потом извлёк из-за пазухи подвеску в виде голубого жетона.

– Орден Непринуждённых! – объявил он, хотя в разъяснениях никто не нуждался.

– Какофа сёрта? – выговорил капитан.

– Вы не имеете права задерживать эту даму, она под защитой ордена! Все её дела решаются через нас!

Схваченный четырьмя стражниками король подарил мне оценивающий взгляд.

– Фто? Эфа фама нам не нувна! – замахал руками капитан. – Вабилайте!

Член ордена схватил меня за локоть и быстро потащил прочь.

– Стой, стой! Эрун! – я наконец вспомнила имя того, кому принадлежал этот звонкий голос. Увидеть лицо под капюшоном никак не удавалось. – Я не могу его бросить!

Я обернулась, конвой стражников поспешно удалялся, их спины полностью закрывали силуэт Даргана.

– Тише ты! – прошипел Эрун. – Уже натворила достаточно! Ты почему им свой жетон не показала?

– Сам видишь, не до этого было! – я перешла на громкий шёпот.

Эрун стукнул себя по лбу:

– Ладно, сейчас не об этом, надо быстрее убираться отсюда.

Он был прав, в тот момент мы не могли помочь Даргану, только привлекли бы ненужное внимание.

– Ладно, у меня есть конь, давай верхом!

Теперь уже я схватила его и потащила туда, где Дарган оставил коня, мы поскакали в трактир «Маретт-Рюсар», штаб-квартиру ордена Непринуждённых.

В баре царил всё тот же полумрак, но на этот раз он не пустовал. Нас ждали. За дальним столом сидело четверо человек, их тени дрожали в свете зажжённой свечи. Маретт, глава ордена, пятая, стояла, опершись о барную стойку.

Эрун снял капюшон, открыв ещё мальчишеское веснушчатое лицо и огненные волосы, и в виде пьесы изложил случившееся на площади. Мрачная атмосфера бара наполнилась хихиканьем, но в конце концов вновь воцарилось молчание. Все взгляды устремились к Маретт, та вздохнула:

– Кеита, душка, ну, его-то, может, мать со стола в детстве и уронила, а ты-то баба нормальная...

Бен, черноволосый парень, что сидел, подперев спиной стену пшикнул:

– Ты его мать не трогай!

Бар снова наполнило хихиканье.

– Несмешно, – я закусила губу, чтобы не сказать лишнего. Знали бы они, кто его мать, ведь за королеву Минору я бы и сама набила рожу любому стражнику.

– Тут у нас все, чуть что, оскорбляют матерей друг друга. Это между делом. Кто на это обращает внимание? Что теперь, на стражника кидаться? – снова включился Эрун.

– Так, Эрун, – перебила его Маретт, – это не главное! Главное – ты нам, Кеита, скажи, чего ты этого своего хахаля сразу к нам не привела? Ещё и во дворец потащила? Чего тогда уже сразу не в штаб Армады? Голову напекло тебе, а, девка?

Я только вздохнула, как бы мои пути с орденом теперь не разошлись.

– Надо его из-под стражи вытащить. Очень надо! – только сказала я.

– Так сама знаешь, если бы вы сразу к нам пришли, то вообще проблем бы не было, а теперь он уже в тюрьме. Дождалась бы уже, когда ему башку отрубят.

– Кто там ему башку отрубит? – вскинул голову Бен. – За такое вешают!

– Молчи уже, – хмыкнула Маретт, – говорю, башку отрубят.

Показалось, пол под моим ногами содрогнулся, но я устояла.

– Повесят!

– Да нет же, башку отрубят! Как этому, тому, как его там?

– Повесят его! Говорю тебе.

– Башку не отрубят! – встрял между ними Растен, наш мастер судебных дел. – Сейчас его до глубокой ночи без воды и еды в кандалах продержат, потом, – он зашагал по столу двумя пальцами. – в специальную комнату вытаскивать признание раскалёнными щипцами. Потом будет символический суд, без нашего участия он продлится не больше минуты, а с рассветом повесят. За нападение на слугу закона вешают.

Я почувствовала лёд на загривке, меня передёрнуло.

– Тише вы! – крикнула Маретт. – Не терзайте девке душу! Не видите, у неё, итак, сердечко трепыхается! Кеита, ты садись, садись. Не отдадим мы твоего болвана в лапы палачам.

– Мы своих не бросаем, что важно для одного, важно для всех! – сказал Эрун.

– Да, Кеита, – снова заговорил Бен, – орден всё уладит. Никто его не тронет, что он, собственно, сделал?

Растен откашлялся:

– Ну... Парализовал стражников. Ладно, я буду настаивать, что это не атака. А вот то, что капитану последние зубы выбил и нож показал... – он снова откашлялся. – Хотя, я так понимаю, капитан упомянул старовековую ересь ещё и, фактически, в отношении чужестранной гостьи. А это уже аргумент, если Кеита пригрозит написать жалобу, он сразу же забудет об этом инциденте. В итоге... – он задумался, – Которой обойдёмся. Дальше очередь Бена, да, Бен? – он кивнул

в сторону товарища.

Бен, уже начавший что-то пить, резко оторвался от своей деревянной кружки и закивал:

– Никаких проблем. Уже через пару месяцев в обычную тюрьгу переправим. Пару лет отдохнёт и на свободу! – кружка снова закрыла половину его лица.

Я не отвечала, перед глазами проносились жуткие картины, меня мутило.

– Вот видишь, не о чем волноваться! – Маретт подошла ко мне.

– Я лично буду на суде, – продолжал Растен, – можешь не сомневаться. Главное, напиши мне его полное имя. Желательно, ещё его отца и матери, – он сдержал усмешку. – Маретт, дай пергамент и чернила. – Если у него в роду какой-нибудь захудалый аристократишка найдётся – то вообще замечательно!

Я стиснула зубы. Шесть человек, не моргая, уставились на меня. Что-что, а врать я не умею, говорят, на моём лице все мысли "написаны".

– В чём проблема, Кеита, – сдвинула брови Маретт, – кем бы он ни был, эта тайна умрёт здесь. Уж кого мы только не выпутывали!

– Всё равно мы узнаем кто он, в судебной бумаге указывается, – дёрнул плечами Растен.

– Ты лучше наплюй на все принципы! – посоветовал Эрун, усевшись неподалёку, он ковырял ножиком спинку стула.

Я помотала головой.

– Ну, Кеита, нормального мужика же вздёрнут! – Маретт ударила рукой о стойку.

– Нет! – я прервала бессмысленный спор. – Я поклялась, понятно? Так что придётся справиться самой.

– Ты что, задумала перейти ко Второму плану? – вскинул голову Гердан, крупный кучерявый парень. До этого он молчал, потому что решение проблем мирным путём его не касалось.

– Ко Второму плану не стоит прибегать просто так, – произнесла худенькая блондинка, Эшта, хранительница Устава, всё это время смотревшая в стол.

– Мы не для этого здесь собираемся, чтобы Вторыми планами заниматься! – вскинулась Маретт.

– Нет! – Гердан даже приподнялся. – Протестую! Второй план – наш метод. Мы, господа, потеряли хватку: компрометируем, подкупаем, подсиживаем. Наши предки были благородными бунтарями, а не тёрлись возле закона, как кошки у корня валерьяны!

– Какое отношение твои предки имеют к нашему ордену? – всплеснула руками Маретт. – Старовековье – дикое время. Мы же – порождение цивилизации.

– Вообще, он не это сказал, – откашлялась Эшта, так и не поднимая взгляда, она стала теревить колечко на мизинце левой руки. – Второй план – использовался орденом с основания. Это наш ответ на запрет применения оружия. Вто-

рой план – отнюдь не дикость, это гармония силы и разума. Мудрости и ловкости. Это искусство!

– Посмотри, Кеита, до чего ты их довела! – Маретт закрыла лицо ладонью. – Куда катится этот мир? Стражники исповедуют ересь, неизвестные бьют им рожи, орден Непринуждённых выступает против закона. Вы хоть понимаете, что одна ошибка – и конец, не будет больше ордена, нас самих станут разыскивать!

Это заявление члены ордена встретили дружным презрительным фырканьем.

– Для решения дела человека, не являющегося членом ордена, достаточно согласия двоих из нас, – непоколебимо объявила Эшта, она спрятала руки под стол. – Я согласна!

– И я согласен, – Гердан заломил пальцы и потянулся. – Я буду прикрывать Кеиту.

Второй план подразумевал прямое устранение проблемы без привлечения третьих сторон. Осуществлялся исключительно тайно и требовал детальной проработки каждого шага.

Эшта пошла искать в архиве, что находился на подземном этаже, план тюрьмы, я увязалась за ней. Длинные полки до самого потолка заполняли книги, пергаменты и сундуки.

– Был же где-то тут, этот план тюрьмы! – приговаривала Эшта.

– У нас, наверное, даже план королевского дворца найдётся! – будто невзначай сказала я.

– А чего «даже»? – донёсся приглушённый голос Эшты меж полок. – Это самое важное. Вон, на третьей полке, перед тобой.

Я придвинула тяжёлый лист пожелтевшей бумаги к себе и раскрыла аккуратнo начерченный план.

«Нижние уровни», зал заседаний, жилые помещения...

Далее, королевская библиотека...

Помещения королевской гвардии...

"Основные уровни", жилые помещения, музейные залы, лаборатории, гостевые покои верхнего уровня...

"Тайный этаж" – чёрным квадратом.

"Верхние уровни", галерея Славы, зал Заседания Совета, покои верхнего уровня, тронный зал...

– Там комнаты не прорисованы, конечно, но понять можно, – продолжала Эшта. – А вот о верхней башне и покоях короля мы знаем лишь в теории. Вообще, здесь далеко не всё, никто не знает точно.

"Что-то мне подсказывает, что пешком мы с Дарганом туда не попадём".

– Чёрт побери! Как король туда поднимается? – спросила я.

– Он оттуда не спускается, – усмехнулась Эшта. – Зачем ему эти проблемы? – послышался грохот – она откинула крышку сундука. – Он-то приказы отдаёт, а вот последствия видеть не желает.

– Я думала тебе нравится его политика.

– Так-то нравится, – медленно проговаривала Эшта, то и дело, отвлекаясь на разглядывание бумаг, отбрасывая одну за одной в сторону. – Но его новаторские штучки идут в разрез со сложившимися традициями, в итоге получается полнейший бардак. Думает он хорошо, а вот, как вести дела не знает. Можно подумать, все тут внизу его беспрекословно слушаются! Он совершенно не понимает людей: ни народ, ни знать. Хорошо, что есть мы, орден... А вот, нашла! – она продемонстрировала два сложенных листа. – Здесь всё подробно.

– Да уж, узнать бы в какой комнате его держат.

– Эруна послали узнать, думаю, скоро вернётся, – она вручила мне стопку бумаг, пока запирала дверь в архив, потом резко повернулась. – Ох! Не могу поверить, что наш орден снова занялся делом! – она вновь теребила своё кольцо. – Я за столом едва сдержалась, чтобы не запищать!

Глава 5

Записка, написанная неизвестным заключённым во время дознания:

Всё когда-то заканчивается, и всё же это печально. Я не вор и не убийца, чтобы кончить на виселице.

Вот и дыра в законе. Выходит, если за меня некому заступиться снаружи, то я даже не смогу обжаловать решение суда. Хотя для этого нужно ещё пережить допрос. А учитывая мои теперешние взаимоотношения с капитаном форта, он будет включать в себя все возможные пытки.

Не знаю, переживу ли.

Это чертовски странно упасть до уровня камеры пыток. Остаётся только пройти через всё с достоинством, наверное, это большее, что я могу сделать. Потому сейчас главное обуздать свой страх. А мне страшно, признаюсь, мне страшно. Может к смерти я и готов, но попасть в лапы палачей, которым будет давать указания разъярённый капитан...

Как странно, я будто сам себя закрыл в темнице, выкинул ключ, и теперь некому приказать отпустить меня.

Права Кита, во всём виноват сам. И что я так на неё взъелся тогда? Не привык, что мне в лицо высказывают всё,

что думают. Зато всегда понятно, что у неё на уме.

Я бы мог сказать, что таприканцы верят в меня больше, чем серенидцы, но, на самом деле, это я верю в них. Верю в красивых ухоженных таприканцев, что стоят посреди города, гордо расправив плечи, и не вздрагивают, когда к ним обращаются.

Такие могут добиться многого. Ожидать от них тоже можно многого.

Но двух вещей я уж точно никак не ожидал. Первая, что она узнает меня и не признается. Вторая, что поскочет за мной на западные дороги после всего, что я сказал. После всего, что она сказала!

Но, если честно, я немного разочарован... Орден Непринуждённых, с ума сойти! Куда ж мы скатились, раз сама Кеита Брайя, герой королевства, присоединилась к оппозиции! Интересно, что им от меня надо? Странное поведение, я считал их более прямолинейными, а тут, должно быть, целая стратегия. Теперь уже не узнаю.

Явар... Кто бы мог подумать, что я окажусь на виселице раньше тебя?

Ты уж точно не думал об этом. Не далее, как вчера ты завидовал, что я обладаю такой древней драгоценностью, даже отдал мне за неё свои золотые монеты и лучшие доспехи. Что ж, уверен, ты теперь сможешь пережить осень без грабежей, да и зима тебе нестрашна.

Кажется, я всё сказал. Они хотели, чтобы я написал чи-

стосердечное признание. Вышло довольно чистосердечно, и признаний много. Если честно, более откровенно не высказывался уже лет десять, но им не понравится.

В тюрьму можно было попасть тремя способами. Первый и самый очевидный – через главные ворота, как туда попадали заключённые и работники тюрьмы. Поскольку мы не являлись ни теми, ни другими, этот способ нам не годился.

Второй – через внутренний двор, там дежурили стражники, но бдели, куда меньше, чем на главных воротах и частенько удалялись, совершая обход остальных зданий форта. Проявить хитрость и проникнуть в тюрьму через внутренний двор намеревался Гердан.

Третий – через окно кабинета нарядного¹. Это единственное окно, выходящее на внешнюю сторону без решётки, располагалось на третьем этаже. Оно, конечно же, не охранялось, ведь проникнуть туда с улицы казалось невозможным. И конечно же, сделать это предстояло мне.

Далее нужно было выйти из кабинета и спуститься по лестнице.

На втором этаже располагались казармы и служебные помещения. На первом – камеры заключённых, чьё наказание ограничивалось лишением свободы.

Смертников же, вроде Даргана, держали на полуподвальном этаже, вход со внутреннего двора вёл туда же. Там мне

¹ Нарядный – в Серениде начальник, руководитель

предстояло встретиться с Герданом. Внутри подвальные помещения хорошо охранялись, посторонних туда не пускали. Тут предстояло соблюдать предельную осторожность и быть готовыми к любым неожиданностям.

Даргана держали в восьмой камере западного коридора – это всё, что я запомнила, сколько бы ребята ни тыкали пальцами в план тюрьмы.

Далее, взломать кандалы – дело не хитрое, а вот от двери понадобится ключ, который хранится у нарядного караула, Гердан обещал взять его на себя.

Потом нам предстояло спуститься ещё на этаж ниже и отсюда проникнуть в подземелья, что пролегают под всем городом, Гердан должен был вывести нас к подземельям Храма, а потом на свободу.

Я выехала заранее и первым делом поскакала к дому Йийи, оставила ему коня Даргана вместо Горлинки. И пешком направилась к форту, где в наступающих сумерках белело здание тюрьмы.

Нарядный приходил в кабинет в девять вечера, а часы на площади только-только пробили полвосьмого, поэтому спешить было некуда.

К тюрьме я подобралась под «Невидимостью», и в какой-то момент почувствовав звон в ушах, поняла, что переступила порог. На камнях в вечернем свете резко возникла моя тень. На территории форта магия не работала, по этой причине даже корпус целителей был пристроен к забору с

внешней стороны. Далее мне предстояло полагаться на свои исключительно человеческие навыки.

Я кинулась к стене здания и замерла в тени.

"Меня не ждут, обо мне не знают, а значит всё равно, что невидимая", – проговорила я себе, нащупала выступы стены и занесла ногу.

Стена была изъедена временем, похлеще чем Великое Белое плато. Я легко взбиралась по ней, но, как назло, метра за полтора до нужного окна, камни стали крошиться под пальцами, как песок. Я застыла в десяти метрах над землёй, слушая собственное учащенное дыхание.

"Один рывок назад, и меня не станет. А если кто-то из солдат додумается-таки поднять голову, то я – идеальная мишень для любого лучника и «Уворот» не спасёт. Стрела легко войдёт мне в спину, пронзит насквозь, пригвоздит к стене, как булавка мотылька", – в голове мелькали самые неподходящие мысли.

«Сейчас темно, тебя никто не увидит, успокойся», – сказала я себе.

Рыхлая стена быстро впитывала пот с ладоней. Я впиалась пальцами левой руки в выступ, а правой полезла за пазуху за ножом. Зубами, стянула кожаные ножны. Теперь предстояло размахнуться и воткнуть нож в стену. Вот здесь уже пятьдесят на пятьдесят. Либо нож плотно войдёт в рыхлые камни, либо отколет часть стены, и я рухну вниз, осыпаемая каменной крошкой.

Я поскребла стену носком ботфорты, углубляя выемку, на которой стояла.

«Господь, прости грешную душу мою! Ведь если что, короля никто не спасёт», – только проговорила я и занесла руку, прикусив язык, чтобы не закричать. С губ всё ж сорвался стон и зазвучал внизу эхом, когда я, болтаясь, повисла на ноже.

Едва удерживаясь за рукоять скользкой от пота ладонью, я без устали шептала, но не молитвы. Я ругалась, как последний разбойник с большой дороги, пока наконец не перестала раскачиваться из стороны в сторону.

Снизу доносились отголоски разговоров, на дереве насмешливо застрекотала птица – жизнь шла своим чередом, а я висела на её краю.

Я нащупала рукоять второй рукой и подтянулась, перейдя ногами выше, к рукам. Сорочка на груди разошлась, послышался треск, отлетела пара верхних пуговиц, стукнувшись о стенку. Надеюсь, не попали, на голову какому-нибудь каральному.

Рукоятка теперь была на уровне живота, я давила на неё сверху, так что долго это продлиться не могло. Я оттолкнулась, вскинув руки, и кончиками пальцев ухватила за край окна. Потом встала на рукоять ножа, уже достойного быть частью легенды, оттолкнулась как следует и выбила дряблые ставни.

Ввалившись в кабинет, я рухнула на каменный пол.

"Ничего не закончилось, это только начало. Ну, Дарган! Попробуй после этого ещё меня раздражать! Тогда лучше сразу тебя тут оставлю!"

В этот момент часы пробили восемь. Мой путь вверх занял целых полчаса! Я поспешно поднялась, прикрыла ставни, и вдруг услышала скрежет ключа в замочной скважине.

В один прыжок я пересекла полутёмную комнату и оказалась у двери. Спрятаться бы не получилось: дверь открывалась наружу, но я могла выиграть время.

Мне сказали, нарядный тюрьмы – мужчина в годах, однако свет из коридора обрисовал женский силуэт. Её манера одеваться говорила о хорошем вкусе и богатстве: элегантный костюм, перчатки, причёска.

Стоя на пороге, она небрежно отбросила шарф на стол, затем подкрутила масляную лампу в руках, и вся комната вмиг озарилась светом. Женщина повернулась, чтобы закрыть дверь, и тут заметила меня. Сначала грудь её поднялась, ладонь взметнулась к губам, я сощурилась в ожидании пронзительного визга – ну, вот и попала после всего пережитого. Но она взяла себя в руки: расправила плечи, взгляд её похолодел, низкий грудной голос зазвучал насмешливо:

– Ах, вот ты, значит, какая! – она оглядела меня с ног до головы. – А я специально сегодня пришла, чувствовала, что мы, наконец, встретимся.

Я вгляделась в её лицо с уже обозначившимися морщинами – нет, раньше мы не встречались. Хотя она и не утвер-

ждала обратного.

– Да-да, – кивнула она, – неужели ты думаешь, что для меня, для женщины, это до сих пор секрет! Я давно всё знаю, просто не считаю достойным себе закатывать скандалы!

Мне оставалось только улыбнуться, что бы это для неё ни значило.

– Ну, – она скрестила руки на груди, оглянулась и уселась в кресло, – раз уж судьба всё-таки свела нас, может, скажешь, тебе самой нравится быть игрушкой?

Быть игрушкой мне не по нраву, я честно помотала головой. Она же продолжала кивать:

– Ты же понимаешь, что ты для него? Что вообще значит любовница для женатого мужчины его положения? Я даже не ревную, а знаешь почему?

«И знать не хочу!»

– Потому что я знаю, кого он любит на самом деле! – не дождавшись моей реакции, ответила она. – Нас двадцать лет связывают брачные узы, мы по жизни вот так, – она соединила два указательных пальца. – Он без меня и дня не протянет. А без тебя? Кто ты для него?

«Для кого? Для нарядного тюрьмы? Честно, никто».

– Так, – махнула она, – источник острых ощущений. Таких, как ты, вон, полная улица. Да если я захочу завтра, он у меня в ногах валяться будет, а о тебе и не вспомнит, поняла?

– Поняла, – вздохнула я. – Меня он даже не знает.

– Конечно! – хмыкнула она. – Потому что как человек ты

его не интересуешь.

– А это точно.

Она сдвинула брови и вновь оглядела меня:

– А ты не промах, девка! Хорошо держишься. Да и внешне ничего. Вот скажи, зачем тебе женатый старик, никогда не задумывалась? С твоими данными королей покорять надо!

«Не знаю, как на счёт покорять, а вот спасти одного надо. Так что пора заканчивать эту дискуссию».

– Ага. Ну, тогда я пойду.

– Вот и молодец! А если снова тебя увижу у кабинета своего мужа, позову охрану, поняла?

Я поклонилась, легкомысленно взлохматила косички и открыла дверь.

– Стерва! – услышала я уже в коридоре.

На верхних этажах было тихо и темно. Но это не значило, что на нижнем не расхаживал какой-нибудь нервный караульный – второй раз мне вряд ли повезёт. Как же мне пройти незамеченной? Прежде я сталкивалась с подобной задачей, тогда попросту переделалась в доспехи стражей, быть может, стоит поступить также? Только где же их взять?

Я спустилась по лестнице, на втором этаже было также безлюдно. Лишь зажжённые лампы свидетельствовали о том, что в здании есть живые люди. Осмелев от такого расклада, я побежала дальше, на первый этаж, и Бог наказал меня за неосмотрительность. На лестнице раздались тяжёлые шаги, свет факела замаячил в пролёте.

Встреча была неизбежна: скрыться из виду я бы не успела. Вскоре из-за поворота нарисовался парень в кольчуге, синем плаще и открытом шлеме. Я напряглась, подготовилась к атаке, чтобы быстро и безболезненно вырубить его, не наделав шума.

Хорошо, вокруг не было свидетелей. Следовало быстро поднять ему подбородок, запрокинув голову и... Но я вдруг замерла на месте, караульный вовсе не собирался кричать и применять оружие. На лице его не возникло ни тени тревоги, взгляд скользил по мне, пока не остановился в области выреза на сорочке, где теперь не хватало пуговиц. Губы его искривились. Как мило! За такие улыбки и то, что следовало после, я разбивала носы сослуживцам и попутчикам. Знаю я эти штучки! Но их можно использовать иначе.

Я провела ладонями по декольте и шее.

– Ой! Я, кажется, заблудилась, – я потупила взгляд, прикусив нижнюю губу.

Страж пошатнулся, глаза блеснули маслянистым блеском.

– А-а-а... Куда вам надо?

– Ну, – я заморгала, извиваясь всем телом, как в танце, – к кому-нибудь мужественному и сильному. Вы бы подошли!

– Правда? – он сглотнул.

Я подошла ближе:

– Вы покажете мне дорогу?

– Ну, а... сколько это стоит? – он сощурился, ожидая ответ, словно пощёчину.

"Это вообще тюрьма? Впечатление, что я влезла в бордель! Ну что ж".

– Сколько бы это не стоило, всё давно оплачено, – подмигнула я.

– Да? – показалось, что он даже подпрыгнул.

Руки стражника потянулись ко мне, обвили талию, он стал подниматься по ступенькам, увлекая за собой. На втором этаже он быстро толкнул одну из дверей и пропустил меня вперёд в небольшой кабинет.

Как только он закрыл дверь, я с хохотом сняла с него шлем, затем, отпрянула назад. Он наклонился ко мне, а я с размаху ударила лбом меж его бровей. Парень отлетел назад, встретившись затылком с дверью. Обмяк. На всякий случай я притянула его за грудки и приложила головой о стену. Так ему! И нечего на службе шлем снимать!

Теперь у меня была униформа, я надела кольчугу прямо поверх сорочки, сверху накинула плащ. Жаль, шлем открытый – видно моё лицо, а Королевская армия – это вам не Армада Дракона, это регулярные войска, в которых нет места чужестранцам. Оставалось понурить голову и стараться избегать лишних встреч.

Я благополучно миновала первый этаж и остановилась перед тяжёлой дверью у лестницы, что вела в тюрьму для смертников. Через неё мне предстояло выйти во внутренний двор и встретиться с Герданом. Надеюсь, он уже там.

Старая дверь протяжно скрипнула и поддалась, в лицо

пахнуло сыростью, спёртый воздух заставил поморщиться. Я будто погружалась в болото. Мрак, развеиваемый светом немногочисленных масляных ламп, окутал меня, дверь со скользкой ручкой бахнула, отрезала выход в нормальный мир.

"Итак... прямо, а потом направо к кабинету нарядного караула. Как же темно!"

Передо мной неожиданно возник массивный человек в плаще и шлеме. Я успела понадеяться, что это Гердан, но тщетно.

– Эй, ты! – обратился он ко мне. – Ты что здесь делаешь? Я замерла, не зная бежать или драться.

– Пьяный что ли? – после короткой паузы продолжил стражник. – Что ты здесь делаешь, говорю? Сменились давно!

– А? – больше я говорить не могла, выдал бы акцент, хоть он у меня едва заметный, но всё же.

– Что акаешь? Бегом во двор, пока я тебя командиру не сдал! – он загоготал и, бесцеремонно схватив меня поперёк туловища, протолкнул влево. После чего последовал пинок под зад, от которого я буквально полетела вперёд, открыв собой двери во внутренний двор.

В лицо пахнуло свежестью и ночной прохладой, глаза резанул свет факелов. С четырёх сторон окружали немые стены форта, высоко над головой виднелся квадрат ночного неба. Десятки чёрных окон взирали на меня со всех сторон, двор

оттуда просматривался, как на ладони. Ох, и удивятся карательные, увидев таприканку в форме стражника.

– Эй! — окликнул меня кто-то, заставив вскрикнуть. – Ты где это раздобыла? – из тёмной арки в стене напротив показался могучий силуэт. – Тут такой верзила в дверях стоял, шире меня в плечах, не знал, что и делать! – он вышел на свет.

Я выдохнула:

– Гердан! Кстати, этот верзила теперь там внутри дежурит! – я кивнула на двери.

– Внутри уже не страшно, – Гердан махнул рукой, подошёл ко мне. – У меня с собой вещества... – он полез в карман, а затем сунул мне в руку пару дротиков с закрытыми наконечниками. – Тебе тоже пригодятся, они со «звёздочкой», ну, снотворным.

У самых дверей он обернулся:

– Не переживай, они тут все зажрались, не ожидают подвоха. К ним лет триста никто не вламывался! Кстати, с переодеванием – идея, что надо, пожалуй, воспользуюсь! Подожди немного и приходи за ключами, – он скрылся за дверью.

Я ждала, не переживать не получалось, я боялась за Гердана – слишком самоуверен, за Даргана, который провёл в этом кошмаре уже полдня, сама боялась попросту заблудиться в этих душных коридорах. А что будет, если нас поймают?

Я привыкла рисковать и не раз висела на волоске от гибели, но закон всегда был на моей стороне. А теперь? Одна

ошибка – и ни за меня, ни за орден, ни за Даргана никто не заступится. Так или иначе я всегда сражалась именем короля и продолжала это делать теперь, но кто это поймёт? Надо же было судьбе так преобразиться!

Наконец, решив, что жду уже достаточно долго, я вошла. Болото вновь окутало меня своим смрадом, высасывая последние силы. Короткая дорога по коридорам утомила круче марш-броска. Я дышала, как собака, высунув язык наружу – никто всё равно не видел. Холодная кольчуга через тонкую сорочку ощущалась как снег на голом теле. Вся одежда отсырела и облепила меня. Я едва волочила ноги, подавляя желание снять чёртов шлем, радуясь, что он хоть открытый!

Каким же удивлением для меня было услышать в этом аду пение!

Из двери начальника караула сочился слабый свет, за ней надрывались два баритона. Я осторожно заглянула в щель. Без стеснений поставив на стол винную флягу и две железные кружки, Гердан, уже в униформе, и усатый мужчина в одном гамбезоне, голосили, дирижируя сами себе. Впрочем, кольчуга и шлем усатого, украшенный синими перьями, лежали рядом на столе. Я приоткрыла дверь, но ни один из мужчин не обратил на меня внимания.

Надо сказать, в кабинете дышалось намного легче, чем в коридоре, наверное, из-за открытых окон под самым потолком.

Когда я появилась на пороге, усатый кинул на меня одур-

маненный взгляд, а потом снова повернулся к Гердану. Они допели куплет, и он всё-таки осведомился:

– Чего тебе, боец?

– А, ей расписание караула надо! – крикнул Гердан, продолжая раскачиваться в такт песне.

– Зачем? – почему-то захохотал командир.

– Как зачем? – всплеснула я руками. – На дверь повесить!

– А, ну да, точно! – он расплылся в улыбке слабоумного.

И что же добавлено в это вино? Надеюсь, это временный эффект.

– Вон там лежит, на письменном бюро, – мотнул головой Гердан.

Я кинулась туда, рядом с разбросанными бумагами лежала связка ключей весом едва ли меньше меня самой. Схватить её незаметно не получилось.

Под звон ворованной связки я старалась оставаться совершенно невозмутимой, и уже на выходе ударилась локтем о дверной косяк. Связка упала на пол с таким грохотом, что, должно быть, разбудила даже чертей в преисподней.

– Эй ты! – раздался голос усатого.

«Ну всё, кажись, приехали!», – успела подумать я, но услышала:

– Ты что, чёрная, что ли?

– Так... так точно! – выпрямилась я.

– Ну, блин, понаберут вас! Скоро уже в гвардии чужеземцы будут! – он заржал. – Эх, Его Величество, Его Ве-

личество...

– У меня есть прекрасный тост за Его Величество... – услышала я голос Гердана и прикрыла дверь.

Совсем дело плохо! Хотя и знаю, что в ордене Непринуждённых состоят лучшие алхимики Серенида, не могу поверить в такое действенное средство.

С другой стороны, я только что видела, как капитан Королевской армии пьёт на дежурстве с рыцарем ордена Непринуждённых за здоровье короля. При этом король в тюрьме. Чему ещё можно удивляться?

Я брела по коридору в темноте, когда заметила, что одна из них распахнута, и остановилась. На пути передо мной вырос полуголый детина поперёк себя шире. Мы встретились прямо у лампы, он всмотрелся в моё лицо:

– Какого гаджая здесь происходит? – взревел он и кинулся на меня.

Я сделала первое, что пришло в голову: запустила ему навстречу связку ключей.

Крякнув, детина потерял равновесие и с грохотом рухнул на пол. Грохот мог привлечь внимание, и вот мне показалось, что я слышу шум из кабинета нарядного.

Я вытащила из кармана дротик и метнула в лежавшего на полу стража, тот обмяк. Не оглядываясь, кинулась дальше, набегу вспоминая план этажа.

"Значит, длинный коридор, а я шла налево, а теперь иду с другого конца, и мне надо было... К чёрту!"

Всё перепуталось, я металась по коридорам, без разбору толкала двери. Дышала ровно, не уставала, не боялась. Белый свет сошёлся клином на одной единственной цели – найти нужную дверь. И я её нашла.

Нашла единственный коридор, где восьмая дверь была заперта. Слава Богу, не пришлось долго искать ключ. Связка состояла из нескольких колец с ярлычками. Привыкшие к темноте глаза разобрали надпись «Запад».

Тяжёлая дверь отворилась. Смрад и тьма в камере сгустились, было так душно, что я покачнулась. Как здесь вообще может находиться живое создание? Я шагнула в темноту:

– Дарган?

Глава 6

Я присела и ощупала пол и стены. Среди тяжёлых цепей лежало человеческое тело, такое холодное, будто тоже было сделано из металла. В груди защемило.

– Дарган, – я приподняла его и прислонила к стене. – Дарган! – нащупав лицо, стала хлопать его по щекам.

«Только не это, не может быть! Здесь в этом ужасном месте... Да что ж я так долго сюда добиралась, на праздник, что ли? Эти стены высасывают человеческую жизнь, как песок вбирает в себя воду!»

Я уже не замечала нехватки воздуха, дышала так, что эхо отдавалось в железных цепях.

– Дарган! Дарган!

В темноте послышался слабый стон. Я почувствовала тёплое дыхание на своей руке. Стон повторился.

– Жив? Подожди, я сейчас тебя освобожу.

Я принялась ощупывать кандалы, чтобы понять, где они отмыкаются.

– Кто вы? – слабо проговорил Дарган.

– Это я, Кеита.

– Кеита? – он дёрнулся. – Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала?

– Об этом позже!

Я перебирала кандалы, тяжёлые, как корабельные цепи, пока не нашла висячий замок. Отмычка, что дали в ордене со скрежетом вошла в отверстие для ключа и через секунду раздался щелчок. Замок оказался самым простым.

Втягивая воздух сквозь зубы, Дарган тёр руки друг о друга, извиваясь от боли.

Здесь не работает магия, да и не умею я исцелять. Поэтому попросту принялась растирать его запястья, когда успевала их поймать. Он катался по полу, подавляя стоны, потом успокоился, его ладонь легла мне на плечо:

– Мне лучше, спасибо!

В коридоре раздались шаги, я подскочила и прикрыла дверь, где серела единственная полоска света. Притаившись, мы ждали, когда шаги стихнут.

– Нам надо спуститься на уровень ниже, в пыточную, а потом найти ход, ведущий в подземелья, – тихо проговорила я. – Оттуда выйдем к Храму.

– Ты знаешь подземелья?

– Я нет, но тут со мной один человек, он поможет. Он уже ждёт внизу. Такой крупный и смуглый с кудрями, следуй за ним, как увидишь.

Я подошла к двери и выглянула в коридор.

– Давай же, пошли!

Мы вышли из камеры – всё тихо. Подозрительно тихо, как казалось возбуждённому сознанию. Мышцы ныли от напряжения, когда я старалась ступать без шума. Только что я но-

силась тут, поднимая пыль, а теперь вслушивалась в каждый шорох. Одна рука касалась ладони Даргана, другая – сырой стены, она была единственным ориентиром. Глаза не видели в кромешной тьме, но даже если бы видели, я ведь, тупица, совсем не знала дороги.

Одна лишь удача помогла мне, когда через пять минут блужданий вслепую мы всё-таки добрались до выхода на лестницу. Я открыла дверь, свет факела снаружи заставил сощуриться. Дарган сжал мою руку:

– Стой, лучше отдай униформу мне. Будет правдоподобней.

«Гениально! Тем более мне в ней жутко неудобно».

Кольчугу и ботфорты, в которые прежде был облачён Дарган, видимо, с него сорвали, но он был в подкольчужнике и бриджах с кальсонами. Форма стражника сидела на нём как влитая. Не хватало ботфорт, я бы отдала ему свои, но подозревала, что он бы в них не влез.

Стоило нам выйти на лестницу, как нос к носу столкнулись с караульным. Дарган заломил мне руки за спину, толкнул вниз по ступеням крутой лестницы, я чуть не упала. Стражник заржал:

– Что упираешься, чужеземка? В пыточной дяди добрые! Кстати, слышал, – обратился он к Даргану, – наш Мёртей на верхнем уровне какую-то девку зажал, тоже чёрную, а когда это... пришёл в себя, не смог найти доспехи!

– Угу, – хмыкнул Дарган, – чёрные сводят с ума!

– Тебя тоже? Ну тогда, смотри, доспехи не потеряй! – снова заржал стражник и затопал наверх.

– Как здесь, оказывается, весело, – вздохнул король, отворяя дверь в подземелья.

Я думала, что хуже уже быть не может, но ошиблась. Запах железа и гниющей плоти ударил в нос, я подавила рвотный позыв, меня затрясло. Это сюда приводят преступников после суточного заточения? Я бы призналась во всех смертных грехах уже на пороге!

Мы пошли по узкому коридору с рядом покорёженных дверей, внезапно истошный прерывистый крик раздался за одной из них, пальцы ног похолодели, сердце замерло. Ладони Даргана, что всё ещё держали мои руки за спиной, вспотели. Мерклый свет дрогнул, трещины кривых стен ожили, будто отозвалась немым ответным стоном.

Я потупила взгляд, мерила шаги, повторяла, что это скоро закончится, когда чёрная тень вынырнула из-за поворота, заставила меня вскрикнуть:

– Куда это ты её ведёшь?

В горле пересохло, это место, где даже камни пропитаны жестокостью, усиливало страх.

– Э-э-э... – вдруг послышалось чуть дальше, и тень накрыла тень другая. – Эта заключённая – особый случай, ясно?

– Так точно, сэр!

– Вольно! – тени двинулись, разминулись, одна стала приближаться. Перед нами предстал силуэт в шлеме с перьями. –

Кеита, давайте за мной!

Я выдохнула. Гердан умеет вовремя появиться.

Он повёл нас по коридору, казалось, мы раз десять прошли мимо одних и тех же дверей и тёмных проёмов, потом оказались в круглых ржавых тоннелях, напоминающих большие трубы, и вот, наконец, упёрлись в прочную деревянную дверь. Около неё горели два факела, Гердан взял один, после повернул точащий в замочной скважине ключ и открыл выход.

Мы покинули пыточную и воздух сразу очистился, мы оказались в огромном тёмном коридоре с высоким потолком. Нас окутала аура холода и покоя, крики и запах смерти остались за тяжёлой дверью, что захлопнулась за нашими спинами.

Гердан повёл нас направо, остановился у противоположной стены, ощупал её, и вдруг сел. Он ощупывал пол, пока не послышался щелчок. Одна из каменных плит в полу медленно отъехала, а на её месте появился чёрный проход.

Гердан спустил в него ноги и лихо прыгнул вниз, мы последовали за ним, ноги приземлились на мягкий грунт, мы оказались тесном тоннеле. Полчаса метаний в темноте, и вот перед нами открылся большой подвал. В свете факела просматривалась каменная кладка, явно творение рук человека.

– Можно отдышаться! – объявил Гердан, прислонившись к стене. – Даже если опомнятся, никто из них не знает подземелий. Ты как, Кеита?

– Порядок, – кивнула я. – Если бы не ты...

Он отмахнулся:

– Прощу тебя! Ещё благодарить меня начни, – он загоготал и глянул на Даргана: – Ну, а ты как, дружище? Шесть часов в этом аду, это знаешь ли... На хоть, смочи горло, – он снял флягу с пояса и протянул Даргану. Тот подошёл ближе, факел осветил его лицо.

Гердан сощурился, улыбка растаяла. Дарган взял флягу, замер, кинул быстрый взгляд на меня. Только тогда я разглядела его. С левой стороны его было даже не узнать. На всю щёку красовался сине-красный кровоподтёк, глаз заплыл, он горбился и словно еле держался на ногах. Что они с ним сделали?

Гердан до неприличия внимательно взгляделся в лицо Даргана, потом мотнул головой и зашагал дальше вдоль высоких стен. Я уже забыла о его странном взгляде, когда он бросил через плечо:

– Эй, Дарган, слушай-ка...

– Да? – отозвался король, разглядывая стены, и вдруг резко остановился.

Я тоже дёрнулась: ведь никому из ордена я не говорила этого имени.

Гердан повернулся к нам:

– Так значит, Дарган? – он с размаху воткнул факел в землю.

– И что же? – спокойно сказал король.

– Дарган! – Гердан отвесил насмешливый поклон. – Ваше Величество, Бернад Двадцать Четвёртый!

– Интересный вывод. Может, тебе стоит самому представиться?

– Я и не ожидал, что ты меня помнишь. Какое дело тебе, живущему под облаками, до подземной крысы! – он повернул голову и смерил меня взглядом. – Так вот, что ты скрывала, Кеита? Вот, почему не назвала его имени? Боже мой! Я рисковал ради этого? – он хлопнул себя по лбу. – О чём ты думаешь, состоя в ордене? Ну, конечно, он же у нас друг чужеземцев! Как же...

– Долго ещё будешь демонстрировать свою интеллектуальную некомпетентность? – перебил его король.

– Куда торопишься, слизняк? Прикончу я тебя быстро! – Гердан вынул меч из ножен.

Тут я только поняла, что стою с распахнутым ртом, откашлялась:

– Гердан, что ты делаешь? Что с тобой?

– Отойди! – он резанул меня взглядом. – Это не твоё дело!

– Моё дело – охранять его жизнь! – я встала между ними и достала меч Солнечного камня из-за спины. Обожаю короткие мечи – удобно прятать.

– Без моей помощи, его всё равно бы казнили, так что забудь. Считай, не справилась!

– Хотелось бы узнать, чего ты добиваешься? – король говорил холодно и презрительно.

– Я хочу убить тебя! – коротко изложил мысли Гердан.

– Дальновидно.

– Нет! – я вытащила меч из ножен. – Пока я здесь, ты его не тронешь.

Гердан стиснул зубы:

– Я сказал, отойди, Кеита! Члены Ордена не нападают друг на друга.

– И не подумаю, ты безумен, Гердан! Не понимаешь, что творишь, он же обессилен!

– Ах да, зачитай мне кодекс чести, рыцарь Армады! Так и знал, что рано или поздно до этого дойдёт, – рявкнул Гердан. – Уйди с дороги! Ты не знаешь, за кого вступаешься! – он поднял руку с мечом, собираясь отбросить меня в сторону.

Но меч Солнечного Камня легче и двигаться с ним быстрее. Я пригнулась, молниеносным ударом встретила занесённое лезвие. Он напирал, а весил куда больше меня. Я отодвинула одну ногу назад, поддаваясь его движению, а потом резко отошла в сторону.

Гердан качнулся, потеряв равновесие. Я выхватила из кармана дротик – хорошо, что сохранила!

Дротик вонзился Гердану ниже челюсти. Глаза закатились, он замер и со вздохом повалился на землю, выронив меч.

– Дротик со снотворным, – ответила я на вопросительный взгляд Даргана.

– Ты не перестаёшь меня удивлять! И что дальше? Собираешься убить его?

– Нет! – я даже вскрикнула. – Конечно, нет!

Король почесал подбородок:

– Что тогда?

Я глянула на уводящий во мрак коридор. Мы находились глубоко под землёй, среди немых древних стен, и одно было ясно: без проводника нам отсюда не выйти. Я пожала плечами:

– Не знаю. Не знаю, что на него нашло! – с досады хотелось даже пнуть спящего. – Он нормальный парень, чем ты ему не угодил?

Дарган хмыкнул:

– Мало ли, я король – я никому не угодил, – он сел на корточки рядом с Герданом, расстегнул ремень на его поясе и выдернул, потом снял свой и принялся соединять их.

– Что ты делаешь?

– Не мешай, лучше сними с него кольчугу, – он бросил взгляд ему на ноги, – и ботфорты.

Я сделала, как он сказал.

Дарган перевернул Гердана на живот, слегка прижал коленом к земле и, заломив ему руки, туго связал запястья, затем просунул один конец ремня под его шею, образовав петлю. Другой конец направил вниз и обвязал вокруг щиколотки.

Меня поразило, как умело, не задумываясь, он это делал.

– Где ты этому научился?

– Где я учился, – проговорил Дарган сквозь зубы, затягивая узел, – там уже не учат, – он натянул командирские ботфорты, поднял меч и, сев, опёрся о стену.

Я замоталась в плащ, что сняла с Гердана, и села рядом. Сырая стена холодила спину, я поёжилась – уже успела соскучиться по солнышку и теплу. Мы долго молчали, я думала, что Дарган вообще заснул, когда он вдруг заговорил:

– Так значит, Армада Дракона, – то ли спросил, то ли сказал он, его голос звучал так, будто рот был набит едой, и то и дело осторожно касался своей щеки.

Я кивнула и достала значок в виде четырёхконечной звезды. – пора ему знать, а то навывдумывает.

– О! Так тебя не наняли, ты на службе... Подожди, а причём тут орден Непринуждённых?

– Как бы ещё я тебя вытащила? Кто бы согласился на такое?

Король смотрел на меня, не моргая:

– Это я понимаю, но, выходит, ты носишь Голубой жетон рядом со звездой Дракона?

– А разве это запрещено?

– Нет, – он дёрнул плечами. – Но ведь это просто нелогично. Армада Дракона – слуги закона и правопорядка, орден Непринуждённых – бунтари под прикрытием. Кому же ты верна на самом деле?

– Не видишь? – я развела руками. – К тому же в ордене присягу приносить не надо. Так что я только под одной при-

сягой и служу королю.

– Да? – Дарган хмыкнул, повернулся ко мне анфас. Его щека раздулась так сильно, что один глаз не открывался. – Значит, рыцарь? Раньше я думал, что Кеита Брайа – вольный герой. Почему ты сразу мне не сказала, что служишь?

Ох и высказала бы я ему по поводу "вольного героя" и вообще. Но я сдержалась.

– Хотела отдалить момент, когда ты получишь полное право мной командовать! – призналась я, не желая больше ничего таить.

Он хмыкнул и тут же начал командовать:

– Так минуточку. Но не могла же ты сама решить... Рыцарь! Озвучь приказ и назови имя командира, отдавшего его!

Оставалось подчиниться:

– Обеспечить безопасность Его Величеству. Приказ отдал Гредвар.

Дарган дёрнулся:

– Ах, вот как! Гредвар, значит. Это многое объясняет. Так он знает о моём положении и при этом...

Гердан на полу завозился, послышалась грязная ругань.

Король встал и направил на него меч:

– Поднимайся, и чтобы ни одного лишнего движения! Ничто не помешает мне убить тебя.

Гердан усмехнулся, перевернувшись:

– Ну, конечно, именно поэтому я ещё жив! Что ты будешь

без меня делать? Сгинешь в подземельях или вернёшься в тюрьму?

– Меньше слов, больше дела!

– Какое доверие, с ума сойти! Я знаю эти подземелья лучше, чем ты свою уборную, думаешь, я выведу тебя на свободу?

– То есть, мне незачем оставлять тебя в живых? – Дарган направил остриё меча ему в грудь.

Гердан сощурился так сильно, что лицо его покрылось складками, потом резко распахнул веки:

– Нет, идём, – тихо сказал он. – Я сведу с тобой счёты позже, когда рядом не будет этой предательницы, – он посмотрел на меня.

– Тогда вперёд, – король кивнул.

– Развяжи меня, а то будем медленно идти, – мягко сказал Гердан.

– О, торопиться не надо!

Оставалось только надеяться, что желание жить у этого парня выше жажды мести. Я понятия не имела, куда он нас ведёт – тёмные переходы, да серые камни. Вначале он то и дело напрягал мускулы, силясь разорвать путы, но быстро отказался от этой затеи. Пытался бежать, но тут же заваливался, хрипя от удушья – петля на шеи натягивалась. Пару раз приходилось протискиваться между узкими стенами, и один раз лезть вверх по куче земли, а точнее тащить Гердана как мешок.

Факел погас и хождение в полной темноте напоминало головокружительный бред, в котором я переставляла ноги, оставаясь на одном месте. Выступы скал и бесцветные камни сами подплывали ко мне, иногда их очертания расплывались, плясали перед глазами. Пару раз мне мерещились чьи-то шаги и дыхание, звуки капающей воды, скрежет когтей о камни, но словно в пустоте. Мир сжался в маленькую точку, где-то в центре меня.

Шаги Гердана и Даргана были пугающе равномерными, сливались с чёрной пустотой. Куда бы мы не двигались мир потерял направление, время сбилось.

Я вздрогнула и резко остановилась, когда на пути выросло серое пятно. Не сразу поняла, что это свет из-за поворота. Такой слабый, что свет одинокой звезды на небе показался бы ярким пламенем. Однако здесь, в крошечной тьме, он вернул меня к жизни, стала видна цель, я пошла бодрее. Руки мои обрели очертания, ноги вновь встали на землю, я вдруг поняла, как устала, и даже зевнула.

Заброшенные древние катакомбы сменялись цивилизованными подземельями. Стены и пол покрывала аккуратная коричневая плитка. Из-за следующего поворота повеяло тёплом. Поток воздуха наполнил бездыханные подземелья живым запахом сухой травы, прелого дерева, отсыревших тряпок. Сердце затрепыхалось, какой малости достаточно для радости после сырых безжизненных тоннелей.

Через пару переходов мы очутились на настоящей свалке.

На полу громоздились ящики и бочки, как пустые и дряхлые, так и прочные, забитые под завязку старыми тряпками или осколками цветного стекла. Под ногами валялась старая мебель, разорванные пергаменты и обломки каменных плит.

Гердан повёл нас вперёд, позади ящиков оказалась маленькая дверца, за которой начиналась крутая лестница вверх.

– Давай, Кеита, ты первая, – сказал Дарган.

Лестница вывела меня на склад. Предметы уже не валялись где попало, а были аккуратно разложены в организованном порядке. К стенам прилегали ряды полок с глиняными мисками и кувшинами.

– Что это вы там делали? – послышалось сбоку.

Я не сразу заметила тощего паренька в невзрачной серой мантии. Кажется, это, и правда, храм, во всяком случае, парень выглядел, как типичный прислужник. Он нахмурился и уже поднял было руки, чтобы высказаться как замер.

Из лестничного пролёта как раз показался связанный Гердан, за ним Дарган со своей распухшей синей щекой и мечом наготове. При виде них прислужник вытаращил глаза и бросился было бежать, но споткнулся о свёрнутый ковёр.

– Помилуй, Боже, не виноват я! – распластавшись на полу, заголосил он. – Не имел я умысла такого, сейчас моя смена!

Дарган расправил плечи и заговорил громким властным голосом:

– Я желаю видеть Господина Архиведия Бранту!

Прислужник, уже начавший подниматься, упал второй раз:

– Господина Архиведия? Но... Господин Архиведий не принимает... в такой поздний час, – он извернулся и осторожно оглядел Даргана. – А вы, позвольте спросить...

Дарган вскинул руку, прислужник замолк как по команде:

– Я желаю видеть Архиведия сейчас. Меня он примет.

Гердан насмешливо фыркнул.

– Да? – парень побледнел, глубоко задышал, перешёл на писк: – Боюсь, господин, что...

– Не заставляй меня повторяться! – закричал Дарган так, что у меня душа ушла в пятки.

Парень вскрикнул, подскочил будто на пружине:

– Да, да, да! Хорошо, хорошо, я отведу вас! – закивал он.

Вслед за прислужником мы поднялись по лестнице и вышли из подвала в большой каменный коридор, свернули направо. Было темно, лишь из окон пробивались бледные прямоугольники лунного света, однако после подземелий этот свет казался даром Божиим.

Прислужник замер перед массивной деревянной дверью.

– Вам сюда! – жалобно пропищал он.

Дарган продолжал смотреть на него ровным холодным взглядом, положив остриё меча на плечо Гердана.

– Поймите, господин, я не могу! – парень задрожал, глаза его наполнились слезами. – Не могу, это непозволительно.

Я пришла на помощь бедняге и постучала в двери. При-

служник подпрыгнул, как ошпаренный, и одним прыжком оказался позади нас.

За дверями послышались шаги, стук, затем в двери открылось маленькое невидимое снаружи окошко. Под недовольное бормотание в нём показались глаза в обрамлении морщин. Сначала они горели праведным гневом, однако разглядев нас получше, удивлённо расширились.

Дарган подался вперёд:

– О Благородный, – почтительно произнёс он. – Я желаю видеть господина Архиведия.

Глаза выпучились, под приглушённый кашель скрылись, окошко пропало. Последовал звук открывающегося засова, дверь отворилась, за ней уже стоял седой мужчина, склонившись почти до пола.

– Это честь, Ваше Величество! – проговорил он с певучей интонацией, пятясь.

Дарган бесцеремонно протолкнул Гердана вперёд, уткнул меч ему в спину, затем, вошёл сам. Я шагнула следом, дверь за нами закрылась, оставив ужаснувшегося прислужника позади.

Мы вошли в освещённый расписанный симметричными узорами холл. Возможно, от усталости, но мне показалось, что узоры двигались, изгибались, подрагивали, словно кувшинки на водной глади. Я засмотрелась, не глядя вперёд, и даже не заметила, как мы очутились в уютной комнате с ковром. Стены закрывали тяжёлые пурпурные шторы, они же

будто источали мягкий приятный свет, по углам стояла пара кресел и скамья с бархатистыми подушками. Воздух наполнил аромат цветов.

Седой мужчина обошёл нас, вновь склонился в поклоне и стал пятиться, пока не упёрся в пурпурную штору и пропал за ней.

– Ну хоть кто-то кроме короля в шоколаде! – подал голос Гердан. – Я так понимаю, это последнее, что я увидел перед смертью?

Дарган не ответил, в этот момент из-за шторы впереди вышел высокий старик в серебристой мантии и накинутом на плечи чёрным плащом.

Светло-голубые глаза – вот, что мне тогда запомнилось. Глаза юноши на морщинистом, обвисшем лице.

Старик поклонился:

– Ваше Величество, – голос его звучал тепло и приглушённо, призывал замереть и вслушаться, – чем я обязан такой чести?

Поражало, какое спокойствие он сохранил при виде избитого короля в форме стражника, ведущего впереди себя связанного амбала.

– О Мудрейший, я бы не беспокоил вас в столь поздний час, но дела просто не терпят отлагательств.

Архиведий улыбнулся:

– Нет часа лучшего, чем тот который вы почтите своим визитом, мой король. Я весь внимание.

– Этот еретик, – король кивнул на Гердана, – колдун и крайне опасен.

– Ах ты ж гнида! – подскочил Гердан, в его голосе мне почудилось лёгкое восхищение.

Глава 7

Архиведий поднял руку, и Гердан вдруг замер, вытянулся как струна.

– Главное, не давать им одурманить вас словами, – пояснил Архиведий.

– Что? Колдун? – я глянула на Даргана обескураженная его обвинениями. Утомила, видно, нелёгкая дорога наше Величество. – Да ведь его вина в том, что он пытался убить...

Резкий взгляд Даргана заставил меня замолкнуть на полуслове.

– Тише! – шепнул он.

Двери позади нас распахнулись, и в комнату вбежали двое стражников Храма, тех самых, что называли священными стражами. Их отличали характерно расшитые сюрко поверх кольчуги и шлемы с личинами, из-за чего их лиц не было видно. Выражение эмоций и разговоры на их службе не допускались. Они замерли словно статуи, хоть и всего на мгновение пока Архиведий не кивнул в сторону Гердана. Одинаковыми заученными движениями, стражи двинулись к нему, заломили руки и вывели прочь из комнаты, прикрыв за собой двери.

– Не беспокойтесь, Ваше Величество! О нём позаботятся, – сказал Архиведий, помолчал, потом обвёл рукой ком-

нату: – Прошу вас!

Король огляделся и сел на скамью, Архиведий – напротив него. Где сесть мне, я не знала, но ноги гудели. В конце концов, оставив надежду, разобраться в этикете, я уселась на краю скамьи со стороны Даргана.

Дарган встрепенулся, как будто только что о чём-то вспомнил:

– Дама Кеита, рыцарь Армады Дракона, на важном задании.

– Понимаю, моё благословение, мадам, – кивнул мне Архиведий, лицо его приняло приветливое, слегка почтительное выражение.

Ну теперь мне и вовсе захотелось зарыться лицом в одну из фиолетовых подушек, одна из них как раз удобно лежала под рукой. Я закивала, не зная, что говорить в ответ: поблагодарить, ответить приветствием или моих киваний достаточно? Рот связало будто я откусила незрелый плод.

К счастью, Архиведий уже не смотрел на меня. Взгляд его устремился в сторону Даргана, на лице старика застыла маска почтения. Стоило королю повернуть голову, как маска сменилась выражением жалости и беспокойства.

– Осмелюсь ли... – почти шёпотом произнёс Архиведий.

– Не стоит, – мягко прервал его король.

– Ваше Величество, позвольте... – Архиведий протянул руку к Даргану. Тот дёрнулся, отпрянул:

– Я не могу позволить себе так утомлять вас из-за этой

нелепости!

– Бог воздаст мне за благодеяние, будьте так милосердны, позвольте.

Дарган вздохнул и вложил свою ладонь в ладонь Архиведия.

До сей минуты я гадала, к чему приведёт это состязание в красноречии. Но когда руки священника засветились мягким зелёным светом – поняла.

Сначала король сидел ровно, потом расслаблено прикрыл глаза и опустил голову. Лицо его менялось, сначала синяк на щеке посветлел, затем исчез вовсе, посветлела сама кожа, круги под глазами сошли.

И вот он сидел передо мной таким, каким и раньше, если не лучше: белая, почти бледная, кожа, высокая линия скул, ровный нос. Он открыл глаза цвета горького шоколада, глянул на меня – какой же всё-таки красивый! А может, просто выигрывает на контрасте с разбитой рожей.

– А я совсем не умею исцелять! – вздохнула я и спохватилась, ведь забыла, в каком обществе нахожусь и как здесь разговаривают. С моей речью уж лучше бы молчала!

Архиведий протянул мне руку:

– Нет, нет, – заторопилась я. – Я не ранена, я просто говорю, что хотела бы уметь так же, но у меня не получается.

Он улыбнулся:

– Дар исцеления приходит тогда, когда поиск сменяется усердием.

– Поиск чего? – уж если начала, то доведу разговор до конца.

– Себя, главным образом. Пока ты ждёшь энергии извне, ты не можешь созидать.

– Я не понимаю, – честно призналась я.

– Твоя душа слишком юная, это тоже ценно. Ты не сдаёшься и не знаешь усталости, – он перевёл взгляд на Даргана и обращался теперь явно к нему: – Никогда, не перед одним испытанием. Испытания даются сильным, чтобы напомнить им, как они сильны.

Дарган кивнул одними веками, затем поднялся, следом за ним поднялся Архиведий, поспешила подняться и я, хотя ноги гудели.

– Благодарю за всё, Мудрейший, – он огляделся. – Сегодня я уйду тем же способом, что пришёл.

Архиведий поднял брови, но промолчал.

– Доброй ночи, Ваше Величество. Мадам, – он кивнул мне.

– Доброй ночи, Мудрейший, – ответил Дарган.

– Доброй ночи, – сказала я.

Мы вышли, миновали коридор с узорами и направились обратно. Поначалу я боролась со смущением, какое-то время Дарган в моих глазах оставался великим, загадочным монархом, которого простому люду даже увидеть не дано. Я не знала, как себя вести, мысли человека, который своим словом меняет судьбы казались непостижимы.

Он вдруг замедлил шаг и повернулся. Я даже сощурилась, почему-то представляя его взгляд холодным, как лёд, а лицо – застывшей каменной маской.

Но лунный свет обрисовал живые, вполне человеческие черты, он прикрыл рот ладонью, скрывая зевок. Устал. Как все простые смертные, что ходят по земле. Дарган остался просто Дарганом – ничего не изменилось, мысли вернулись в привычное русло:

– Я не понимаю, Дарган, зачем ты обвинил Гердана в колдовстве, – опомнилась я.

Он приподнял плечо и сказал:

– В ином случае его бы передали светским властям. Тем, от которых мы только что сбежали, и неизвестно, что бы он им наговорил. Мы бросили вызов ордену Непринуждённых, помни об этом. С колдунами же Храм разбирается самостоятельно.

– "Разбирается"?

– Ну, перевоспитывает, убеждает присоединиться к Храму, обуздать свою магию...

– Какими же средствами?

– На твоём месте я бы не волновался. Уж этот парень умеет о себе позаботиться. Я же не обвинил его в некромантии, иначе бы сразу на костёр.

«Как это мило с твоей стороны!»

– А если докажет, что не колдун. Орден Непринуждённых, итак, религиозный. Гердан уже член Храма. Как бы его не

отпустили.

Дарган махнул рукой:

– Моё слово против его? Обвинённых в колдовстве держат под стражей, по крайней мере, три месяца.

– Да уж, хитро! И как ты успел всё это продумать?

– Работа такая.

Мы прошли мимо дверей куда менее прочных, чем та, за которой жил Архиведий. Я замедлила шаг:

– А не продумал ли ты, где мы заночуем?

– Не продумал, – Дарган остановился.

Решать подобные вопросы Его Величеству, видимо, не приходилось:

– По улицам уже, вполне вероятно, рыскает стража. А ещё твои портреты на площади. Нам бы затаиться.

– Ну... да, – согласился Дарган.

Я рискнула и нажала на дверь – та поддалась. За ней оказалась комната, сплошь заставленная сундуками.

– В принципе, если проявить фантазию, то заночевать можно и здесь! – я покосилась на Даргана, тот покачал головой.

– Я понимаю, тут недостаточно мягко... – начала я.

– При чём здесь это? Как, скажи мне, мы будем объяснять это храмовникам на утро?

Мне стало смешно, пришлось закрыть рот ладонями.

– А мы замаскируемся, – выдохнув, предложила я.

Зайдя в комнату, я откинула крышку ближайшего сундука

– повезло, в нём оказалась одежда.

Дарган вздохнул, я уж решила, что опять недоволен, но он сказал:

– Я не понимаю: уж если маскироваться, зачем тогда оставаться в Храме?

Ведь посторонних обмануть легче, чем самих храмовников.

– Точно! Пошли тогда в какой-нибудь трактир. Хоть поедим.

– Храмовники и в трактир?

– А что? Между прочим, они часто приходят в трактиры спасать люд от греха своими проповедями.

– Ха! Чудесно.

Мы оделись в белые мантии с золотистыми отворотами. Лица скрывали глубокие капюшоны и маски. Если бы кто-то глянул со стороны, то увидел бы, как из дверей Храма вышли двое проповедников, собравшихся по своим священным делам.

Стояла тёплая ночь, у подножья храма светилась целебная вода, резные статуэтки отбрасывали причудливые тени. Пара шагов из-под навеса, и взору открылся сияющий на фоне ночного неба королевский дворец. Между ним и храмом пролежала длинная улица, но дворец был так огромен, что казалось, до него всего пара шагов. Был виден каждый карниз, каждая башня, горели не только окна, но и сами стены источали ровный матовый свет. Ещё одна тайна.

– Как он так светится? – невольно проговорила я, поднимая голову к самому верху, туда, где будто царапал небо шпиль верхней башни.

Дарган тоже смотрел на дворец:

– Храм оттуда кажется морской раковиной...

– Тебя там не хватятся? Свита какая-то, придворные у тебя же есть...

– Ах, они... К сожалению или к счастью, но пока не хватятся.

– Кто-то зажѐг там свет, в башне, – я кивнула наверх.

– И что?

– Как они туда добираются? Слуги, гвардейцы? Да вообще, ты ведь должен иногда и сам уходить. В тот же в Храм, – я сбилась, вопрос звучал так странно, что слова не подбились. – Как ты туда... возвращаешься, Дарган? И почему, например, Архиведий не может помочь тебе?

Дарган не отвечал, продолжал спускаться по широким ступеням Храма, то и дело поглядывая наверх. Мы были уже внизу, когда я услышала:

– Я уже не помню дня, когда спускался ниже библиотеки на среднем уровне. Я не покидаю дворец пешком, это не принято.

– А что делаешь, телепортируешься? – я думала, что пошутила.

Все маги знали: телепортация существует лишь в теории. Человеческое существо не может обладать достаточной мо-

щью для этого. Уж что говорить о короле, которому вовсе не положено иметь таковую. Но тогда вдвойне странно, что тогда на площади он применил «Паралич».

Дарган взглянул на меня, словно чувствуя моё недоумение:

– Да, телепортируюсь. Я всегда покидаю дворец и возвращаюсь в него только при помощи чёток, ясно?

– Чёток?

– Да, такие... чётки! – он поднял правую руку, перебирая пальцами в воздухе. – Что непонятно? Артефакт, передающийся из поколения в поколение.

– Не знала о нём. Это должен быть очень сильный артефакт!

Наверное, в моём голосе прозвучали нотки недоверия, потому что Дарган сказал:

– Это говорит человек, который носит на шее амулет с постоянным эффектом «Уворота», а в ножнах клинок Солнечного камня? В мире есть место и таким вещам, не правда ли?

– А какой артефакт позволяет тебе применять «Паралич»?

– Тот, который не может остановить твой бесконечный поток вопросов.

Любопытство вмиг угасло, вместо него явились смущение и отчуждение. Я молчала аж до тех пор, пока мы не спустились вниз и не прошли светящиеся фонтаны. И только потом спросила:

– И где же эти чётки? Ты не прихватил их с собой, когда э-э-э... падал?

Дарган вздохнул:

– Поэтому Архиведий так удивился.

– Думаю, он больше удивился доспехам тюремного стражника и распухшей физиономии!

Король прикрыл лицо ладонью:

– Я совсем забыл, а когда опомнился – было поздно.

– Король может делать, что хочет! – постаралась успокоить его я.

– Если бы... Так в какой трактир пойдём?

Выйдя из храма, я взбодрилась, однако усталость грозила вернуться, голова гудела. А мне ещё предстояло изображать проповедника, с другой стороны, они тоже устают.

В ночное время на улицах столицы тихо. Редкие запоздалые прохожие держатся в тени домов, молчат, опасаются друг друга. Но в преддверии выходных, как сегодня, всё меняется. Клубы, что в рабочие дни утихают на закате, отворяют двери и окна, освещают своим тёплым светом холодные ночные улицы, заманивают вкусить местного вина и новостей под низкими балочными потолками на своих длинных деревянных скамьях.

Мы прошли мимо одного такого клуба, в лицо пахнул запах разогретых углей, послышалось звонкая мелодия и заунывное пение. Заведение выглядело уютным и чистым, но было слишком мало, для того чтобы два чужака в мантиях

свалились в двери с проповедями. Такой клуб был рассчитан на завсегдаев одного квартала.

Нам же предстояло направиться в один из гигантских клубов в самом центре, что назывались трактирами. Здесь творилось всё то же самое, только в большем темпе и беспорядке.

Горожане и гости столицы, карманные воры и жулики – все вперемешку развалились за старыми, но массивными столами, крича и звякая посудой. Взъерошенные слуги носились с подносами, то и дело поскальзываясь, ругались. В дальнем углу надрывался бард, но его старания были скорее видны, чем слышны. В воздухе пахло горелым жиром и кислым вином.

– Может, выберем другой? – Дарган пятился к дверям.

– Думаешь, он будет отличаться?

– Думаешь, я знаю?

– Просто иди за мной.

Я пошла вперёд, протискиваясь боком между столов, чтобы пышная мантия не макнулась кому-нибудь в стакан, как вдруг ноги разъехались на скользком полу.

Пошатнувшись, я ухватилась за первое, что попало на пути – спинку стула и оказалась лицом к лицу с гулякой. Раскрасневшиеся глаза пытались сфокусироваться:

– Что ты тут буянишь, мудрый? – гадкий запах чуть не заставил меня снова упасть.

Я уже развернулась, как услышала:

– Смотри! Ещё один мудрый! – гуляка кивал на Даргана. – Да они теперь парами ходят!

– Ты ещё выпей, они по четверо ходить начнут! – проорал сидящий напротив. Ему ответил дружный гогот.

Дарган тронул меня за плечо, я поспешила дальше.

– Подожди, мудрый, я спросить хотел! – слышалось из-за другого стола.

Я замерла, если подам голос, то выдам нас – женщин среди храмовников не бывает.

– Да, в чём дело? – отозвался Дарган.

Детина в распахнутой синей рубахе с отросшими засаленными волосами поманил нас к себе.

– Скажите, мудрые, а морду бить – грех?

Капюшон Даргана задёргался снизу вверх:

– Грех.

– А если сильно хочется?

– Исповедуйся, – выдохнул Дарган.

– А если на войне? – не отставал детина, в его голосе мне почудились подозрительные нотки, я встала поближе к Даргану.

– Ну, на войне, это другое дело...

– Значит, объявляю тебе войну, – он оскалился, поднялся, занося кружку над головой Даргана.

Я кинулась вперёд и поймала его за предплечье. Детина вскрикнул, дёрнулся, содержимое кружки полилось на стол, а оттуда на колени его дремавшему соседу.

– Ах, моё вино проливать?! – тут же подскочил сосед. – Ты мне за него заплатишь!

Надо мной склонилась пьяная образина, настолько опухшая, смердящая и отвратная, что я не выдержала и с размаху дала по ней кулаком. Противник крикнул, упал на стул, сполз на пол.

– Подождите, мудрый, разве это гуманно? – завизжали сзади.

– Ничего себе, мудрый дерётся! – заметил другой голос.

– Дерутся? Где дерутся?! – послышался грохот и звон бьющейся посуды.

– Стойте, разве этому учит Храм? – прогнусавил какой-то низенький дед, вынув руку из кармана соседа.

Дарган за локоть оттащил меня к стене:

– Зачем ты их бьёшь? Ты нас выдашь, мы проповедники, чёрт возьми!

Я так и не поняла, серьёзно он это тогда сказал или нет. Если честно, я уже так устала, что согласна была заночевать под мостом. Там тихо, темно...

– Не спи, – вдруг встряхнул меня Дарган. – Нужно их успокоить.

– Ну... Именем милостивого Господа нашего... – пожала плечами я.

Дарган цыкнул:

– Правильные слова, да в неправильной обстановке. Сильнее!

– Может, сам что-нибудь вспомнишь, учитель?

Дарган обхватил голову ладонями, сморгнул:

– Да!.. Пожалуй, это было слишком просто!

Он обманулся. Только пустота

Чернела за нелепым украшением

Жизни. И он поддался, за такую цену.

В глазах безликий страх застыл,

Он возносил ладони к небу,

Своих не узнавая пальцев:

Чернели когти на концах,

Запястья шерстью порастали,

А вместо слов лишь вой наружу рвался.

Клянусь, когда б его услышал ты,

Так слуха б предпочёл лишиться!

Тот вой внушал тоску такую,

С деревьев сыпалась листва

И прогнивала, опадая. О Боге

Вспомнил в смертный час,

О том, что потерял теперь,

Но пастью зверя не сказать слова

Молитв, и сердце навсегда закрыто.

Он раньше думал, как и ты...

– Дарган, – неуверенно прервала его я. От королевского тенора пошли мурашки. – Мне кажется, это немного слишком...

Трактир замер, раскрыв рты, люди за столами, между сто-

лов и даже из-под столов уставились на нас. В наступившей тишине, послышался быстрый топот. Задыхаясь и отплёвываясь, к нам спешил полный розовощёкий трактирщик.

– О мудрые, не сочтите за дерзость, – он приблизился и прошептал: – Это что ж делается, разрази меня гром? За мной, мудрые, за мной!

Посетители потихоньку приходили в себя, заскрипели стулья, зазвякали стаканы, зазвучали разговоры. Мы следовали за трактирщиком к барной стойке, он с удивительной ловкостью проскользнул под ней, и заговорил уже с другой стороны:

– Господа мудрые, в чём дело? Я вовремя заплатил пожертвования!

– Ты о чём? – не понял Дарган.

– Зачем вы явились сюда? И ладно бы явились, зачем посетителей распугивать? Они вон протрезвели от вашей речи, к стаканам не притрагиваются!

Дарган обернулся:

– Так уж не притрагиваются?

– Это я вас остановил вовремя! Вы, главное, скажите, что вам надо, неужели нормально нельзя вопрос решить? Прекратите свои проповеди!

Я дёрнула Дарган за рукав и прошептала:

– Выприси у него ужин и комнату на ночь в качестве взятки.

– Что? Я такому не обучен. Твоя очередь.

– Ладно, повторяй за мной.

– Ага, – Дарган выпрямился и посмотрел на трактирщика.

Я прошептала, надеясь, что сквозь шум трактира он меня услышит:

– Мы согласны, наша комиссия – еда и ночлег у тебя.

– Мы опасны, наша миссия – беда и набег на тебя, – с невозмутимым видом произнёс Дарган.

Глаза трактирщика округлились:

– Что? Подождите, как... Нет, Богом клянусь, я ничего не сделал... настолько скверного.

Я сжала кулаки и поспешила исправиться, проговорила так чётко, как могла:

– Ну ладно. Сам знаешь, что нас учат любить просто каждого, я думаю, мы поможем друг другу.

– Да ладно! Сам знаешь, что нас учат убить продажного. Я думаю, мы подложим подругу, – вновь не расслышал Дарган.

– Чего? – прохрипел трактирщик. – Послушайте, мудрые. Вы что-то перепутали!

Я старалась не смотреть в его сторону, хотелось убить короля, убежать и поспать. Поспать больше. К тому же я вдруг осознала, что в кармане ни медника, поэтому стиснула зубы и продолжила:

– И не удивительно, ведь мы устали и проголодались.

– Это отвратительно! Ведь вы узнали и попались!

– Послушайте, – сглотнул трактирщик. На лбу заблестели капли пота. – Признаю, не безгрешен, как и все люди. Но не

понимаю, о чём вы.

Я хлопнула себя по лбу:

– Вот ты дерево! Честно слово! Ты меня вообще, что ли, не слушаешь? – громко проговорила я, и Дарган меня услышал:

– Вот ты дерево, честное слово! Ты меня вообще, что ли, не слушаешь?

Я кинулась к стойке, закашлялась и произнесла так хрипло, как только могла:

– Знаешь, он у нас просто новенький, хочет выслужиться. Не обращай внимания. Думаю, ужин и сон исправят ситуацию, – голос прозвучал как хорошенько пропитый бас.

Трактирщик, оттягивая воротничок рубахи, быстро закивал:

– Сейчас всё будет!

Он отвёл нас в простенькую комнату возле кухни: стол, четыре стула, ящик с посудой, бочонок с водой. Здесь, должно быть, трапезничали работники трактира.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, здесь... вас никто не побеспокоит!

Мы недолго ждали. Вскоре появились трое слуг: один нёс поднос с двумя жареными цыплятами, другой – тарелку печёных бататов, третий – кувшин и два деревянных бокала.

Они поставили эти угощения на стол перед нами, раскланялись и вышли.

Великолепный аромат ободрил меня и одновременно

одурманил. Я потянулась к еде, отломилла ножку жареного цыплёнка и впиалась зубами в сочное мясо. Рука тянулась дальше за долькой душистого батата, твёрдая хрустящая корочка немного обожгла пальцы, затем губы, когда я сунула его в рот. Батат был пряный и чуть сладковатый, великолепно сочетался со вкусом цыплёнка.

Глаза мои закрылись, я запрокинула голову, наслаждаясь горячим вкусным ужином, даром Божьим – не иначе. Пару секунд спустя, ко мне вернулась способность мыслить, я сморгнула, посмотрела на Даргана. Но ужин занимал его не меньше, чем меня. С довольным видом он жевал цыплёнка, взгляд его отрешённо бегал по комнате, потом сфокусировался:

– Какой же народ сложный, – он помотал головой. – Столько речей ради ужина и кровати!

После ужина голова отяжелела, тело еле двигалось, глаза грозились слипнуться. Я искренне надеялась, что в этом трактире нас не только покормят, но и уложат. Трактирщик и тут не сплеховал: освободил для нас самую дальнюю тихую комнату, выгнав постояльцев. Комната была маленькой, тёмной и кровать в ней стояла всего одна, однако выбора не осталось.

Я разулась, получше замотавшись в мантию, повалилась на кровать, перекадилась к стенке. Глаза закрылись сами собой, а когда открылись, уже наступило утро.

Дарган спал спиной ко мне, накрытый одеялом. Кольчуга,

которую он так и носил под мантией храмовника, валялась на полу. Я сползла с кровати ногами вперёд, надела свои ботфорты и вышла из комнаты.

В коридоре за перегородкой стояли вёдра с водой, я освежилась, утёрлась краем мантии. Пожалуй, придётся ещё какое-то время походить в ней, во всяком случае, в столице.

Когда вернулась в комнату, Дарган уже сидел на кровати. Произошедшее вчера казалось сном, не укладывалось в голове. Нас разыскивала стража, проклинал где-то в темницы Гердан, ждал с отчётом орден Непринуждённых и опасался целый трактир – думать о них не хотелось.

– Утро доброе, – поздоровалась я.

Дарган кивнул, даже не глянув в мою сторону.

«Ну, что опять не так? Не пора ли стать ко мне чуточку добрее? Никак не привыкну к этой серьёзной роже. Мировые вопросы человек решает! А чёрт с ним, всё равно это королевское приключение скоро закончится».

– Мне надо к Гредвару, – сказала я, в уме подсчитывая дни. – Тебе, думаю, лучше не выходить.

– Я и не собирался, – Дарган повёл плечом. – Пусть Гредвар придёт сюда.

– Гредвар? Гредвар сам? Сюда? Прямо возьмёт и так придёт? – стояла и осознавала я.

Не верилось, что Гредвар бросит дела, выйдет из своего убежища и направится в другой конец города из-за какого-то... ой!

Дарган поднял голову, сощурился:

– Не понял.

– Ну, Гредвар что, соберется и... Ну, впрочем, я передам... – я поспешно вышла в коридор, чтобы не договаривать.

«Пора уже осознать, что передо мной правящий монарх? Заспанный, в одном трико, в закопчённом трактире, разыскиваемый за тяжкое преступление, но Милостью Единого Бога, правитель и хранитель Серенида. Требующий соблюдения субординации! Кажется, если я продолжу думать об этом, то мозги вскипят!»

На уткнувшего нос в землю храмовника никто не обращал внимания, но спокойнее от этого не становилось. Мне не хотелось этого делать, но я обязана была зайти в трактир «Маретт-Рюсар» с отчётом, пока они сами не стали меня искать.

К счастью, Маретт была не одна, так что не пристала с разговорами. На барной стойке, напротив неё, сидел Эрун и, покачивая ногой, тараторил. Увидев меня, смолк, потом разразился смехом:

– Ты зачем так оделась?

– Ну ты даёшь! – улыбка далась мне с трудом, почувствовала себя Дарганом. – Мы же через храм выбирались, как ещё скрыться? Стражники же всюду рыскают.

– Да уж, – вздохнула Маретт, – прости, на этой неделе их не утихомирить. Так всё прошло удачно?

Я кивнула.

– А где Гердан?

Гредвар говорил, что не уметь врать нестрашно, страшно не уметь, но врать. Поэтому я не врала:

– Последний раз видела его в Храме.

– Опять забурился куда-то, – отмахнулась Маретт.

– Ну ничего, он всегда появляется, когда нужен, – усмехнулся Эрун. – А вот вам с дружкой лучше пока схорониться.

– Мы так и сделаем, – кивнула я, выходя.

"Как только отделаюсь от короля, так схоронюсь! Вовсе забуду о путешествиях! И что мне не сиделось в своём поместье?"

Вздых сам вырвался из груди: "Но ведь рано или поздно они узнают правду, что я буду делать тогда? Может, Гредвар даст совет?" – думала я, направляясь к своему учителю и наставнику. Единственному человеку, которому на этом свете было до меня дело. Тому, кому я доверяла, а он доверял мне, Гредвару.

Глава 8

На этот раз я не спешила подниматься в кабинет Гредвара, уж слишком манили давно знакомые комнаты, в которых провела когда-то почти два года. Неживые слуги колдуна выглядывали из-за углов, провожали мертвенными взглядами, я шла своей дорогой, не мне их бояться.

Это тёмное, мрачное, но по-своему прекрасное место было роднее Таприкана. Страны, где я уж точно больше не нужна ни племени, которое покинула ещё девочкой, ни стране, которая теперь обрела свободу.

В моей спальне он давно сделал перестановку, а комната для занятий превратилась в лабораторию призыва нечисти. И всё равно многие вещи напоминали мирное спокойное время, когда я была лишь ученицей под сенью магии, и ничто от меня не зависело.

Далее мой путь пролегал мимо кухни, из двери которой всегда валил пар. Пахло ароматно, я считала, что кулинария – хобби Гредвара, однако он утверждал, что делает это из необходимости. Он критиковал даже блюда королевской кухни, утверждая, что вся еда в Серениде пресная и однообразная.

Я глянула на крутую лестницу. Прозвучит как сюжет банальной повести, но Гредвар никогда не разрешал мне под-

ниматься на самый верх особняка. Хотя я и не стремилась, ведь он часто не допускал меня к своим опытам, заботясь о моей же психике. Я себе не враг. А вот и дверь в его кабинет.

Из-за наваленных на столе книг не было видно самого Гредвара, над ними мелькала только его макушка. Услышав хлопок двери, колдун обошёл стол. Раскрасневшиеся глаза светились от возбуждения:

– Я этого раньше не знал! – с ходу выпалил он.

Нет для Гредвара большего счастья, чем найти и разгадать новую загадку.

– Ты о Королевских чётках?

Гредвар замер:

– Что тебе о них известно?

– Что король телепортируется с их помощью.

– Ах, да! Наверх без них попасть невозможно, – он отмахнулся, будто это вовсе не имело значения.

Я присела на стол у покосившегося книжного шкафа:

– Так уж невозможно?

Маг склонил голову набок, пару секунд подумал:

– Нет.

Я улыбнулась, даже слегка засмеялась.

– Конечно! – поддержала я очередную попытку Гредвара пошутить. – Прислуга входит, а короля, конечно же, не пустят. Не подобает королям ходить по лестницам, да через двери!

– Почти правильно. Каждый во дворце имеет право под-

няться на определённый уровень. И вряд ли кто-то с самого нижнего поднимется выше тронного зала. Его просто не пустят.

– Это как?

– Все вопросы к Бернардам. Нельзя войти во дворец и разгуливать, где хочешь. А магия там не действует.

– Это понятно. Но они же видят, что он король! – разговор заходил в тупик. На моей шее будто повисла петля и понемногу стягивалась. – Ведь это можно проверить. Например, если я встречу тебя в необычной обстановке, то всё равно узнаю.

– Ты сравниваешь то, что сравнивать нельзя! – Гредвар схватился за голову. – Кеита! Я же тебя учил. Число, даже очень большое, не обладает свойствами бесконечности! То, что срабатывает со всеми – не срабатывает с королём! Нельзя, чтобы кто угодно, назвавшись им, зашёл на его территорию! Король – это исключительный случай! – он поднял палец кверху. – Он должен спускаться оттуда, а не подниматься снизу. Король – не король, если он не наверху.

– И что же получается, если оттуда спустится вообще другой человек – все посчитают его королём?

– Если он будет держать чётки, – поспешно поправил меня Гредвар. – В этом случае – да, куда ж они денутся?

– Что за бредовая система?

– Добро пожаловать в Серенид!

– Да уж, не знала я такого о Серениде. Сейчас любой слуга

зайдёт в его покои, найдёт чётки и станет королём?

– Не волнуйся, любой не станет. Они зачарованы так, что касаться их может только человек королевских кровей. Остальные гибнут.

Гредвар подошёл к маленькому столику в углу комнаты, встал ко мне спиной, последовали хлопок, вспышка, а через пару секунд в ноздри ударил сладко-горький запах. Когда он повернулся, выпустил дым изо рта, сжимая в руке трубку.

– Так я и думал... – пробормотал он, поджав губы.

– Гредвар, ты опять? Ты же бросил!

– Бросил, начал, – маг глядел мимо меня, словно обращался к кому-то за моей спиной, – цепь смыкается в единый круг бесконечности, пока не приходит смерть.

«Не к добру это! Ни его возврат к курению, ни философские цитаты. Что он накопал об этих чётках? Что так взволновало его? Эх, если бы я понимала, что творится в его голове... Он вообще собирается возвращать короля наверх?»

Гредвар, точно услышав мой последний вопрос, вскинул голову:

– Для начала узнай, где он обронил свои чётки. Без них даже я не в силах помочь.

– И тогда король навсегда останется внизу? – петля на шее начинала меня душить, но надежда на то, что всё закончилось, ещё жила. – А его приближённые наверху со временем решат, что он испарился? И вообще, правителя нет на месте третий день, неужели его до сих пор не хватились?

Гредвар не спеша выпускал дым через приоткрытые губы:

– Не шути так. Если придворные поднимут шум или Совет озадачится этим, начнётся то ещё веселье, – он подошёл к столу и выдернул из-под стопки книг тоненькую брошюру. – Почитай на досуге, там эти правила растолкованы.

«Чувствую, он никогда не перестанет заставлять меня учиться!»

За пару прошедших дней мне порядком надоели все эти загадки, и я попросту выкрикнула:

– Хватит! Хватит этих спектаклей, Гредвар! Я устала. Ты советник, ты уж точно можешь подняться на уровень тронного зала, так просто отведи Даргана туда.

– «Даргана», – он усмехнулся. – Без документов его во дворец не пустят. Да и какие там документы? Чётки – его документы.

– И без них он не король? Кто тогда? Продавец вяленой тыквы?

– Кто угодно, – он затаился, снова не спеша выпустил дым. – Пусть даже лорд Дарган Эрнек Траден, но как только слухи разлетятся, правителем его признают единицы. Три поколения назад Серенид уже был на грани феодальной раздробленности, страна буквально распадалась на части. Знаешь, что значило слово монарха во времена Бернарда Двадцать Первого – ровно ничего. И тут появился Бернард Двадцать Второй со своими чётками.

– Негедан? – удивилась я, подсчитав в уме Бернардов.

– Он самый. С этими чётками король может перемещать с собой целые армии, с такой властью он возобновил могущество монархии. С тех пор снизу вверх короли не ходят, чтобы их ни с кем не спутали.

– А я о Негедане слышала только плохое, и от тебя тоже. Не знала, что он принёс столько пользы Серениду.

– Негедан, – Гредвар поморщился, – не принёс пользы даже сам себе! Чётки создал великий Чиянар, а он завладел ими незаконно.

Чиянар. Сколько раз я слышала имя этого загадочного мага, который скорее походил на легенду, чем на быть. Никогда не верила в его существование. И что прикажете думать теперь?

– Хочешь сказать, что обычный принц смог что-то украсть у колдуна?

– Нет, он обманул его. И хватит об этом. Всё дело в том, что с тех пор страной правит сила, а не человек. И наш Дарган забыл об этом, когда был наверху, и вот теперь остаётся только прятаться и просить помощи у незаинтересованных. А я предупреждал! – показалось, последние слова прозвучали самодовольно.

– И-и-и... Ты заинтересованный или нет?

– В теории, – он склонил голову, заговорил, часто прикладываясь к трубке и выпуская короткие порции дыма, – на обломках монархии мы построили бы толковое государство. Однако не вижу строителей. Громкие речи – не более! А бу-

дущего не знаю даже я... Нам остаётся делать возможное и надеяться на лучшее.

В голове загудело и от дыма, и от того, кто его выпускал.

– Из возможного, – продолжал колдун, – у меня есть ты, прославленный герой, воин и маг специальной подготовки. Я выбираю возможное. К тому же ты уже сделала свой выбор, так что забудь другие варианты.

– Я сделала выбор? – я встала и попятилась к дверям. Воображаемая петля теперь не давала вдохнуть.

– О да, разве не тебе я отдал приказ защищать короля, пока он не вернётся наверх?

– Подожди, подожди... Без чётки можно обойтись?

– Нет, – пожал плечами Гредвар.

Я пыталась разобраться в этих случайных выдержках из концепций в его голове.

"Не удивительно, чёрт побери, что с таким учителем я не знаю половину базовых заклинаний, но умею замешать нечто вроде «Уворота в момент Левитации Телепатическим воздействием Железных Рук»".

– Те чётки, что были у короля – не единственные, – наконец, выдал Гредвар. – Есть ещё одни, но их зёрна разбросаны по всему королевству.

"Вот тебе – хорошая новость и плохая!"

– Как жаль короля! – я вновь попятилась к дверям.

– Тем более, – Гредвар сел в кресло и скрестил ноги. – Тем приятнее будет сопровождать его.

– Я никуда не поеду, – отрезала я. – Гредвар, прошло два дня! За это время твой король умудрился сунуться к разбойникам, подраться со стражей, сесть в тюрьму, посадить туда члена ордена и поднять на уши трактир. Мне хватило!

Гредвар рассмеялся в голос, но мне было не до смеха:

– Я в одном городе не могу с ним справиться, куда уж путешествовать? Умоляю тебя, приставь к нему другую няньку, это выше моих сил! – внезапная мысль пришла мне в голову: – Знаешь? А давай я сама, а? Обскакать в очередной раз королевство – это я запросто. Соберу чётки и бегом обратно. А так, ты же знаешь, я герой-одиночка!

Гредвар цыкнул:

– Перестань так смотреть, а то у меня проснётся совесть, а я всё равно ничего с этим не поделаю. Без короля тут никак. Говорю же, это не простой артефакт, только тот, в чьих жилах течёт королевская кровь, может прикоснуться к ним, остальных ждёт мгновенная смерть. Думаешь, позволю тебе рисковать? Королевство его – его работа.

В воздухе передо мной возник серебряный кубок.

– Восстанови силы, а то бледная, – подмигнул маг.

– Я в порядке!

Я с трудом представляла, как могу казаться бледной, но напиток отхлебнула. Приятный, кисло-сладкий, не то, что эта пена в «Маретт-Рюсар».

– А правда, – вдруг спросил Гредвар, – что он применил «Паралич» против стражников?

– Ты тоже об этом слышал? Да, и против разбойников.

Взгляд Гредвара устремился влево, он стал кусать губы. Меня это насторожило, потому что губы он кусал крайне редко. Помню, он делал так, когда говорил не ходить на верхний этаж своего особняка. Когда ещё? Не припомню. Что бы это значило?

– Гредвар, король ведь не обладает магией? У него какой-то артефакт?

– У него какой-то артефакт, – то ли согласился, то ли просто повторил за мной Гредвар. Его взгляд стал прежним, он улыбнулся: – Так или иначе пойми, я никому не могу его доверить. Чем больше людей знает, что произошло, тем в большей он опасности, да и многие другие, за кого он отвечает. Как бы ты поступила на моём месте?

Вздых вырвался из груди:

– Но их хоть легко найти, эти зёрна?

– Конечно, нет. Запрятаны так, что не отыскать, – воодушевился Гредвар. – Держи, здесь записано... основное!

Кубок пришлось поставить и взять помимо брошюры ещё свиток.

– Вам также понадобится, – он протянул мне крохотную фляжку. Она, словно лёд, холодила пальцы.

– Зачарована изнутри на постоянный удар холода, – подмигнул Гредвар.

Мне вспомнился котелок на его кухне, зачарованный на постоянный удар огня. Как же легко он управляется со сти-

хией земли, раз создаёт такие артефакты! Удивляться нечему, как бы он стал некромантом без этой стихии? Так, может, все некроманты – зачарователи?

Я вновь превратилась в любопытную ученицу мага.

– Не создал ли ты ещё гроб, зачарованный на постоянный подъём покойников?

Брови Гредвара взлетели, он прижал ладонь ко лбу и рассмеялся. Я успела отвыкнуть от такой реакции. Вспомнила лицо Даргана – шутить расхотелось.

– Сколько хоть этих чёртовых зёрен?

Гредвар закатил глаза:

– Ну, там же написано! – он кивнул на свиток. – Семь!

– А-а-а... Это за счёт государства?

Гредвар моргнул и трижды хлопнул. Через пару секунд в комнате появилось неведомое лохматое создание с полным раздутым кошельем в лапе. Оно положило его рядом со мной на стол и тут же исчезло.

– Да, и ещё, – я откашлялась, подбирая слова. – Он хочет, чтобы ты сам пришёл к нему... понимаешь? Лично.

Маг скривил губы:

– Надо, да? – лениво спросил он. – Нда, мог бы и сам догадаться. Ладно, минуту, всего минуту, – он вышел за дверь, вернулся расчёсанный, а вместо чёрных панталон и рубахи на нём были надеты чёрные с отливом.

– Пошли!

Мы вышли в коридор, маг взмахнул рукой, и ошестинив-

шаяся нечисть замерла на месте. Он пошёл вперёд, бормоча что-то себе под нос, и внезапно дверь позади нас затрещала и распалась в пыль, на её месте вырос серый камень. Стены слева и справа с грохотом рушились, коридор исчезал.

Мы спускались по лестнице, а ступени осыпались за нами вслед. Когда мы добрались до выхода, особняк изнутри походил на нежилые развалины. Так случалось каждый раз, когда колдуну приходилось покидать своё жилище. Так он защищался от нежелательных гостей. Однако я знала, что достаточно пары заклинаний, чтобы особняк принял прежний вид. Каждая песчинка легла по чётко выведенной формуле и также вернётся обратно.

Гредвар по-хозяйски оглядел, теперь уже действительно, остатки роскоши, вышел во двор и направился к конюшне.

– В таверне на той стороне, где Храм, – пояснила я, обвив его спину, когда мы перелетали на лошади высоченный забор.

Гредвар кивнул, шепча заклинание «Невидимости» – он всегда предпочитал оставаться незамеченным.

Так мы прибыли в трактир и добрались до комнаты, где ждал Дарган, никем не замеченные. Гредвар постучался.

– Входите, – послышался голос Даргана.

Открыв дверь, маг снял «Невидимость» и поклонился в пояс:

– Ваше Величество, я приветствую вас!

– Советник Гредвар, моё почтение! – Дарган по-прежне-

му сидел на кровати в кальсонах и подкольчужнике, и, приподняв подбородок, смотрел на Гредвара.

– Ваше Величество, мне известно о том недоразумении, что приключилось с вами.

– Хорошо, к делу.

– Честью для меня было отыскать единственный способ помочь, а также доверить вашу безопасность героине нашего королевства, Кеите Брайе.

– Что за способ?

– Ничего страшного, вам просто предстоит обскакать всё королевство и собрать проклятые чётки.

– Те, что разорвала ведьма? Так это правда?

– Уверяю вас. Я нашёл доказательства и вычислил примерное местонахождение каждого из зёрен. Всё уже записано, – он кивнул на меня.

– Это так мило с твоей стороны, – прежняя гримаса короля не поднимала настроения, но при взгляде на новую хотелось покончить с жизнью.

– Моё удовольствие служить вам! – Гредвар снова поклонился.

– Пойди сюда.

Я только сейчас заметила, что на кровати рядом с Дарганом лежал свёрнутый пергамент. Он поднял его:

– Это на случай, если я задержусь.

Гредвар подошёл и, опять-таки с поклоном, взял пергамент из рук короля, развернул.

– Понимаю, Ваше Величество, – кивнул он, не отрывая глаз от написанного. – Придворные.

– Это успокоит их на некоторое время. Теперь ступай, но помни королевство на тебе. Приёмная – твой дом. Не доводи дел до тронного зала, упрощай. И займи советников.

– Считайте, уже сделано, – свернув пергамент, Гредвар попятился и нащупал ручку двери. – Счастливого пути, Ваше Величество, – с этими словами он стал невидимым, дверь за ним закрылась.

– Редкий хам! И что с ним делать? – вздохнул Дарган.

Я выдержала паузу, представив кем же тогда он считает меня, потом сказала:

– И всё же, неужели не проще поискать способ попасть наверх?

– В каком-то смысле даже сложнее, – Дарган перевёл взгляд на дверь, где исчез Гредвар. – Кроме того, давно пора разобраться с этими зёрнами. Кто знает, может, они, и правда, прокляты.

– Похоже, ведь Гредвар дал мне зелье, чтобы снимать проклятье, – я продемонстрировала флягу.

– Он тебе чрезвычайно доверяет.

– Да нет, ничего особенного, – мимо проскользнула тень надежды. – Если хочешь, можешь даже выбрать другого спутника. Мало ли кому доверяет Гредвар, быть может, ты...

– Нет, нет, ты меня устраиваешь.

"Чудесно!"

Выдержки из дневников Даргана:

Гредвар, как всегда, невозмутим и немногословен. Одно знаю: выпытывать у него информацию – дело неблагоприятное, даже глупое. Признаюсь себе, если он не договаривает, это во благо. Проверено и усвоено давно.

Многие спросили бы, почему я сделал этого подозрительного чёрного мага вторым лицом в королевстве после себя. Как я доверил такую важную роль человеку с сомнительным, они даже не представляют насколько, прошлым.

А ответ таков: по трём причинам. Первая – я всецело доверяю ему, и тому есть вполне конкретные причины. Вторая – он всегда оказывается прав. Я не сказал, что всегда его слушаю, но, если не слушаю, рано или поздно жалею об этом. Третья – он справедливый, как каноны Божьи, ведь именно эта черта так впечатлила Архиведия Бранту, что он всё-таки благословил его.

Другого такого человека мне в королевстве не сыскать.

Глава 9

Сидя на кровати, мы с Дарганом изучали свиток.

Королевские чётки состояли из семи зёрен в семи местах, куда перемещался король с их помощью. Энергетически артефакт очень тяжёл и нестабилен. Зёрна следовало собирать в строгой последовательности. Если, например, сложить первое и третье, минуя второе – артефакт сломался бы.

– Чётки убивают любого, кто к ним притронется, если он не королевских кровей, – обобщила я, – зёрна по отдельности – тоже.

Дарган кивнул:

– И если не воспользоваться зельем, что дал Гредвар, то и мне лучше к ним не прикасаться.

– А что там за история о ведьме, которая их разорвала? Это было во времена Негедана?

Дарган поморщился, совсем как Гредвар, но кивнул:

– Да. Чёток изначально было двое: одни у ведьмы, другие – у Негедана. Ведьма разорвала свои и прокляла. Зёрна разлетелись по всему королевству, и от этого, якобы, возникло множество проблем.

– Но зачем она это сделала?

Я вспомнила, что Гредвар что-то говорил об обмане.

– Мало ли, – уклончиво ответил Дарган. – Негедан за свою

жизнь рассорился абсолютно со всеми.

Из ответа мне показалось, что Дарган обвиняет в случившемся не ведьму, а Негедана, своего деда.

– А почему она владела чётками и как вообще смогла к ним прикоснуться?

– Она была дочерью Чиянара, создателя этих чёток, и конечно же, он сам и его родственники тоже могут к ним прикасаться.

Опять Чиянар! Вот так живёшь, думаешь, что знаешь о стране достаточно...

– И много у него родственников? Он вообще жив и эта его дочь?

– Я не знаю ответов на эти вопросы, – Дарган пожал плечами. – Но если они проявят себя, Храм сразу узнает об этом, – он откашлялся и вновь упёр взгляд в пергамент: – Зерно короля находится здесь, в Асилоте... Ты подумай! Оно в подземельях под храмом. Мы только что оттуда!

– И посадили за решётку единственного гида.

– Я бы сказал, предусмотрительно оставили в живых.

– Смысл? Он никогда не станет нам помогать.

Дарган хмыкнул:

– Пока рано говорить об этом, давай лучше посмотрим, где зерно чужестранца.

– А нельзя просто взять зерно короля и отправиться наверх?

– Прочитай. Оно не сработает. Энергия каждого зерна ос-

новывается на энергии всех идущих перед ним. Самостоятельно работает только зерно чужестранца.

– Потому что оно первое, так?

– Да, и нам нельзя терять времени, нужно добраться до него как можно скорее.

– По-моему, удобнее собирать то, что ближе.

– Удобнее в кратчайшие сроки вернуть хоть какую-то власть! И с этим зерном она у меня появится, в то время как от зерна короля не будет никакого толку, и одному Богу известно, сколько мы потратим времени на его поиски. Начинаем с первого зерна и двигаемся по порядку.

Я взяла пергамент:

– «Зерно чужестранца, зерно рабочего, зерно купца, зерно воина, зерно аристократа, зерно священника и только потом зерно короля. Все зёрна создают вокруг себя катастрофу. Найти их можно в её центре, неподалёку от места, куда они ведут», – прочитала я. – Здесь написано, что зерно чужестранца перемещает короля в графство Динки.

– К советнику Уолу. Он фроксианин, отвечает за дела чужестранцев. Возможно, стоит с ним поговорить.

– Похоже, наш путь лежит на юг. Хотя нет, сначала на восток, поедem в Бер, там продают лучших скакунов, на таких потом хоть по прямой на юго-запад...

– Подожди, подожди. Мы потеряем кучу времени и денег, – он почесал подбородок. – Я знаю, где достать их бесплатно. Двинемся на запад, в леса.

– На западе нельзя найти ничего кроме проблем, что тебя туда так тянет?

Он одарил меня насмешливым высокомерным взглядом:

– Боишься?

«Взбесить умеет!»

– Зато ты не боишься! Тебя, я смотрю, хлебом не корми, дай вляпаться! Конечно, мне же потом спасать твою королевскую за... значимую особу.

Король закрыл лицо ладонью:

– Собирайся, едем на запад.

Через пару часов мы уже спустились по крутому склону ущелья, оставив столицу позади. Великое Белое плато нависало над нами, а впереди простиался дремучий Асилотский лес.

Вот уже полчаса я готовила речь, что произнесу, когда план Даргана с треском провалится. Я не сомневалась, что мы вернёмся в город пешком, уставшие, потерявшие время, а то ещё и раненые.

Нет, меня не обнадёживала мысль, что в прошлый раз Его Величеству посчастливилось как-то раздобыть и коня, и доспехи...

Дарган огляделся и пошёл вперёд. Оставалось пожать плечами и последовать за ним. Он петлял меж деревьев, то медлил, то ускорялся. Одно было неизменно – впечатление, что он идёт по давно знакомым местам.

Такого поведения я бы ожидала от него во дворце, но никак не в лесу. На минутку, поймав его взгляд, я представила, как он смотрится в короне, оглашает указы перед советниками. Там, наверху, он непостижим и загадочен словно звезда на небосклоне. Но что отличает его от простого смертного внизу? Я снова глянула на него – походка!

Тут не поспоришь. Сразу видно: идёт король, идёт, чёрт его подери, хозяин!

Я откашлялась:

– Дарган, знаешь ли, ты идёшь так, будто владеешь этой дорогой!

Король повернулся ко мне, вопросительно подняв бровь.

– Ты идёшь так, будто владеешь этой дорогой, – проговорила я более чётко.

Он склонил голову направо – ни черта не понял.

В принципе, тут и дороги-то не было.

– Нет, это неудачное слово... Я понимаю, может, это и твои владения, но я не об этой конкретной дороге под нашими ногами. Я о дороге, судьбе путников. Дорога, она как человек: видит, чувствует, запоминает. Она едина для всех направлений, вечна и необъятна, она была до нас и будет после. Мы на ней лишь маленькие точки. Ты не владеешь дорогой, не можешь ей приказывать, она сама решает принимать нас или нет. Мы должны быть осторожны и почтительны.

Дарган внимательно выслушал мою тираду, но не отреагировал. Только б не споткнулся, не глядя под ноги – и на

том спасибо.

– Подожди, – он остановился в том месте, где с дороги сворачивала узкая тропа.

Я не успела даже задать вопрос, как уши заложил громкий свист, а после из-за деревьев выскочили двое парней. Они походили на близнецов: одного роста, обвешаны листвою, лица перепачканы. Один подбоченился – другой скрестил руки на груди.

– Что ещё за гнилой батат? – сказал им Дарган.

Близнецы переглянулись, левый подал голос:

– Что ты там бормочешь?

– О гнилом батате.

– Больной что ли?

– Я-то в порядке, – развёл руками Дарган, – а вот бататы гнилые!

– Ладно, – оскалился правый. – Ты кто такой? Говори или убирайся!

– Спроси у Явара, батки твоего, кто я. У меня, кстати, к нему дело.

Близнецы вновь переглянулись.

– Ну, а это кто? Посторонним нельзя! – сказал левый, кивнув на меня.

– Перестань, это же баба! – правый разразился смехом.

– Это не баба, это орудие войны! Ты глянь на её плечи! Форменный убийца!

– Ты смотришь ей на плечи? Я бы лучше глядел на эти

щёчки или...

– Избавьте меня от этой дребедени! – повысил голос Дарган. – У меня нет времени, отведите меня к Явару, девушка пойдёт с нами до пруда!

Я только моргала, передо мной будто разыгрывали сценку из комедии, настолько дурацкой и абсурдной, что и вопросов нормальных не подобрать.

– Что происходит? – только и вымолвила я, в принципе этот вопрос назревал с тех пор, как мы покинули столицу. – Ты... ты... ты... кто? Разбойничий атаман?

– Нет, я не разбойничий атаман.

Как наивно было с моей стороны ждать, что он ответит.

Тропа уводила в лес, и в конце пути врезалась в мокрую заросшую тростником грязь.

– Подожди меня здесь, у пруда, – кивнул мне Дарган. – Не волнуйся.

По каменному лицу было ясно: большего от него не добиться. Он скрылся в чаще вместе с близнецами, а я осталась у «пруда». Так Их Величество, по-видимому, величал мутную лужу позади тростника.

Я не знала, что и думать. Вроде, должна отвечать за его безопасность, но если он даже не собирается посвящать меня в свои планы... Ох и привыкла я всё решать одна, а с попутчиками быть исключительно на равных.

От нечего делать я всматривалась в тёмную гладь, вернее, чёрную. Выглядело странно: весь лес пронизывали солнеч-

ные лучи, а на воде не мерцал ни единый блик, будто это мазут какой. Так и тянуло бросить палку или камень, проверить.

Я подошла ближе, раздвинула тростник – чёрная поверхность пруда тут же покрылась рябью. В глубине я разглядела фиолетовые отблески. Там явно водится какая-то нечисть! Интересно.

Заранее вынув меч, я произнесла заклинание поиска нечисти. Обычно оно пугало её, заставляло выскочить из укрытия. В этом болоте я ожидала увидеть парочку мелких демонов, но то, что я увидела, поразило.

Гладь вспучилась, забурлила, а потом из воды стал подниматься чёрный человеческий силуэт: голова, плечи, сгорбленная спина. При этом в округе повисла такая тишина, что отдалась звоном в ушах, и я услышала будто сквозь толщу земных недр:

– Это ты, Гредвар?

Я вздрогнула. Это ещё что такое?

– Я ждала, – послышалось вновь, – я знала, тебе нечего делать под солнцем.

Силуэт поднял голову, сверкнули два белых глаза. Я отшатнулась, сердце заколотилось, вот уж не ожидала встретить здесь нечисть. Я занесла меч, в любой момент готовая к атаке, но тут сзади послышался стук копыт. Силуэт стал быстро погружаться в воду, мгновение, и передо мной вновь стояла неподвижная чёрная гладь.

Из-за деревьев выехал Дарган на здоровом гнедом коне, за ним на привязи следовал такой же чёрный.

На эмоции не было времени. Я кинулась к нему, отвязала чёрного и запрыгнула в седло.

– Поехали отсюда!

Дарган молча последовал за мной, однако его взгляд холодил спину. На дороге я придержала коня и повернулась:

– Мне... не по себе от этого места, – объяснила я. – Не знаешь, что это за болото?

– Ты о пруде? Да обычная чёрная лужа, никогда не просыхает, правда, – он склонил голову направо. – Что случилось?

Что я могла сказать? Сама не поняла. Похоже на не упокоенную душу, может, это место вообще проклято. Но почему она назвала меня Гредваром? Не приходится сомневаться, кого она имела в виду. Доиграется мой учитель со своей некромантией!

Я не стала ничего говорить Даргану. Ещё полезет проверять, ему же вечно не сидится.

– Так что, поскачем на юг? – донеслось до меня сквозь пелену мыслей.

Надо же, Его Величество, решил посоветоваться! На этот раз решать буду я.

– Там Красный каньон!

– Красный каньон тянется вдоль всего города, – пожал плечами Дарган. – Так что?

– Знаешь что, а давай на юг, – как бы сильно мне не хоте-

лось спорить, это было вполне логично. – Если переберёмся в брод через реку, то успеем пересечь каньон, пока светло.

– А это важно?

– В каньоне после заката делать нечего! Что, твоя светлая² мать не рассказывала тебе о гаджаях?

Дарган пожал плечами:

– Суеверия! Ведь с тех пор их никто не видел.

– Да, потому что с тех пор нормальные люди ночами по каньону не лазают! – сказала я намного резче, чем хотела. – И я одна из них! Так что, если хочешь путешествовать со мной – поторапливайся.

Я прикусила язык. Это был перебор. "Да уж, если Гредвар – «редкий хам», то меня давно пора повесить!"

– Прости... – постаралась исправиться я. – Давай, поехали на юг.

Король дёрнул бровями и пришпорил коня.

Ночью мы прибыли в графство Динки. Говорят, до вступления на престол Бернарда Двадцать Четвёртого, то есть, Даргана, это было беднейшим местом в королевстве. Теперь же юг процветал.

Мы въехали в город по ровной дороге, с которой никто не воровал камни. За городской стеной начинались ряды домиков таких чистых, будто их только вчера построили.

Город не спал, по широкой центральной улице в свете раз-

² слово "светлый" употребляют при упоминании умершего человека

ноцветных фонарей, гуляли весёлые компании, сквозь смех часто слышалась иностранная речь.

Фасады ночных заведений украшали деревянные статуэтки, фигуры из камня и горшки с ночными лилиями, из распахнутых окон доносилась музыка. Да не серенидские заунывные напевы, город содрогался от басов таприканских мелодий. Наша музыка тайно, но успешно вошла в моду ещё в эпоху работорговли. Прилюдно серенидцы звали её музыкой второго класса, а потом, чуть заслышав, пускались в пляс без всякого вина.

А как под неё можно не плясать? Мощные звуки отражались в груди, ноги двигались сами. Всякий раз, когда мы останавливались, пропуская вперёд очередную толпу ночных гуляк, я делала ногами пару движений.

В одну из таких остановок чья-то рука коснулась моих пальцев. Я обернулась, молодой таприканец, придерживая мою руку, отвесил лёгкий поклон. Я громко рассмеялась, чтобы Дарган услышал и подождал, а может, просто рассмеялась, и закрутилась навстречу парню. Он перехватил мою руку, мы запрыгали, закружились в народном таприканском танце, немного изменённом местным климатом и культурой, но не потерявшим своей подвижности и непринуждённости.

Танец на улице прекрасного ночного города поднял настроение, хоть на минуту, но я ощутила себя частью прекрасного праздника. А не человеком, которому всегда некогда, даже во временной отставке.

Когда песня отзвучала, парень опять поклонился, я улыбнулась ему и вернулась туда, где стоял Дарган. Выражение его лица, как обычно, читалось с трудом, особенно в ночном свете, но ни раздражения, ни резкости я не обнаружила. Он спокойно дождался, когда я приближусь, развернулся, и мы пошли дальше.

В конце улицы расположился трактир с видом на крепость, мы решили, что поужинаем и остановимся в нём на ночь. Залы были переполнены, зато на задней террасе народа почти не было, только какая-то парочка ворковала в дальнем углу. Огни улицы сюда не доставали, а с реки дул холодный ветер, но хоть можно было спокойно поговорить.

– Резиденция Уолу, – пояснил Дарган, кивая на крепость на горе. – Ты встречала его раньше?

Я задумалась, при упоминании королевского советника по делам чужестранцев мне виделся рослый широкоплечий человек с массивным подбородком и шеей.

– Думаю, раз или два.

В это время поднесли знаменитую рыбу в томатном соусе, и разговор прервался на полчаса.

После ужина Дарган, отпив из бокала продолжил:

– Человек он, я бы сказал, сложный.

– Что значит, сложный?

– Сильный и вспыльчивый.

– Хм. Яркая личность этот твой советник!

– Многие фроксиане такие, только с виду умеют казаться

холодными, но их легко вывести из равновесия.

– Он прям чистый фроксианин или из местных, серенидских? – спросила я.

Дарган прикрыл глаза и помотал головой:

– Он родился и вырос во Фроксии...

Я ожидала другого ответа, даже подскочила:

– Ты серьёзно? У чужестранца такая важная государственная должность?

– Ну так он по делам чужестранцев, – развёл руками Дарган. – Ни один местный не сможет быть так справедлив в этих вопросах. Особенно после, хм, отмены рабства. Фроксия такого понятия отродясь не знала, Уолу из государства, где все равны.

– Все равны?

– Да, более тысячи лет назад в Гиарде было то же самое, но там это не прижилось... Так вот. твоя задача достучаться до его ума, дай ему почувствовать собственную выгоду в деле. Главное, не спорь с ним, не пытайся пробить его броню, если решит, что ты не на его стороне – всё пропало.

У меня отвисла челюсть:

– Это ещё что за уроки дипломатии? С чего мне разговаривать с твоими советниками?

– Если я заявлюсь к нему вот так, – он прижал руки к груди, – результат будет непредсказуемым. Фантазии у Уолу нет, чувства юмора тоже.

– Ну а я, знаешь ли, воин. Меч в забрало – вот моя дипло-

матия! Я как раз пробиваю броню.

– По дороге сюда мне показалось, твоя тактика – не отставать, пока не добьёшься своего, – он посмотрел исподлобья.

– Мне просто было любопытно, откуда ты знаешь таприканский и как гнилой батат влияет на разбойников.

– Вот. Делай также с Уолу, он, в отличие от меня, долго не протянет. Продолжай, пока не добьёшься того, чего нам надо.

– А чего нам, собственно, надо?

– Проблему, катастрофу, чтобы разыскать зерно. Например, скажи, что ищешь работу, тогда он скорее всего и сам отправит тебя в опасное место, чтобы проверить. И да, надо тебе приодеться, этот человек судит по одежке.

– Тут я не против, нужно выглядеть как-то особенно?

– Ну, как богатая, а значит, успешная наёмница. Выбирай подороже, – Дарган стукнул себя по прикрытому плащом боку, послышался звон. Не только коней ему за гнилой батат выдали.

– А может, раз деньги есть, разодем тебя и сам явишься к Уолу как король.

– Да, конечно, я явлюсь к советнику под ворота! Ты что!

– Подумаешь! Может ты мимо ходом.

– Ты не понимаешь, – Дарган скучающе подпёр подбородок, глядя вдаль. – Король – это ещё и мнение.

– Что это значит?

– Король ведёт себя как король. Раз уж королю ударило

в голову почтить окрестности своей поездкой, то в золотой карете со свитой человек в двести, сияя драгоценностями за километр. Чтобы ворота отворили ещё до моего появления в городе и встречали при полном параде. А подобный поход инкогнито вызовет подозрения, он начнёт таиться, пойдут слухи.

– Но перед Гредваром ты...

– Гредвар – это совсем другое. И его мнение складывается по-другому. Архиведий тоже, для него я в любом случае король. Есть такие люди, но их мало.

– А моё мнение...

– А для тебя, – он махнул рукой, – королей вообще не существует!

– Ну, это не так, – я растерялась, потому что никогда раньше не думала об этом. — Просто я не видела тебя в соответствующей обстановке. Возможно, будь на тебе корона... Слушай, так значит, ты обычно ходишь весь в драгоценностях? – этого я почему-то не представляла. Вдруг захотелось увидеть его в сиянии камней.

Дарган поджал губы.

– Да! – он откинулся на стуле, с вызовом глядя на меня.

Это было настолько новой, требующей изучения, идеей, что я привстала и подалась вперёд, рассматривая его:

– Подожди, подожди. Тут такие перстни с камнями, цепочки, подвески, браслеты?

– Да!

– И сиреневая мантия с золотыми узорами? – я прыснула со смеху.

– Да нет, это утреннее одеяние, – вдруг пояснил король. – Я просто проснулся и...

– А, вроде пижамы? – в памяти всплыла картина нашей первой встречи, и волна смеха накрыла меня. Я подалась вниз и ударилась животом об угол стола.

Дарган цыкнул, протянув руку, задел меня за локоть:

– Ничего смешного! Пошли найдём баню лучше, а то я так не усну.

– Конечно, как можно уснуть? – с трудом перевела дыхание я. – Без сиреневой мантии!

Я силилась остановиться, но, казалось, всё пережитое за эти дни вылилось в смех.

– Ладно, – я отдышалась и выпила воды. – Ты иди ищи баню, а я тут внизу помоюсь.

– В каком смысле?

– На юге все трактиры с банями. Что называется, «западное излишество».

– Такое «излишество» весьма кстати!

Днём город выглядел ещё краше. На улицах благоухали клумбы, в парках красовались аккуратные скамеечки и фонтаны, деревья в садах были аккуратно подстрижены.

По красоте и благоустройству с главным городом Динки могла бы тягаться разве что Асилота. Но та была красива

лишь отдельными местами, чередующимися с неблагополучными или заброшенными районами. Этот же город был совсем новым, и от того сиял весь без исключения.

В свете дня я разглядела получше жителей Динки, среди них встречалось много людей с белыми или золотистыми волосами и голубыми глазами. Так выглядели фроксиане – жители Фроксии, страны, лежащей далеко на севере.

Притом, что фроксиане напрочь отказались от использования магии, их научно-технологический прогресс обгонял остальной мир лет на двести-триста. Во всяком случае, так говорил Гредвар. Ещё он говорил, что у них нет короля и власть не передаётся по наследству. Правитель переизбирается народом каждые четыре года. Мне это казалось неудобным, хотя идея интересная.

Фроксиане были друзьями Серенида и частенько приезжали в отпуск, называя такое времяпрепровождение «экскурсией в романтическое прошлое». В этих словах не было иронии, многие из них так влюблялись в старое королевство, что оставались здесь жить.

Появлялись и смешанные семьи, в которых часто рождались рыжие или светловолосые дети, выделяющиеся на фоне коренного темноволосого населения.

Графство Динки можно было назвать фроксийским центром. Средний фроксианин на голову выше серенидца, быть может, поэтому серенидцы здесь ходили с задранными носами.

С витрины портняжной лавки резала глаза яркая одежда. Серые и синие тона считались цветами рабочих и крестьян, любые тёмные оттенки прощались только странникам, северным чужестранцам и, судя по всему, Гредвару. Самый яркий наряд, что я на нём видела, был тёмно-зелёного цвета, когда он собирался на королевский приём. Конечно, кто решится предъявлять претензии придворному магу? Мне же предстояло одеться согласно серенидской моде. Рядом манила фроксийская черно-белая одежда. А что, если... Нет, увольте, таприканка во фроксийском стиле! Я посчитала, что мир к такому не готов, а уж тем более Уолу, и выбрала розовое платье. Расплатилась, отказавшись купить к нему голубой пояс, жёлтый шарфик или оранжевый плащик, и поспешно вышла. По пути к таверне, поймала на себе внимательный взгляд со скамейки в тени – не сразу узнала Даргана.

На секунду я замерла, с трудом осознавая, что он на себя напялил. Золотой камзол поверх рыжей рубахи, не разбери-пойми, с какими узорами... и рыжие ботфорты с отворотом. Единственная человеческая вещь – чёрные бриджи, неужели ярче не нашлось?

Больше всего бесило, что ему это шло, да так, будто на него шилось! Я поспешно сменила улыбку выражением полного безразличия, прошла к конюшне, седлала коня и поскакала к крепости Уолу.

Крепость окружал высоченный каменный забор, а перед укрепленными воротами, в сторожках, дежурила стра-

жа. Мне навстречу вышли два фроксианина, таких габаритов, что походили на каменные статуи. Интересно, кого это Уолу тут так остерегается?

– Я хочу видеть советника Уолу! – объявила я.

– Сегодня не приёмный день! – в один голос проговорили они и выставили вперёд алебарды.

– Дело важное.

– Советника нет на месте!

– А где он?

– Советник Уолу не отчитывается о своих планах!

«Не пытайся пробить броню... Дай ему почувствовать собственную выгоду в деле», – всплыло в памяти. Уж не сроботаёт ли это и на этих фроксианах?

– Ну, вам же хуже! – надменно произнесла я.

Стражники обменялись молниеносными взглядами.

– У меня, – важно сказала я, – доверенное послание!

– Послание? Нам ничего неизвестно ни о каком послании.

– Советник Уолу не обязан отчитываться таким, как вы.

Тем не менее он сам лично просил господина Ферна, доложить ему не позднее сегодняшнего утра. Но если вы меня не пускаете, то проблемы это уже ваши, не мои! Моё дело прибыть вовремя.

– Какого-какого господина?

Я театрально хлопнула себя по лбу, конь заржал, будто подыгрывая мне:

– Боже мой! Вы что, господина Ферна не знаете? Вы тут

головы на ветру застудили?

– Ну, видите ли! – хмыкнул один. – Сейчас господа поменялись.

– Да, это один из тех новых, наверное... – почесал затылок второй.

Хоть мне было интересно, почему господа поменялись, я не могла проявить неуверенность. Я закатила глаза без тени иронии, устало и угрожающе – по-королевски. И сработало! Оба стражника вытянулись:

– Мадам, мы тут ни при чём! Советник Уолу, видимо, вас не дождался, потому что уже сам отбыл в порт.

Второй закивал:

– Да-да! На вашем месте я бы отправился туда немедленно, потому что, судя по настроению господина Уолу, там проблемы.

"Проблемы – это как раз то, что нам нужно!"

Глава 10

Часа через три мы приблизились к Кассиниану, вернее тому, что от него осталось. На горизонте маячил пейзаж роскошных руин.

Во времена работорговли Кассинианский порт связывал Серенид и колонию, Таприан, откуда привозили редкие товары и рабов. Зажиточные купцы нанимали корабли, вели дела и селились на побережье. Нынче же место пришло в упадок. Богачи оставили город, а умельцы сразу же бросились грабить бесхозные виллы.

С тех самых пор никто о городе не заботился, не ремонтировал дома, не подстригал деревья, не чинил заборы, не убирал мусор, не чистил сточные канавы. На месте зажиточного приморского городка образовалась большая мусорная свалка. В нос бил запах протухшей рыбы и сырости.

Среди хлама и развалин некогда роскошных построек громоздились шалаши и самодельные палатки. На мокрой грязи виднелись следы сапог, но при нашем появлении жизнь будто замерла. В округе повисла давящая неестественная тишина. Редкие шорохи заставляли вздрагивать, оборачиваться, тогда я успевала заметить лица. Лица, что показывались из каждой тени и щели и провожали нас пристальными взглядами.

Наконец развалины сменились улицами, правда, такого потрёпанного вида, будто на них только что закончилась норская битва. Здесь при виде нас люди не спешили кидаться в тень, но шарахались и косились затравленно и злобно. Переулки кишели бичами различных национальностей. Некоторые лежали на досках, ели прямо на улице. Встречались хижины в таприканском стиле и каменные дома.

Меня передёрнуло:

– Ты думаешь Уолу, и правда, поехал сюда? – я почти вскрикнула, мне просто хотелось сказать хоть что-нибудь, чтобы отвлечься от жутких мыслей.

– Не думаю, что поехал, – отозвался Дарган приглушённым голосом, будто боялся, что его подслушивают. – Тут и проезда толком нет.

Заросшая бурьяном земля скорее напоминала полосу препятствий. Иной конь ногу сломит!

– По реке добрался, – опередил мой вопрос Дарган. – И нам бы следовало, но я не хотел оставлять лошадей, да и думал, быстрее. Я раньше в Кассинианский порт тоже плавал.

В нашей жуткой экскурсии появился смысл.

– Таковую красоту упускал! – не сдержалась я. – Ну а порт хоть действует?

Дарган вздохнул:

– Действует, конечно. Принимает товары из Фроксии.

– А с Таприканом торговля уже не ведётся?

– Да что ты! Куда нам без таприканских товаров, просто

их теперь принимают в порте Четырёх Графств. Так... в общем, так получилось.

В конце концов, развалины сменились рядами домиков из разбухшей древесины с кучами мусора у каждого крыльца. Через пару таких кварталов мы выехали на некое подобие площади, посреди которой торчал пустой постамент. Из мусора здесь были в основном пустые фляги, которые вели к двухэтажному зданию с гордой надписью "Клуб". К нему даже прилежала конюшня, о чём свидетельствовал стойкий запах навоза.

Мы с Дарганом переглянулись. Похоже, он думал о том же, о чём и я: нужно было с кем-то переговорить, выяснить обстановку. Оставив лошадей, мы вошли в двери, и тут же очутились в центре внимания.

Посетители смотрели на нас так, будто ради этого и собрались. В любопытных взглядах всё же ощущалась опаска, деревянные кружки покоились на длинных столах. Трактирщик за барной стойкой, отпрянул в тень и наблюдал, как мы приближаемся. Стояла такая тишина, что стало слышно, как возится у бочки толстая крыса. В отличие от людей, её больше занимали подгнившие опилки на полу.

– Что-то не так? – вытаращился трактирщик, в тот момент, когда я собиралась задать тот же вопрос. Обращался он, однако, к Даргану.

– Как вы любезны! – сказал Дарган, шлёпнув ладонью о барную стойку, между его пальцами блеснула золотая монета

– и когда успел достать?

Хозяин заведения собрал глаза в кучу.

– Господин мой, да я... Хм. Чего изволите?

– Наполни водой, – свободной рукой Дарган снял с пояса флягу и кинул ему.

– Всё будет!

– Я смотрю, гости у вас здесь бывают нечасто.

– Здесь? – трактирщик насмешливо шмыгнул носом. – Сборщик дани, разве что. А вы что здесь такие делаете? – он проливал воду мимо фляги, рассматривая наряд Даргана, и украдкой косился на меня.

– Мы такие Уолу ищем, – в тон ему ответил Дарган.

– Советника? В трущобах? – он снова шмыгнул и оскалился.

– Сюда он не заходит, – слышалось сзади. – Почему-то!

– Ага, видимо сорт вина не по вкусу! – подхватил другой голос.

Плечи трактирщика уже подрагивали, он проливал воду на стол и пол:

– Норс³, чего хотеть! Не ценит местные деликатесы, – проговорил он. – А вот герцог с королём каждый самсдон⁴ заходят, им нравится!

Клуб наполнился гоготом и звоном кружек, трактирщик содрогался, закрыв лицо ладонями. Фляга лежала на стойке,

³ норс – серенидское прозвище для всех фроксиан

⁴ самсдон – шестой день в серенидской неделе, первый выходной

вода из неё выливалась.

– Я понял, вы, ребята, бродячие комики, – выговорил он, утирая слёзы. – А это костюмы. Хотя... – он покосился на золотую монету, которую Дарган словно невзначай приоткрыл. – Не похоже.

Дарган покачал головой:

– Нет, мы ревизоры.

– Неужели из Ордена Непринуждённых? – в заведении грохнули стулья и вновь наступила тишина.

Дарган пробурчал себе под нос нечто неразборчивое, увещания, ругательства:

– Нет, королевские! – сказал он вслух.

– Ух ты, гаджай меня раздери! – трактирщик покачал головой. – Ну так, Уолу следует искать в «Штормбрекере».

Он снова взял флягу осторожно её наполнил и положил перед Дарганом.

– Далеко до него?

– Да не очень. До конца улицы и направо к морю, там увидите.

– Отлично, – Дарган толкнул монету кончиками пальцев, так, что она чуть не съехала с противоположного конца стойки.

Хозяин накрыл её ладонью и рывком сунул в карман своего мешковатого фартука.

– Всем по одной за мой счёт, – сказал Дарган.

– Нам следовало одеться проще, – сказала я, когда мы вы-

шли из клуба.

– Мы такие, какие есть, фальшь люди чувствуют, – парировал Дарган.

В Серениде не найти чужестранца, который не слышал бы об исполинском корабле, «Штормбрекере».

На этом судне во времена тирании Бернарда Двадцать Третьего совершалась первая, и единственная, миссия по спасению рабов из Серенида. Под видом торгового судна «Штормбрекер» собрал на борту более трёхсот таприканских рабов, но на выходе из гавани его настигла береговая охрана. Корабль отправили ко дну вместе с беглецами и экипажем, а выживших казнили на месте.

Об этой жестокости вспомнили только после прихода на престол Бернарда Двадцать Четвёртого. Когда он отменил рабство и объявил независимость Таприкану, судно подняли со дна и с почётом вынесли на берег. Кто бывал в Кассинианском порту, знает, что его перестроили в трактир. Или как его здесь называли, таверну.

На мачте «Штормбрекера» гордо развивался черно-белый флаг Фроксии. Хотя ни рабами, ни освободителями фроксиане никогда не были.

Неподалёку от корабля на берегу моря возвышалась каменная фигура в виде бегущего человека. Я задержалась, чтобы прочесть надпись "Памятник погибшему рабу".

– Памятник «рабу»? Чья это идея?

– Во всяком случае, не моя, – развёл руками Дарган. –

Наверное, Уолу. Кстати, найди его, а я поговорю с местными.

– Как я могу бросить моего короля одного?

Дарган закатил глаза:

– О ступай, мой рыцарь! И не волнуйся, твой король знает, что делает!

«Впрочем, как и всегда, да?» – подумала, но не сказала я.

Внутри корабля-таверны царила тёплая уютная атмосфера, не сравнить с тем, что творилось снаружи. Горели фонари из цветного стекла, играла медленная музыка, пахло табаком и благовониями. Посетители, видимо, моряки и купцы, расположившись на больших подушках, пускали в потолок кольца дыма и тихо переговаривались.

И гости, и прислуга – сплошь чужестранцы: таприканцы, их соседи – ретаньяне, а также фроксиане.

Думала, что на разодетую таприканку опять начнут коситься, если не с опаской, как в трущобах, то с удивлением. Но удивлена была я, увидев своих соотечественников, разодетых во фроксийскую одежду: чёрные панталоны до самых пят и белые рубахи. По этой одежде невозможно определить бедный человек или богатый, у меня, по крайней мере, не получилось. Была также парочка таприканцев в яркой серенидской одежде. Они с особой важностью курили трубки, заняв столик в самом центре одного из залов. На них поглядывали с уважением и лёгкой опаской. Таким же взглядом, только с удивлением, глянул на меня из-за барной стойки трактирный слуга ретаньянин.

Я указал на первый же кувшин, и он наполнил кружку.

– Пятнадцать медью.

– Не подскажите где мне найти советника Уолу? – спросила я, отсчитывая монеты.

– О! Он здесь! Как всегда, на верхней палубе, – ретаньянин кивнул в сторону трапа.

Я расплатилась и поднялась на верхнюю палубу.

Понять, кто тут главный, не составило труда. Советник сидел на скамье под навесом, один на четверть палубы и занимался важными делами: курил трубку и смотрел на море.

Как и отложилось в моей памяти, Уолу – рослый широкоплечий мужчина с массивными руками, челюстью, шеей. Длинные панталоны и фроксийская кожаная куртка сидели на нём как влитые – вот, на кого рассчитана эта одежда.

Словно почуяв моё приближение, советник замер, медленно обернулся. Средних лет, гладко выбрит, белые волосы зачёсаны назад, холодные голубые глаза, смуглая кожа, какая бывает у моряков от ветра. Думаю, на чей-то вкус он показался бы весьма привлекательным, если бы не эта пугающая аура. Он словно готов вступить в поединок в любую секунду.

– Вы что-то хотели? – сместились вниз его челюсть. Таким голосом можно медведя уложить.

Из головы вылетело даже собственное имя.

"Говорила же Даргану, переговоры – не моё!"

– Я... я... вы, господин Уолу? – выдавила из себя я.

– Просто Уолу, – он окинул меня взглядом. – По какому

вопросу?

– Я ищу работу, Уолу, – вдруг вспомнила я.

– Рад за вас.

"Дай ему почувствовать собственную выгоду в деле", – услышала я в голове голос Даргана. Да, но проблема в том, что я не знаю, что ему выгодно.

– Я воин и разведчик, вольный наёмник. Но в наше время всё тяжелее найти честного работодателя. Как только я услышала о проблемах в Кассинианском порту, сразу направилась сюда... – быстро заговорила я наугад и попала в неведомую цель, потом что Уолу откашлялся и с сердцем заговорил:

– Потому что вы ждёте милостыни от короля! Ничего не будет. Он освободил вас, и ваша дальнейшая судьба в ваших руках. Местные будут и дальше ненавидеть вас. Однако помощь вы воспринимаете в штыки, ищете подвох. Рабские комплексы! Пора усвоить: никому в этом мире ничто не даётся просто так. Хочешь выиграть – рискуй.

– Да, да, вы правы! – сказала я, вдруг вспомнив, что спорить с ним Его Величество не рекомендовал.

– Вы такая же неудачница, как и остальные, – внезапно Уолу потерял ко мне интерес и повернулся к морю, приставив трубку к губам.

– Так или иначе виноват всегда руководитель, – не сдержалась я. – Вы, Уолу, не мудрец дальних странствий, вы – советник короля. Причём по делам чужестранцев. А говори-

те так отстранённо! Это вы воспринимаете мою помощь в штывы, так кто из нас боится рисковать? Я неудачница? Ну так удача – вещь капризная. Сегодня вы, завтра...

– Удача на стороне сильных!

– Поэтому я на вашей стороне! – выдала и сама удивилась.

Наступила пауза, за которую Уолу делал короткие частые за-тяжки.

Наконец, опустил трубку, губы его искривились в усмешке:

– Забавно! Как, говоришь, тебя зовут?

– Удача.

Он оценил ответ ещё одной усмешкой:

– На кого ты работала до меня?

– Не помню.

– Правильно. Это был вопрос на засыпку!

Он втянул побольше дыма и, задержав его, долго смотрел на волны, наконец, выпустил целое облако и проговорил:

– Есть одно дело, но учти: тебя никто не будет прикрывать. Если что-то пойдёт не так, я тебя знать не знаю.

Я кивнула, но даже не представляла, что у него в голове.

– Полагаю, вы слышали о кораблекрушении на прошлой неделе, – Уолу заговорил вполголоса. – Так вот, на том судне как раз находился беглый преступник, – он помолчал, покосил на меня. – Видите ли, правосудие свершилось само собой, преступника смыло волной. Корабль вернулся без него.

Он набрал немного дыма, одновременно засмеявшись, и

подавился.

– Нет, – сквозь кашель проговорил он, – вы можете себе представить, человека типа меня смыло волной, а остальных нет!

– Это... странно.

– Куда более странно, что вчера этого самого преступника видели на острове неподалёку.

– Невероятно.

– Мы не в старовековье, верно? От правосудия не скрыться! Серенид – страна писаных законов, а Фроксия и подавно.

– Так значит преступник – фроксианин?

– Да, как и я, зовут Бали, возле уха родимое пятно, – он провёл пальцами по левой щеке.

– Интересно.

– Ну, прекрасно! – Уолу снова затянулось и после будто и вовсе забыл о моём существовании, отвернулся к морю. Знал, как проверять разведчиков.

Разговор, однако, прошёл впустую, беглый преступник не тянул на катастрофу.

Выдержки из дневников Даргана:

Написание подобных записок-дневников входит в привычку, так мне легче успокоиться и разобраться с происходящим.

Наверное, я быстро привыкаю к людям. Оставил её в пор-

ту, и чувство, будто важную бумагу выронил: нужно срочно разыскать и спрятать, пока никто не прочитал, при этом нельзя подать виду, необходимо спокойно продолжать важную встречу.

Не могу поверить, что Кассиниан настолько низко пал. Уолу бы следовало заботиться о благополучии всего графства, а не только своей крепости. Однако это помогло мне понять, как устроен город, таких во времена моего светлого отца было много.

Я подошёл к двум таприканцам, что сидели на обочине дороги и пытались то ли сломать меня глазами, то ли сломать глаза об меня. Они, конечно же, вскочили, изогнули спины в порыве затравленной агрессии. Дальше счёт шёл на секунды, хорошо, монеты приготовил заранее.

Заплатил им, предложив проводить меня. И вот так я вернулся в клуб к серенидцам с двумя таприканцами.

В клубе рассказывали о корабле, что попал в страшный шторм, после чего не стало владельца фроксийской торговой компании «Фроксия – Серенид». Теперь понятно, почему Уолу здесь, надеюсь, он разобрался с этой проблемой.

Тем не менее судьба предприятия горожан волновала мало, куда с большей охотой они обсуждали какую-то дочь боцмана, ретаньянку. Гадали состояла ли она в связи с погибшим капитаном форта, Брананом.

Судя по всему, девица знала слишком много о его делах. По отдельным репликам я понял, что через неё стало извест-

но, о тайном расследовании, которое вёл этот капитан. Он заподозрил предприятие «Фроксия – Серенид» в торговле преией⁵.

На мой вопрос, откуда взялась преия, ведь ранее её находили только у берегов Таприкана мне не ответили. Но, как я понял, Уолу срочно провёл расследование под своим чутким руководством, и доказал, что предприятие действительно замешано в нелегальной торговле.

Вот только казнить было уже некого, правосудие свершилось само. ведь владелец компании погиб при шторме. Однако Уолу был в ярости, решив, что виновному попросту помогли бежать.

Да, но тут у меня возникает вопрос: как на корабле, возвращающемся из Фроксии могли бы узнать о расследовании, ведущемся в Серениде. Интересно, как Уолу себе это объясняет. Посетителей клуба, однако, и это не волновало. Вспомнив о происшествии на корабле, они перестали обсуждать красоту и честь боцманской дочери и принялись обсуждать бедствие, постигшее корабль. Он назывался «Слава Побережья».

Они говорили, что «Слава Побережья» заплыла в опасное место, где часто бушуют смерчи. Вернувшиеся моряки также утверждают, что видели там морское чудовище. А вот это уже похоже на серьёзную катастрофу.

Я спросил их, где находится это «опасное место», но в

⁵ Преия – водоросль, курение которой вызывает наркотическое опьянение.

ответ услышал, что задаю слишком много вопросов. Также мне заметили, что я богатый ревизор, а они бедные горожане.

Даже нанятые мною ребята догадались, к чему всё шло и встали впереди меня. Острый местный конфликт между таприканцами и серенидцами играл в мою пользу. Те и другие не могли быть за одно. Если серенидцы хотели меня ограбить таприканцы не могли позволить им этого сделать, ведь добычей делиться с ними явно не станут.

Начался спор на тему, чьим мешком с деньгами я являюсь, плавно переходящий в оскорбления по расовым признакам.

«Мы свободные люди под защитой суверенного государства...» – цитировали таприканцы Кодекс «О правах чужестранца».

Я сидел у барной стойки, и трактирщик, тронув меня за плечо, поманил за собой.

Он отдал мне свой серый плащ, сказал, что так я избегу проблем.

Через заднюю дверь я оказался на улице, оседлал коня и ускакал в направлении порта раньше, чем спорщики успели опомниться.

Я прогулялась до гавани, не только в «Штормбрекере», а во всей приморской части города не было ни одного серенидца. Зато я никому не бросалась в глаза, несмотря на ро-

зовое платье. Я вслушивалась в разговоры, разглядывала корабли. Большинство из них имели округлую форму и гладкие высокие борта.

Один привлёк моё внимание, от причала к нему тянулись тяжёлые цепи. На борту красовалось название «Слава Побережья».

Разговорив скучающего работника гавани серебряной монетой, я выяснила, что это то судно, на котором и бежал преступник по имени Бали.

Дарган ещё не появился, поэтому я решила провести время с пользой и узнать больше о «Славе Побережья». Как тут удержаться – даже трап спущен!

Я взошла на борт, никто не пытался меня остановить, всё же долго рассчитывать на везение не стоило. Я поспешила к люку на нижнюю палубу, и замерла, услышав внизу голоса. Разговаривали двое: мужчина, говорил он с сильным таприканским акцентом, и женщина.

– Я уже устала слышать оправдания для этой сволочи! – на чистом серенидском проговорила она.

– Ещё и капитан теперь за всё в ответе, говорят, – отвечал таприканец.

– Ну и пусть! Кого мне жаль, так это того берника – Брандана. Они ведь убили его!

"Берниками" чужестранцы называли серенидцев, возможно, в честь королей Бернардов. Значит, женский голос всё-таки принадлежал чужестранке.

– А мне жаль капитана! – вздохнул таприканец. – Он же вообще ни при чём! Он просто руководил судном – выполнял свою работу. Чем он виноват?

– Он всё знал, говорю тебе! – ядовито прошипела женщина. – Тебя послушать, так никто не виноват. Один руководил судном, другой скупал ракушки, третьи вылавливали водоросли. И по отдельности каждый выполнял свою работу. Откуда вообще берётся зло?

– Так ведь зло всегда было! Это, – тут он употребил таприканское слово «фаризан», которое переводится как «соблазн», – понимаешь? Вопрос, насколько люди на фаризан ведутся! Серенидцы, как я слышал, распустились в конец...

– Ах, дело только в этом? А Брандан? Он тоже сам виноват? Или может, повёлся на фаризан? И что с тобой говорить! В сотый раз одно и то же, – голос женщины стал удаляться.

Я осторожно спустилась вниз. Справа пожилой таприканец тёр тряпкой большую печь и, несмотря на уход собеседницы, продолжал:

– Этот разговор не я начал, кстати. А на что повёлся Брандан, известно одному... Ой! – повернувшись вполоборота, он заметил меня. – А ты ещё кто?

– Простите, я никого не нашла наверху, – сказала я. – Я бы хотела поговорить о том, что случилось.

Таприканец оглядел меня:

– Что тут говорить, госпожа, уже сотню раз всё сказано! Понимаете, я всего лишь кок, готовлю пищу. Мне дела нет

до всех этих братату⁶. А вот капитана, – он обернулся назад и нарочито громко проговорил, – мне жалко, я считаю, это несправедливо! И жалование удержали, не знаю за что, но я слышал...

– Что ты тут болтаешь? – послышался уже знакомый женский голос. Оказывается, он принадлежал симпатичной молодой ретаньянке. Она подбоченилась, обозначив изящную талию: – Вы, собственно, кто?

– Я... Я из ордена Непринуждённых.

Любой простой человек, завидев Голубой жетон впадает в экстаз, и эти двое не были исключением. Глаза их заблестели, они прижали ладони к губам и почти затапцевали, сгибая и разгибая колени:

– Агтан⁷, ну наконец-то! – сдавлено пропищала ретаньянка.

– Я знал, я так и знал, Ахтон⁸ нас не оставит! – ликовал таприканец.

– "Мы свободные люди. Под защитой суверенного государства..." – в течение десяти минут они наперебой цитировали мне кодекс «О правах чужестранцев» и жаловались.

Я деловито кивала.

– И на каком основании наложены данные санкции? – по-

⁶ братату – разборки, перепалки

⁷ Агтан – по-ретаньянски означает имя единого Бога, согласно вере, которую некоторые таприканцы и ретаньяне переняли у серенидцев

⁸ Ахтон – по-таприкански то же, что Агтан по-ретаньянски

нятия не имею, что это значит, но не раз слышала эту фразу от Бена из ордена Непринуждённых.

– Так нет никаких оснований, я слышал, – нисколько не смутился кок. – Просто несчастный случай, говорят.

– Несчастный случай? Что конкретно произошло?

– Я лично не видел, – ответил таприканец. – Но я слышал, как боцман рассказывал матросу. И скажу я вам, плавание у Телийских островов очень опасно! Если шторм разыграется – беды не миновать...

– Ох, – вздохнула ретаньянка, – опять углубился в лирику!

– Короче, Бали забрало чудовище, говорят, понятно? – быстро закончил таприканец.

– Чудовище? – переспросила я.

– Да! Вы что, не слышали о чудовище на Телийских островах? Чёрная-пречёрная женщина! Вместо рук плавники, вместо ног – щупальцы, а хвост такой огромный, что создаёт смерчи. Бывалые моряки знают: чем ближе смерч, тем ближе чудовище, – ноздри таприканца раздулись, глаза расширились. – Она утаскивает на дно корабли, я слышал!

– С другой стороны, – ретаньянка скучаяще разглядывала ногти, – когда так качает, что только не померещится! Чёрное пятно, поговаривают, там было. Может, тень от тучи. Капитан у нас, знаете ли, суеверный.

– Нет у нас больше капитана, – кок понурил голову. – Эната из таверны сказала мне, что слышала, как стражники говорили, что после обвинений Уолу его разжаловал и теперь

больше никуда не возьмёт. А сам Уолу, говорят, был в ярости, решил, что мы Бали сбежать помогли. А мы ведь ничего не знали, нам никто об этом не сказал. Вы переговорите с капитаном Тапой, он, я слышал, в таверне, в трюме!

– Не стоит, – поморщилась женщина. – Он пьяный уже. Думаю, мы, итак, сказали достаточно.

Глава 11

Капитан Тапа... Имя говорило о том, что мне предстояло встретить ещё одного таприканца.

В нижнем зале «Штормбрекера» сохранялась мрачная атмосфера корабельного трюма. Масляные лампы по углам едва рассеивали темноту. Вдоль стен расположились ряды низеньких столиков, с верхних балок свисали гамаки, которые заменяли здесь стулья.

Бывший капитан пребывал в гордом одиночестве. На плечи его был накинут фроксиский бушлат, руки сжимали тёмную бутыль.

Когда я присела напротив, Тапа даже не поднял головы, но наполнил нетронутый стакан на столике.

– Вот так всегда! – проговорил он, глядя на бутыль, словно на собеседника. – Мы – овцы, а они пастухи. Нет нам жизни в этой стране!

Я не была уверена, что это мне, и промолчала.

– Тридцать пять серебряных в месяц, – продолжал капитан. – Ну много же! До чёрта! Неслабое жалование для берника, ведь у них прожиточный минимум двадцать серебряных. А ты посчитай: жильё не дали, – он принялся загибать пальцы, – цены завышают. Что получается? А теперь прикинь, что у некоторых дети, на которых ни черта не платят,

отсюда вопрос... – но вопроса не последовало, вместо этого он припал к горлу бутылки.

– Ну а что произошло между вами и Уолу? – спросила я думающего вслух капитана.

Тот оторвался от бутылки, посмотрел на меня, кстати, осознанным и трезвым взглядом. Нас, таприканцев, по правде, трудно вывести из строя, однако изображать пьяных вошло в моду ещё до отмены рабства.

– А, ты о контракте с дьяволом? – грустно улыбнулся Тапа. – Уолу видела? Вылитый дьявол! Других винить он, конечно, горазд, но, скажу тебе, он главный в этом балагане. Пей, что ты не пьешь? – он придвинул мне стакан.

– Я на службе.

– На какой?

– Ищу проблемы, – честно сказала я.

В этот момент громкий раскатистый смех донёсся с лестницы. Тапа недовольно вскинул голову, в трюм зашёл высокий лысый таприканец во фроксийском наряде, сияя белоснежной улыбкой.

– Ошалеть! – откашлялся он. – Великодушно извиняюсь, но это гениально! А проблемы себе или кому-то? – он прошёл и сел за соседний столик. – Мне как обычно! – крикнул он в темноту трюма.

К улыбчивому соседу Тапа брезгливо повернулся спиной:

– Знаете, – обратился он ко мне. – Проблем здесь действительно хватает, проблемнее городка не сыскать. Бедность,

бездомность, болезни, постоянная холодная война с берниками. Уклад жизни им, видите ли, не нравится, а что тогда говорить нам, оставившим всё здоровье на плантациях?

Слева раздалось пшиканье, лысый таприканец закашлялся:

– Ой, начинай здесь: "мы свободные люди. Под защитой суверенного государства..." Пройдоха ты старый, это ты, что ли, на плантации вкалывал?

– Заткнись, Бута, тебя не спрашивали! – через плечо кинул Тапа.

– Бута говорит, когда считает нужным, – ответил тот. – Его не надо спрашивать и не рекомендуется перебивать, – он вновь оскалился и отвесил мне небольшой поклон: – Капитан Бута.

– Капитан... – буркнул Тапа. – Капитаном только он себя и величает!

– У меня есть корабль!

– У тебя нет экипажа! Капитан, которому никто не подчиняется!

– Зато и я никому не подчиняюсь. Я сам по себе. Я свободен!

Тапа хмыкнул:

– Ты ж мешки на прошлой неделе в порту таскал! Так себе капитан.

– И ты скоро таскать будешь, не переживай! – ухмыльнулся Бута.

Тем временем из темноты показался трактирщик с дымящейся железной кружкой. Бута отвлёкся на него.

– Может, и буду, – Тапа скривил губы. – Но не стану кричать на каждом углу, что я капитан.

– Потому что у тебя нет корабля, как у меня. Корабль тебе норсы дали. А как дали – так и взяли. Так себе капитан, – Бута шумно отпил из кружки.

– Ну и как в море в это время года? – постаралась я перейти ближе к делу.

– И в море дьявол! – вздохнул Тапа. – Недавно напал на мой корабль, не слыхала? – он поморщился, потому что Бута тут же захихикал:

– Ну, пожалуй, послушаю в сотый раз, юбилей будет!

– Оно было там! – Тапа с грохотом поставил бутылку на столик. – Оно забрало Бали! Я видел, что видел, я Уолу так и сказал...

– Что было? Кого забрало? – с удивлённым видом спросила я.

– Да вот так! Говорил, в такую погоду нечего рядом с архипелагом делать, ну их, эти ракушки, зато живы останемся. Нет же, приказали плыть. А я вынужден подчиняться... – не унимался Тапа.

– Рядом с каким архипелагом? – спросила я.

– Телийским! Там постоянно неприятности, будь моя воля, я бы вообще там плавать запретил. Штормом меня не напугать, но когда я в свете молний увидел её...

– Кого?

Я покосилась на Буту, он закрыл рот ладонью. Тапа проследил за моим взглядом, поджал губы и вдруг закричал:

– Чудовище! Чёрную женщину с плавниками вместо рук!

Тут Бута не выдержал и засмеялся в голос, уронив голову, плечи затряслись

– Ошалеть! Представляю себе это зрелище! – простонал он.

– Заткнись! Нам было не до смеха! Она кинулась на Бали, обвила чёрными кольцами, – он неожиданно замолчал и принялся пить из горла, проливая мимо, по крайней мере, половину.

– И что? – поторопила я.

– Что? – Тапа отбросил в сторону ещё не пустую бутыль. – Утащила в море! Ну, а когда в порт прибыли, тут такое началось! – бушлат слетел с плеч.

Одной рукой он подтянул его поближе и продолжил, скребя ногтем жёлтые наплечные полосы:

– Я не знал, что у Бали проблемы с законом. Да и при чём тут я? За что меня разжаловали? Знал бы, лучше бы ко дну пошёл, – он крякнул, облокотился о стол и обмяк, закрыв лицо ладонью.

– Невелика беда, – снова встрял Бута. – Чем с норсами плавать, выкупи себе судно и...

– А далеко этот архипелаг? – спросила я, пока не начался новый спор.

– Да что ты? Вот он, – ответил Бута, взмахнув ладонью. – А тебе зачем? А точно, ты же проблемы ищешь! Хм, так может, рванём туда вместе? Я и ты, – он подмигнул.

– Не советую, мадам, даже, в дырявом тазу меньше шансов потонуть, чем в его корыте! – раздался приглушённый голос Тапы.

– Сразу видно опытного капитана фроксийских тазов! О как корытам завидует! – оскалился Бута.

– Я капитан с девятилетним стажем! – Тапа выпятил грудь. – На моём счету четыре дальних рейса!

– Ага, дальних! Потому что ты тогда потерялся.

– Что ты гундосишь, великий навигатор! Сам в море, как пьяная утка! – отмахнулся Тапа.

– Пьяная утка – кличка твоего штурмана.

– Просто тебе плыть некуда, потому и теряться негде, – не слушал его Тапа. – Пятнадцать лет одни и те же сокровища искать!

– Хорошо, что твоя башка – не дно корабля, а то бы...

Я поднялась и вышла.

У входа в таверну ждал Дарган. Он прикрыл яркие шмотки серым дорожным плащом.

– Ну что?

– В районе Телийских островов недавно пропал преступник, – отчиталась я.

– Это где смерчи бушуют?

– И ты уже о нём слышал?

Дарган кивнул:

– Чаше, чем кодекс о правах чужестранца, здесь звучит только эта история.

– Похоже, это и есть катастрофа, которую мы ищем.

– Я тоже так думаю, найти бы корабль...

– Считайте, что корабль у вас есть! – послышалось сзади.

Я оглянулась, к нам приближался капитан Бута, сияя улыбкой на всю гавань.

– Кто это? – повернулся Дарган.

– Капитан Бута, у него, вроде, собственный корабль.

– А ещё, – подоспел капитан, – я знаю Телийские острова, как свои пять пальцев. Ведь вы туда направляетесь, а?

Дарган почесал подбородок, внимательно оглядывая таприканца.

– Другого корабля вам не найти! – продолжал Бута. – Тут либо норские нефы, либо рыбацкие лодочки!

– А у тебя, значит, что?

– Идём – я покажу!

Дарган приподнял брови:

– Что ж.

Мы направились в самый конец гавани, мимо фроксийских кораблей.

– Пришли! Вот он мой «Везунчик», – объявил Бута.

Почти возле самых скал была пришвартована яхта, метров десять в длину. Сбоку она, и правда, слегка напоминала корыто из-за формы кормы.

– Я избороздил на нём всё море! Этот корабль – продолжение меня, мы единое целое! – капитан с такой нежностью глядел на яхту, что казалось вот-вот подойдёт и погладит борт. – Это верный друг и в шторм, и в штиль.

– А как насчёт смерча? – спросила я.

Капитан пожал плечами:

– А как насчёт денег?

Дарган молча рассматривал корабль, так, будто читал на нём тайные письма.

– Кто это? – спросил Бута по-таприкански.

Я не была готова к такому вопросу и замаялась, а капитан расценил это по-своему:

– Что? Воздыхатель, да?

Так называли влюблённых в странниц мужчин, которые оставляли дом и таскались за ними по пятам.

Я дёрнула плечами, такая версия нам вполне подходила.

– Вы издалека, наверное, – хмыкнул Бута – Я гляжу, странная парочка для нашего городка. Тут берники даже передохнуть на одной стороне дороги с нами не садятся. Да и рожи такие, булыжника просят, а этот у тебя какой-то, – он плавно развёл руками, – аристократ, что ли?

– По-моему, да.

– Ошалеть! Знает толк в девицах, раз нашу выбрал! – он перешёл на серенидский. – Эй, милорд, решайтесь, не пожалеете!

– Сколько ты хочешь? – повернулся Дарган.

Спустя пару часов мы отплыли из Кассинианского порта. Волны шумели, яхта мерно покачивалась. Я подошла к самому борту, синее море на горизонте встречалось с чистым голубым небом. Что же это напоминало?

– Это же флаг Серенида, ведь так? — я посмотрела на стоящего рядом Даргана.

Он кивнул.

– Ну да, синий – национальный цвет же! – озвучила я его ответ. – А вы говорите «цвет селян и рабочих».

Я глянула на своё розовое платье.

– И что же? – Дарган упёрся руками в борт, из-под плаща показались рыжие рукава его рубахи. – Они и есть основа государства, разве нет? А знать просто демонстрирует свою состоятельность, одежда ярких оттенков намного дороже.

– А король тоже демонстрирует?

– А король, – Дарган хмыкнул, – обязан быть самым лучшим и состоятельным. Но даже он раз в год надевает синий камзол до самого пола.

– О, и когда же? На день основания Серенидского государства?

– Угадала...

– Милорд! – прервал наш разговор голос капитана с кормы. – А вы прежде бывали в море?

– Давно, – коротко ответил Дарган.

– Но понимаете, что тут к чему?

– Не особо.

Бута отставать не собирался:

– А вот, например, румпель. Знаете для чего он? – будучи проигнорированным, он продолжил. – Чтобы рулить. Понимаете? Ру-лить.

– Понимаю, – вздохнул Дарган, которому деваться с плывущего корабля было некуда. – Задавать направление. Куда румпель – туда и лодка.

Бута довольно рассмеялся:

– Нет, неправильно! Румпель направляют в обратную сторону. Румпель направо – лодка налево, румпель налево – лодка направо, – он двинул румпель влево, потом сразу вправо, лодка закачалась так, что пришлось схватиться за борт. – Идите лучше сюда!

– Оставь меня в покое, – Дарган устремил взгляд в даль, но даже я заметила его колебания.

– Решайтесь, милорд, не пожалеете.

Дарган покосился на меня, я приняла безучастный вид, стала разглядывать паруса, а через полминуты услышала:

– Вот так вот, сядьте и беритесь. Где юг знаете? Чудненько! Южнее! Южнее, это правее! Правее судно должно двигаться, а румпель куда? Так! Что вы так дёргаете? Уже лучше!

Я глянула на них, Бута продолжал урок:

– А вот это шкот, парусами управлять. Вот давайте, по ветру пойдём – фордевинд, а я натяну шкот, – Бута стал пе-

ребирать верёвки, паруса наполнились ветром, яхта перестала раскачиваться и словно полетела над волнами: – Хорошо идём! Ахтон, отлично! – кричал Бута, сверкая зубами, так, будто подавал сигнал встречным судам.

Теперь солнце светило сбоку, а не с кормы, и я разглядела лицо Даргана. Глаза его светились, как светятся глаза ребёнка, которому впервые дали попробовать мороженое.

– ...снасти, поняли? – заканчивал тем временем свой урок капитан. Затем направился ко мне, и заговорил уже на таприканском: – Ошалеть! Каких талантливых ребят аристократия калечит! Ничего, я сделаю из него юнгу!

Я отвернулась, чтобы Дарган не видел, как я смеялась.

– Бута, как наши капитанами становятся? – спросила я. – Кто их морскому делу обучает?

– Да вот также! – улыбнулся Бута, кивая на Даргана. – Из поколения в поколение. Первые рабами ещё плавали, совсем юными море познали. Кто толковый был, того и учили. Не смотрели на происхождение.

– И их даже делали капитанами? – удивилась я.

– Нет. Делать раба, даже бывшего, капитаном серенидцы бы не стали, но освобождали нас чаще, чем били. Море расставляет свои порядки. Один человек сказал: во мраке бури не разглядеть ни титула, ни цвета кожи, – он вздохнул и закончил скороговоркой: – Ну, а уж когда Бернард Двадцать Четвёртый освободил всех, оказалось, что в Серениде полно готовых мореплавателей-чужестранцев. Еще и доступных по

цене, нам же много не надо.

– Так вы и серенидские суда водите?

Бута наморщил нос:

– Опять же, нет! Серенидские – редко! Не столь из-за новых порядков, как Тапа говорит, сколь из-за отношения.

Капитан вернулся на корму и, стал направлять руку Даргана. Тот внимательно смотрел на него:

– Так что насчёт смерча? – спросил он. – И того чудовища.

Бута помолчал, потом махнул рукой:

– Давайте честно: я вокруг архипелага двадцать лет плаваю, и да, там частенько штормит. Но, Господи! Ну, сами подумайте, милорд, бушуй там нескончаемый смерч, так от архипелага уже ничего бы не осталось! Да и нет там никакого чудовища.

– Значит, капитан Тапа лгал? – спросила я.

– Я не говорю, что он лгал. Он действительно считает, что видел морское чудовище, которое принято считать причиной этих смерчей, – Бута коротко вздохнул. – Тапа – человек впечатлительный, легко внушаемый. Аж настолько, что способен увидеть то, чего нет.

– Если нет ни смерча, ни чудовища, то куда же ты нас везёшь? – спросил Дарган.

Бута пожал плечами:

– Вы платите мне, чтобы я отвёз вас к смерчу и чудовищу – я везу туда, где они должны быть. А будут ли – это вы уж с ними договаривайтесь. Что до меня, так я согласен с норса-

ми: Бали помогли бежать или убили. Какое чудовище? – он усмехнулся. – Ошалеть! При всём уважении, если Тапа это рассказал Уолу, то результат меня не удивляет.

Мы с Дарганом переглянулись, оставалось только ждать.

Дело шло к вечеру. Над морем нависла сырая мгла, будто воздух перемешался с водой. Внезапно резкий порыв ветра вздул парус, судно качнуло, отозвавшись, завывали снасти. Капитан кинулся к румпелю и бесцеремонно согнал оттуда Даргана.

– Ошалеть! Почти при полном бакштаге идём! С одной стороны, это хорошо, вмиг будем у архипелага, – он вскинул голову. – Что встали, господа? Быстро на левый борт! Не видите, корабль кренит?

Мы перешли на левый борт, и правда, устремляющийся в небо, пришлось впиться руками в край и балансировать, чтобы хоть как-то устоять. Однако, корабль выровнялся. Я смогла подняться, но солёные брызги хлестали по лицу, одежда намокала, обжигая холодом, вдруг что-то мягкое легло на озябшие плечи, я оглянулась, это Дарган накинул на меня свой плащ. Целительное тепло разлилось по телу, вернуло жизнь в продрогшие руки и ноги. Я запахнулась, подняла колючую ткань выше, чтобы согреть шею и щёки.

– Спасибо, – вырвалось из груди.

Волны уже захлёстывали палубу и с шипением пенились у ног. Небо разрезала ослепительная молния, о мокрую палу-

бу застучали тяжёлые дождевые капли. Капитан что-то кричал, но слова не долетали, казались шумом, вторящим вою такелажа и грохоту. Такому грохоту, будто мы не плыли по воде, а катились по куче булыжников.

В свете следующей молнии я увидела чёрное полотно до самого неба, с гулом надвигающееся на нас.

– Право руля! – донёсся сквозь грохот стихии голос капитана.

Тут только я заметила, что Дарган уже не стоял рядом, а помогал на корме. Корабль дрогнул, стал крениться так, что чуть не завалился на борт, изменяя направление. Я снова уцепилась за борт, чтобы не скатиться с палубы.

– Отлично! – прогремел над палубой голос капитана.

Теперь гудящее полотно, которое оказалось огромной волной, нагоняло нас сзади. Нас подкинуло, я успела перехватиться за снасти прежде, чем нос корабля взмыл в потемневшее небо.

Поток воды с грохотом обрушился на меня, но я удержалась, повиснув на одних руках, без опоры под ногами, и тут вместе с холодным ветром моё тело воспарило над палубой.

Весь корабль промелькнул подо мной, пока я не встретила с холодным мокрым препятствием. Во рту появился привкус крови, мир померк.

Я скакала на лошади по холмам, на редкость кривым, они изгибались, меняли очертания. Наконец, лошадь, издав странный скрипучий звук, споткнулась и выбросила меня из

седла. Я полетела вперёд...

– Снасти рвутся, связывай! – донеслось, как сквозь вату.

Я открыла глаза, в темноте фигура в белой рубашке перебирала паутину веревок. Я пыталась сосредоточиться, однако стало ещё хуже – меня начала колотить дрожь. Я ничего не могла сделать, когда очередная волна подхватила меня и понесла в кипучую бездну. Я гребла, молотила ногами, но мои усилия против стихии были смехотворны, меня затягивало в бушующее море.

Внезапно в глаза бросилась какая-то палка, я ухватилась за неё, и изо всех сил сжала непослушные пальцы. Волна отхлынула, а скользкая палуба встретила меня плоским ударом по животу, зато мир, наконец, стал чётче. Теперь я увидела, это была не палка, а весло, на другом его конце рвал горло Бута:

– Вставай! Очнись! Вставай!

Ноги не слушались, как будто не мне принадлежали, а тело просто приросло к палубе. Я рвалась вверх, так, что меж стиснутых зубов прорывался рёв, но только зря тратила последние силы. В конце концов, корабль качнуло и меня попросту подбросило, тогда я встала.

– На вёсла, на вёсла! – Бута отпустил конец весла и тут же отвернулся. – Дарган! Разворот!

Походкой пьяного моряка капитан смело вышагивал по раскачивающейся палубе, даже в этом мраке умудряясь сверкать зубами.

Я опустила весло в воду и с усилием принялась загребать густую черноту за бортом, движения отзывались болью во всём теле.

– Лево! Лево руля, чёрт побери! – гремел голос капитана. Послышался уже знакомый гул – неужели ещё волна?

На этот раз, под рукой не было ничего кроме весла, схватиться было не за что. Но случилось неожиданное: волна с воем дикого зверя пронеслась мимо, а корабль вдруг двинулся назад.

Капитан кричал, я гребла, как бешеная, но нас уносило в обратную сторону. Это единственное, что было понятно, высокий вал заполнял всё видимое пространство.

Потом корабль замер, грохот оборвался, лишь было слышно, как в наступившей тишине заунывно отозвались снасти.

Я сжала весло так сильно как могла, как будто возлагала на него последнюю надежду. Кроме него в чёрном пространстве не осталось ничего. Сердце стучало тяжело и ровно, словно отсчитывая время, затишье казалось тревожнее самой бури. Да и буря никуда не ушла, я знала это, всем нутром чувствовала её дыхание, её хищный взгляд. Так таятся звери перед смертельным прыжком, и вот он последовал: нас швырнуло вперёд. Корабль понёсся выпущенной стрелой, в ушах засвистел ветер. Я выронила весло и повалилась на палубу, едва успев выставить руки. Сверкнувшая молния резанула глаза.

– Капитан! – послышался голос Даргана. – Нас несёт на скалы!

– Ошалеть! – отозвался Бута. – Значит, мы почти на месте.

– Мы хотели добраться туда живыми!

– Что ж вы сразу не сказали?

Капитан продолжал сиять зубами, но никакой команды не отдавал.

– Капитан? – не выдержала я, даже не пытаюсь подняться: грести уже не было смысла.

– Ждём, – бросил Бута. – И не рыдаем, а то обезвоживание будет!

Я лежала, впиваясь пальцами в доски. Глаза в темноте не различали горизонта, отчего паника накатывала сильнее, словно буря начиналась внутри меня.

В этом сыром, окружившем меня мире, на затылке проступал холодный пот. Вот сейчас раздастся рёв, и сокрушительная сила расколёт судно на части, доски подо мной разлетятся в щепки. Голодная стихия поглотит нас.

«Чего же мы ждём, капитан?!»

Корабль дрогнул, и невольный крик вырвался из груди, повис над палубой, множась сотнями криков в чёрном тумане. Но удара не последовало, нас вдруг понесло вправо, прочь от нависшей опасности.

– Вот теперь, право руля! – бодро крикнул Бута, он сворачивал парус. – Всё, милорд, вы тоже давайте на вёсла! Гребите вперёд.

И мы гребли, пока впереди не показалась белая полоска. Корабль вынесло к земле, ветер вонзил его носом в песок.

Бута и Дарган говорили без умолку, то одновременно, то по очереди, то слушая друг друга, то невпопад. Они делились впечатлениями, обменивались комплементами, вскрикивали. Тем временем я спустилась с корабля на песок и осмотрелась. Сверкнувшая молния помогла мне в этом. Мы очутились на широком пляже, за которым начиналась пальмовая роща на фоне серых скал.

Море сзади бушевало, мокрая одежда липла к телу, обжигала холодом на ветру. В голове проносились мысли о запасной одежде, о еде, а глаза всматривались в темнеющие горы. Я ещё не осознавала, что именно настораживало меня.

Со стороны корабля послышался шум.

– Ну, а вы, Кеита, вообще, конечно! Из тех женщин, что у нас на львов ходят. Вы вообще знаете, что такое бояться? – послышался голос капитана.

– Спасибо, капитан, – я продолжала всматриваться. Но тут сверкнула очередная молния, ослепив меня.

– Отправимся туда, – Бута указал в сторону гор. Там есть одно укромное место.

– Прекрасно, – послышался в темноте голос Даргана. – Нужно переждать шторм.

И тут я поняла, что смущало меня: один выступ скалы выглядел в темноте несколько светлее остальных. Чем ближе мы подходили, тем больше я понимала, что не ошиблась. Что

это могло быть? Шаг за шагом светлый выступ начинал казаться рассеянным светом между скал.

Глава 12

– Бута, остров обитаемый? – спросила я.

– Никого здесь раньше не встречал, – ответил капитан.

– Но вы тоже это видите? – я вновь посмотрела туда, где теплился непонятный свет.

– Я думал, мне кажется.

Как таприканцы, мы с Бутой первыми привыкли к темноте. Всё-таки на нашей родине принято вести ночной образ жизни, а днём спать из-за жаркого солнца. Мы привыкли, а вот серенидцы – нет.

– Ничего не вижу! – словно в подтверждение моих мыслей сказал Дарган. – Вы о чём?

– Там какое-то свечение между скал, будто отблеск костра, – ответил Бута.

Мы прошли ещё немного, я остановилась:

– Я пойду в разведку. Ждите здесь.

– Куда ты пойдешь? – голос Даргана звучал то ли удивленно, то ли восхищённо. – Как ты ещё ходишь? Я сам видел, как тебя ударило о парус, затем кинуло на палубу.

– Это был парус?

«Так вот почему я не разбилась о то мокрое препятствие». И зачем он напомнил? Тело тут же начало ломить, заныли ушибы, спина отдала резкой болью, ноги отяжелели. Герою

только дай расслабиться! Я с усилием выдохнула, сморгнула, внушая себе, что расслабляться рано.

– Меня спасает амулет. С заклинанием «Уворота», помнишь? – ответила я, и в тот же миг на щеке предательски заняла ссадина.

– Тогда это прям амулет удачи! – хмыкнул Дарган. – Сильная вещица.

– Это подарок Гредвара, и нет, это не амулет удачи. Удача – она божественна, она во всём, а «Уворот» только в бою

– Мне кажется, я слышу Гредвара.

– Так, я пошёл в разведку, – сказал Бута. Но для меня это был уже вопрос принципа.

– Нет, я первая! Лучше сзади прикрой, – отрезала я и пошла к пещере.

У входа вслушалась – кроме потрескивания дров оттуда не доносилось никаких звуков, и тогда я осторожно заглянула внутрь. Горел костёр, у стены были навалены толстые ветки, но людей внутри видно не было.

Я вошла, осмотрелась. Пара веток в костре едва успели обуглиться, значит, загадочный поселенец не успел уйти далеко. Я обошла пещеру и заметила трещину, невидимую со стороны входа. Туда без проблем мог поместиться взрослый человек, а то и два.

– Выходи! – скомандовала я.

В тени глаза ничего не различали, но что-то мне подсказывало, что спрятавшийся об этом не знал.

– Я сказала, выходи оттуда! Всё хорошо, – мягко добавила я.

– А ты меч отпусти! – послышался женский голос.

Оказывается, я по привычке взялась за рукоять.

Я опустила руку, и тогда из темноты показалась голова с длинными светлыми волосами. На свет вышла женщина в рваной фроксийской одежде, из тех фроксианок, что превосходили ростом здешних мужчин. Одно было ясно: там, где начиналась моя шея, заканчивались её ноги.

Она откинула волосы, единственное, что бросалось в глаза на её лице – большая родинка на левой щеке. В остальном лицо казалось бесцветным: бледные губы, белые брови и ресницы, большие водянистые глаза.

Незнакомка с интересом разглядывала меня:

– Ты не дикая, – сделала вывод она. – Что ты здесь делаешь? И кто эти двое с тобой?

– Мы попали в шторм и нас выкинуло на остров.

– А что вы вообще здесь забыли? – продолжила она допрос.

Я не успела спросить, давно ли она считает себя королевой Телийских островов, как сзади послышалось:

– Да не может этого быть! Бали! – из темноты сверкнула улыбка Буты. – Вот так поворот!

– Час от часу не легче! – мельком глянув на вошедшего капитана, женщина закатила глаза.

– Так вы живы! – как ни в чём не бывало, продолжал капи-

тан. – Вот уж некоторые удивятся! – он выделил слово «некоторые». – Я так и знал, я чувствовал...

– Закрой уже рот, лысый придурок! – сквозь зубы проговорила женщина.

– Ой, надо же, меня помнят? Так, может, скучали? – вновь улыбнулся Бута, нисколько не смутившись. – Дарган, это Бали, бывшая хозяйка торгового предприятия «Фроксия – Серенид»! – отчитался Бута вошедшему следом Даргану.

«Так Бали – женщина? Женщина-купец. Я слышала, что Фроксия страна, где женщины наравне с мужчинами, но раньше с этим не сталкивалась».

– Что?! – прервал мои рассуждения возглас Бали.

– А! – отмахнулся Бута. – Это мой юнга, нездешний, безработный, к тому же влюблённый, так что...

– Что там с предприятием? – ледяным голосом проговорила Бали.

– С предприятием ничего, отлично работает, как фроксийские часы.

– Руководит кто?

– Официально руководит теперь Уолу.

– А с какой это стати? – взвизгнула Бали. – Меня уже признали официально мёртвой? Три дня только поиски должны были продолжаться!

– Продолжались, – хмыкнул Бута, – уже прошло пять. Дело не в твоей смерти, нарушительница закона!

Бали вздрогнула:

– Что, прости?

– Твоя судимость.

– Причём здесь это? К смерти Брадана я не имею никакого отношения, меня оправдали ещё до отплытия! И как ты можешь...

– Ой, вот только не надо! Все уже знают, на чём ты деньги делала. Бранан много успел накопать прежде, чем его... убрали с дороги. Наркобаронша!

– Что ты сейчас вякнул?

Дарган снял с плеч мешок и, усевшись, стал выгружать его содержимое: сухари, солонину, фляги с водой и зельями. При этом он не сводил глаз с говоривших.

– Ты – наркобаронша, – повторил Бута. – Все знают, зачем твои корабли на остров Сироп заворачивали. И ведь из Фроксии это совсем не по пути!

– Ну и что, – сказала Бали. – Мы ракушки оттуда привозили.

Но Бута её не слушал:

– Водоросль прея! Ну конечно, из-за неё однажды чуть империя не рухнула. Благо, Бернард Двадцать Четвёртый спохватился.

– Какая водоросль, что ты несёшь? – вздохнула Бали.

– Ну хорош прикидываться! Все уже знают, как ты товар не тому сбагрила, и Бранан на тебя вышел, потом вы с ним разобрались, а тебе пришлось сбежать!

– Сбежать? Ну уж это вздор! Враньё и провокация! По

какому праву, Бута, ты мне тут предъявляешь обвинения?

Бали села, где стояла, поджала колени, глаза её забегали.

– Значит, я? Я торговец преией? – тихо проговорила она, с её губ сорвался пугающий нервный смешок. – Хорошо... Как хорошо!

– Причём дело передали представительству Фроксии...

– Больше ни слова! – повысила голос наркобаронша.

– Подождите. – наконец, осенило меня. – Не та ли это водоросль, что раньше привозили из Таприкана?

– Она самая. Опять, – задумчиво сказал Дарган и протянул мне кусок солонины, а заодно и исцеляющее зелье.

– Присоединяйся, – кивнул Бута и придвинул Бали часть нашего ужина. – Всё же, не чужие.

– Так, стало быть, преия и на островах теперь появилась? – сощурился Дарган, взгляд его переходил с Буты на Бали. – Раньше только у берегов Таприкана её находили.

– О, только ещё одного умника мне и не хватает! – прошипела Бали, спина её выгнулась, как у пантеры перед прыжком. – Тебе какое дело, берник? Ты советник короля или, может, из Армады? Сиди и не вмешивайся!

– Что ты на него кидаешься? Он аристократ между прочим! – заступился Бута с набитым ртом.

– Аристократ! – буркнула Бали. – Тем более! Первые, кто преией интересуется! Ещё и "звёздочку" из неё делают!

– А что за "звёздочка"? – спросила я.

Мне вспомнился побег из тюрьмы, тогда Гердан тоже го-

ворил о какой-то "звёздочке".

– Разве это не снотворное? Её из преи делают? – спросила я.

– Да. Но смотря, с чем смешать, – пояснил Дарган. – И в какой пропорции.

– Ха, ну вот! Я же говорю! – хмыкнула Бали. – Кстати, мужчины, закурить не найдётся? Моя трубка сгнула в океане, уже который день не затягивалась.

Мужчины переглянулись и пожали плечами, никто из них не курил.

– Вот чёрт! – вздохнула Бали. – Не хотела я затягиваться тем, что местные предложили, а, по-видимому, придётся!

– На острове есть жители? – спросила я.

Бали кивнула:

– По крайней мере, одна семейка к востоку отсюда.

– Никого здесь быть не может, – проворчал Бута. – Здесь жрать нечего!

– А тебе лишь бы пожрать! Хочешь сказать, я вру? Говорю, есть! Жуткие твари.

– И что же такого сделали эти жуткие твари? – спросил Дарган.

– Они проводят свои обряды – этого мало? Издают такой противный вой, что аж кости ломит!

«О! Это было похоже на правду».

– В какой цвет кожу красят? – спросила я.

– Розовые полоски на лбу и руках, – дёрнула плечами Ба-

ли.

– А, эти неопасны.

Фроксианка посмотрела исподлобья:

– Да мне плевать! Мне от них не по себе, воротит меня!

– Это, наверное, ломка от "звёздочки", – хмыкнул Дарган.

Бали потянулась и достала из-под камня трубочкой скрученные листья.

Прикурив прямо от костра, она закашлялась, буркнула что-то по-фроксийски и откинулась, опершись о стену пещеры. Больше она не разговаривала и совсем не ела, только сидела, с отрешённым взглядом, какой, наверное, бывает у людей, когда им сообщают о смертельной болезни. Когда она не затягивалась и не выпускала дым, губы её были сжаты, будто сдерживали крик.

Я сидела, наблюдая, как пляшут в костре языки пламени. В пещере было тепло, а ветер, завывающий у входа, убаюкивал, а может сказался побочный эффект исцеляющего зелья, но я не заметила, как задремала.

Не знаю сколько прошло времени, я проснулась, ругая себя за nepозволительную слабость: в пещере незнакомка, на острове непонятные дикари – не время расслабляться.

Бали спала сидя, у костра лежал Дарган, а Бута сидел у входа и изучал порванный рукав своей рубахи. Он поднял на меня глаза:

– Спи, я на часах пока, потом Даргана разбужу.

– А я?

– А девушкам надо спать, – улыбнулся он.

Я глянула на Даргана, Бута поймал мой взгляд:

– Дай ты парню проявить себя! Что всё время вперёд вырываешься?

Стало смешно, но пришлось сдержаться, потому что бока отозвались болью. И это после зелья. Что бы было со мной без «Уворота»?

Я устроилась поудобнее и прикрыла глаза. Проснулась неожиданно, Бог знает от чего. Гредвар рассказывал о каком-то шестом чувстве, что есть у каждого героя.

Якобы, это оно спасает их, когда они, обессилив, проваливаются в сон.

«Иначе, – говорил колдун, – герои бы давно перестали существовать!»

Я уже не раз убеждалась, что Гредвар просто так говорить не станет. Даже если слова его звучат абсурдно, даже если он бормочет их, отвернувшись к стене – рано или поздно их припомнишь.

Я осмотрелась. "Часовой", Бута, посапывал у входа, уронив голову на грудь, а Дарган спал на том же месте, у тлеющих углей костра.

Мои уши уловили посторонний шорох снаружи.

Что бы это могло быть? Ветер уже стих, ливень – и по-прежнему. Любой таприканец знает: шорохи в темноте рядом с жилищем людей – не к добру. Нашупав меч, я поднялась и на цыпочках пошла к выходу, где виднелась чёрная роша и

лоскуток чистого звёздного неба.

Я упоминала о привычке осматриваться прежде, чем покинуть помещение? Прижавшись к стене, я снова вслушалась. Помимо ночных звуков, вблизи мне чудилось чьё-то присутствие.

Чьи-то ступни продавливали песок, чьё-то дыхание отражалось в чёрном проходе, чьи-то глаза всматривались в темноту. Наконец, я услышала человеческое бормотание, пальцы сами легли на рукоять меча.

Я осторожно выглянула наружу, и дыхание перехватило: моё лицо встретилось с другим лицом, тёмным и жутким в ночном свете. Чёрная тень резко очерчивала скулы и подбородок, а на месте глаз чудились чёрные впадины.

Смотрящий на меня испугался не меньше и отпрянул назад. Последовал шорох, ещё несколько тёмных силуэтов отпрыгнули и разбежались в разные стороны. Первый же пятился, пока не поскользнулся на мокрых камнях.

На опасность это похоже не было, скорее наоборот, боялись меня. Демонстрируя пустые руки, я подошла к лежащему:

– Привет, – заговорила я по-таприкански. – Не бойтесь, я вас не обижу.

Я присела рядом и смогла разглядеть, что это была женщина... Даже нет, девочка. Смотрела и тряслась от страха.

– Не бойся, – повторила я.

– Нет, нет, пожалуйста! – слышался женский голос в

ночной тиши. – Пожалуйста, не трогайте мою дочь! – заросли слева зашелестели, лунный свет обрисовал крепкий женский силуэт с торчащими в разные стороны волосами. Он приближался.

Я застыла – любое моё действие могли понять неправильно.

– Они просто наблюдали, они любопытные, они дети... – задыхаясь, тараторила женщина на ломаном серенидском.

– Всё хорошо, – медленно по-таприкански проговорила я. – Мы мирные люди! Наш корабль попал в шторм, мы сошли на сушу, чтобы переночевать.

Она упала на колени возле девочки, та тут же осмелела села возле матери, пождав колени:

– О! А вы не такая, как та жестокая женщина, – проговорила она.

– Какая женщина?

– Та, что в пещере, – ответила за неё мать. – Вы же видели её? Большая и белая. Мы вытащили её из воды, оживили, высушили, накормили, а она ударила ребёнка!

«Жестокие твари?»

– Мы ничего ей не сделали, ничего! – продолжала таприканка. Потом помедлила, будто соображая. – Я видела вас, на пляже. Тот другой белый – ваш господин, да? Он такой же жестокий?

– Какой господин? Дарган?

– Ну, вы его рабыня?

– Конечно, нет, никакая я не рабыня, вы о чём?

Женщина вздохнула

– Простите меня! Просто когда видишь двух таприканцев с белым, то, что ещё можно подумать? Значит, вы освобождённая?

– Освобождённая? – я не могла понять, что она имела в виду, неужели кто-то ещё не знает: – Рабства в Серениде больше нет!

– Что вы говорите? – женщина вздрогнула.

– Ну да, уже одиннадцать лет!

– О, боги! Вы это серьёзно? – они с дочерью переглянулись. – Мы с мужем убежали тринадцать лет назад от жестокого хозяина. Он хотел разлучить нас, продать меня в какое-то западное графство. Муж даже хотел убить его, но боги наказали этого тирана раньше. Как раз начиналась война с нежитью, и в тот день враги ворвались в дом. Его убили, а мы сбежали, прихватив с собой достаточно денег, чтобы раздобыть лодку и уплыть из Серенида.

– Да, я слышала, что во время войны многие бежали обратно в Таприкан, – кивнула я.

– Не в Таприкан, – женщина покачала головой. Попасть домой нам не посчастливилось. Вы ведь знаете о чёрном чудовище, живущем в этих водах?

«Опять чудовище?» Мне оставалось только кивнуть.

– А мы тогда не знали. Еле-еле спаслись и остались жить на острове.

– Но всё хорошо. У вас дети, вы прожили здесь столько лет.

Женщина опять покачала головой:

– Всё было хорошо. Было! На острове было много еды, мы построили жилище и прожили счастливо тринадцать лет. Но на днях случилась катастрофа... – она перевела дух. – Чудовище взбесилось, я ещё не видела, чтобы оно подплывало так близко к берегу. Поднялась буря, какой не видывало ещё ни одно море, наш остров накрыло водой. Я с детьми успела спастись на лодке, но мой муж погиб.

– О Господи, это ужасно... —я вздрогнула.

– Нас прибило к этому острову, лодка разбилась о камни. Но мы живы, спасибо богам, однако на этом острове нечего есть, мы без сил. Я надеялась, что если тот белый – ваш хозяин, то он возьмёт нас себе. Не думала, что скажу это, но рабство лучше, чем голодная смерть.

– В Серениде, – сказала я, – больше нет рабства, вы могли бы вернуться туда, наверняка, вам помогут. Бывшие рабы получают субсидии.

– Да что вы говорите! Это невозможно. Король бы ни за что...

– Бернард Двадцать Четвёртый другой, – сказала я, ощущая почти детский восторг.

«Вон он в ста шагах, такой же с виду, как и мы, а сколько судеб изменил. И я его вижу, помогаю ему, он совсем близко. А вот если бы не он...»

– Хранят его боги! – воскликнула женщина. – И вы... Вы возьмёте нас в Серенид? Пожалуйста, – она сложила руки, – умоляю вас. Ради этих детей, ну пожалуйста!

– Конечно, мы возьмём вас, только сначала наш путь лежит дальше на юг.

– На юг?

А девочка даже подпрыгнула:

– Зачем? Там опасно, вы же сами слышали про чудовище... – сказала она.

– Мы как раз едем туда, чтобы встретиться с чудовищем! – объяснила я. – Мы, кажется, знаем, что ему нужно!

– Надеюсь, вы скормите ему эту большую белую тётю, – усмехнулась девочка. – Как в той сказке! И чудовище ею подавится!

– Бада! – строго сказала её мать. – Как тебе не стыдно! Нельзя говорить о взрослых «большая белая».

Я подавила смех:

– Кажется, чудовище такими не питается! Я слышала, оно пало на неё, но, видимо, есть не стало.

– Ну, уж это сказки! – женщина подалась назад, удивлённо вскинула голову. – Сюда чудовище не заплывает, в этом районе находится мощная подводная река, не зря штормом всех выносит на этот остров.

– Откуда вы знаете?

– Островитяне рассказали, мы же не единственные обитатели островов. Местные всё-всё знают и о море, и о чудови-

ще, – голос её стал таинственным, как у древней сказительницы. – Раньше оно было красивой и сильной женщиной, но её предали. Жестоко и вероломно! Бросили в беде. Измена любимого человека – вот, что способно превратить даже самую светлую добрую женщину в чёрное чудовище. Случившееся убило её, но перед смертью она посеяла здесь семя проклятья, чтобы не было изменщику покоя.

– Почему именно здесь? Этот изменщик что, жил на островах?

Женщина развела руками:

– Возможно. Этого узнать не удалось.

– Зачем же она мстит мимо проплывающим судам?

– Душа её после смерти не нашла покоя, приняла образ чудовища! Такие души лишены разума, они несут смерть и разрушение всему живому. Их ведёт лишь гнев и слепое чувством мести.

Тогда история показалась мне нелепой, ведь мы знали, что это зерно создаёт проклятье, а не наоборот. Я также знала, что большинство таприканских шаманов давно утратили дар провиденья и попросту выдумывали различные сказки.

– Так значит, семя? Вроде маленького камушка?

– Да-да, именно так. Оно лежит в середине смерча.

– Значит, плыть надо на юг?

– Да, но, встретившись с чудовищем, вы там погибнете, – она помолчала. – И мы здесь, видимо, тоже.

Глава 13

Рассказ о чудовище Бута воспринял скептически:

– Десятки раз я плавал между островами и Таприканом, и штормило там не чаще, чем в других районах.

Дарган же только пожал плечами:

– Такие артефакты обрастают легендами.

Я согласилась с этим.

Бали мы ничего говорить не стали, она и не спрашивала, просто на рассвете села с нами на корабль. Но моя ночная знакомая с семерыми детьми, кстати, её звали Нека, наотрез отказалась плыть на юг. Мы оставили ей припасы еды и пообещали вернуться на обратном пути.

Погода с утра стояла тихая, ветер еле-еле раздувал паруса, море переливалось пурпурными красками рассвета. Не верилось, что ночью оно чуть не погубило нас.

Я заметила, что Бали не поднимается на палубу и решила поговорить с ней. Она сидела на скамье возле каюты, безразлично глядя в стену.

– Значит, вы вернётесь в Серенид вместе с нами? – начала я.

– Да, – коротко ответила она, даже не подняв взгляда, – у меня там много дел.

– Это может быть опасно, мне кажется, Уолу настроен

против вас.

Я не стала говорить ей, что Уолу хотел нанять меня, чтобы «свершить правосудие». Что-то подсказывало мне, что лучше не лезть в их тёмные дела.

– Да что вы! Думаю, вышло недоразумение, – сказала Бали. Голос звучал ровно, в растянутых словах и пустом взгляде не было ни капли тепла.

Стало жутко, захотелось сменить тему:

– Бали, а как вы оказались на острове одна?

– Думаю, вы и сами знаете, – фроксианка грустно усмехнулась. – Меня смыло в море. Бушевал шторм и, когда я проходила у борта, накатила волна, я не удержалась, – она вытянула руки кверху, потягиваясь с грацией пантеры.

– А потом?

С поднятыми руками, она дёрнула плечами:

– Плыла, захлёбывалась, пока не вынесло на берег. Не пойму, чего вы от меня хотите? Что, по-вашему, может запомнить человек в штормовом море?

– Понимаю. Это ужасно, Бали.

Она кивнула, водянистые глаза замерли на мне, отливая ледяным блеском. Стало неуютно, по коже пробежали мурашки, бросив что-то вроде «Рада, что вы в порядке», я поднялась на палубу.

Солнце уже припекало, Бута на корме припал к фляге.

– А где леди Фроксия? – крикнул он, оторвавшись от горлышка.

– На нижней палубе, – ответила я, подходя к нему.

– Растаять боится, – капитан рассмеялся от него пахло спиртным.

– Или за борт упасть, – не выдержала я. – Что-то здесь не так, её толкнули или она сама упала?

– Вопрос сложный. Порой очень нелегко понять причину падения, – слышался голос Даргана.

Он растянулся на палубе, подложив руки под голову. Распахнутая рубашка трепетала на ветру, обнажала накаченную грудь. С прикрытыми глазами и обрамляющей губы щетиной он напоминал мужчин с портретиков за три серебряные, что покупали одинокие дамы и мечтательные девицы. Не хватало только длинных спутанных волос.

– Эй, белокожий, не обгори! – хмыкнул Бута. – А насчёт Бали, её корабли возят не только кожу и меха из Фроксии, но и ракушки с Телийских островов. Выкупают у островитян.

– И что?

– И кому нужно столько ракушек? – подмигнул Бута. – Оказывается, алхимикам! Большую часть ракушек скупают они. Зачем – никто понять не может. Мало ли причуд у этих ребят! А, оказывается, всё дело в корзинах!

– Корзинах?

– Да, корзины для ракушек, их Бали тоже каждый раз покупала новые. Островитяне плетут их из водорослей, а водоросли называются...

– Прейя? – Дарган приподнялся на локте

Бута кивнул, фыркая от смеха:

– Они преёу в ремесле используют, тапркианцам-то она, что вам нирама. Трава и трава, только морская. Они и не думают, что вы, берники, от неё теряете разум во всех смыслах.

– Серенидцы курят корзины? – от удивления я готова была сесть, где стояла.

– Ага, звучит странно, да? – смеялся Бута. – Хотя к преёе, говорят, быстро привыкаешь, и потом эффекта никакого. Поэтому алхимики перерабатывают её на всякие препараты, в том числе "звёздочку". На этой "звёздочке" во времена Бернарда Двадцать Третьего вся экономика держалась. Работорговля, и та, на втором месте. Крутая империя была: рабы и наркотики!

– Ну всё, хватит! – буркнул Дарган и сел.

– Что? Это твоя история! Хочешь сказать, не так? Обкуренные хозяева гоняли несчастных рабов, которых "звёздочка" не брала. Если бы не таприканская рабочая сила, страна бы плесенью поросла. Что удивительного, что война берников врасплох застала? Половина рыцарей отходила от наркотического опьянения уже на том свете.

– Довольно! – подскочил Дарган. – Хватит! Я не хочу это слушать!

– Вот вы, серенидцы, Бернарда Двадцать Четвёртого не любите, а если бы не он – от Серенида бы только строчка в истории осталась! Освободил он, видите ли, рабов, ввёл кодексы! Пришлось бросать трубки, поднимать задницы и на-

водить порядок! Да что бы вы делали, если бы не этот порядок! А вот к норсам ему бы быть поостроже, а то вон что делается, советник прейей торгует.

– Сам советник, значит, замешан? – Дарган поджал губы, взгляд заметался.

– Умоляю тебя! Бали – его подруга, причём с тех самых пор, как резко повысился спрос на ракушки. До этого Уолу в порту раз в два месяца появлялся, и хорошо – воздух чище был.

Наш путь затянулся, время шло как никогда медленно. Солнце палило всё сильнее, воздух наполнился запахом перегретого дерева и солёных водорослей. Шум моря расслаблял, волны с лёгким шелестом прилипали к борту, оставляя влажный след, который тут же высыхал на горячих досках. Со всех сторон окружал сине-голубой мир, природный флаг Серенида, лишь иногда меж двух полотен прорезались очертания островов.

Ближе к полудню мы подплыли к месту, где, по мнению моряков, бушевали смерчи и свирепствовало чудовище. Но, словно в насмешку, водная гладь встретила нас зеркальным блеском.

Жаркое солнце пекло голову, а на палубе не осталось ни пятнышка тени, чтобы укрыться. Утирая пот, мы осматривались в поисках хоть каких-то намёков на аномалию.

– Архипелаг небольшой, вот мы, собственно, уже его про-

плыли и чуть не померли со скуки, – сказал Бута. – Осталось петлю вокруг того островка сделать. Что дальше?

Я посмотрела на Даргана, он молча осматривался, пока корабль не обогнул маленький пустынный остров.

– Стоим и ждём, – скомандовал он.

Бута пожал плечами, явно собираясь что-то возразить, но в тот момент Его Величество не удостоил его ни единым взглядом. Сложив руки на груди, он всматривался в горизонт.

Я держалась поблизости, мало ли, вдруг чудовище выпрыгнет неожиданно и утащит его за борт, как Бали... У меня назрел вопрос, но от Даргана исходило такое напряжение, что даже подать голос казалось неуместным. Однако, когда он мерными шагами прошествовал к другому борту, я всё-таки приблизилась к Буте и сказала:

– Далековато мы заплыли.

Так как Бута только непонятливо заморгал, я продолжила:

– Далековато от того острова, где была Бали. Как её могло вынести аж туда?

Капитан оголил зубы, закатил глаза, руки его поднялись к лицу.

– В который раз одно и то же! Нет в районе Сиропа, который мы давно миновали, никакого чудовища. Его видели здесь, а не там. Тебе даже Нека это сказала. Кстати, она ждёт, долго наш парень будет пейзажем любоваться?

– Не знаю, ему виднее.

Дарган стоял, сидел, думал. Мы ждали. Бута возился в рубке, чем-то стуча и демонстративно напевая:

– Стоять на месте на месте нам негоже,

Мы не становимся моложе,

Пройти сквозь бурю нам по силам,

Но нет спасения от штиля...

Тень паруса покрыла палубу, с запада подул прохладный ветер. Я засмотрелась на мелкую рябь на воде, солнечные зайчики играли перед глазами, завораживали. Мысли мои устремились далеко, как вдруг послышался удар. Корабль вздрогнул, стал крениться на левый борт, я невольно вскрикнула, Дарган дёрнулся. Мы осматривались, но не замечали вокруг ничего необычного.

– Бута! – крикнула я.

Капитана нигде не было видно, со стороны рубки не доносилось никаких звуков.

– Бута! – я кинула молниеносный взгляд на Даргана и, вытащив меч, направилась за рубку к левому борту.

Бута был там, он склонился у борта, замер в странной позе. Я похолодела, услышав его сдавленный стон. И тут он резко подался назад, казалось, вот-вот и завалиться навзничь. Следом, прямо на него из моря вылетело что-то большое, чёрное, блестящее, чёрт его пойми какое!

Не раздумывая, я с криком кинулась вперёд, занесла меч и резким движением в воздухе вонзила его в непонятную массу. Ветер свистел в ушах, рядом кричал Бута, сзади – Дарган.

Тёмная блестящая туша с хлопком приземлилась на доски, забрызгав всё вокруг кровью и морской водой.

Я перевела дыхание, постепенно осознавая, что творится вокруг. Бута стоял с удочкой в руках, немного подавшись назад, Дарган – чуть поодаль, смаргивая, а на палубе у борта лежала большая рыбина. Смерть её была быстрой.

– Какого дьявола? Что происходит? Что ты вообще творишь? – кричали мы трое наперебой друг другу.

– Ошалеть! Ты что, женщина, на солнце перегрелась? Ты что мечом машешь?

– А ты что делаешь? – только развела руками я. – Что я должна думать?

– Я рыбащу! Что ты должна думать? Что я должен думать! Встали посреди моря и стоим! Я почти заснул. Тут ты выпрыгиваешь, как гепард из зарослей, и понеслась!

– Да ты напугал нас своим грохотом!

– Мог бы предупредить, – поддержал меня Дарган. – Мы находимся в напряжении!

– Напряжении? Не знаю, как вообще вся эта ситуация может держать в напряжении! Я лично разбухаю от скуки! Ещё скажи, вы подумали, что это чудовище! Молодёжь! Вам для острых ощущений рыцарские турниры придумали, идите, наблюдайте. Можете, – он кивнул на меня, – даже поучаствовать. Замерли посреди моря и ждут не пойми чего! Потом ещё орут! Напугали их, хорошая реакция, да это вас надо бояться! Рыба вон сама от страха померла раньше, чем

ей в башку всадили меч. Я, может, её отпустить планировал.
– Что здесь происходит? – прозвучал над палубой властный женский голос.

Бали теперь стояла у рубки и смотрела на нас сверху вниз во всех смыслах.

– Если бы я знал, – всплеснул руками Бута. – Милорд морем любит, все вопросы к нему.

Бали бросила мимолётный взгляд на Даргана, но потом всё же посмотрела на Буту:

– Ты капитан, разве нет? Я спрашиваю тебя, каков курс?

– Леди, – Бута наигранно поклонился. – Мы держим курс в Кассинианский порт, так или иначе доставим вас в Серенид в целости и сохранности!

Бали покачала головой, развернулась и пошла прочь, провормотав:

– Надеюсь, в этом году мы туда доберёмся.

Тем временем Дарган стоял к Бали спиной, осматривался, чесал подбородок, складки на его лбу чернели. Он молчал ещё минуту, затем сказал официальным тоном:

– Капитан, мне нужна карта Телийских островов.

– В наличии, – Бута даже забыл оскалиться.

Он перетащил рыбину в тень, потом вернулся, и они с Дарганом прошли в рубку.

Через пару часов было решено обогнуть Телийские острова, но теперь не с юго-востока, а с северо-запада по кривой.

Дарган забыл и еду, и питьё, только руководил, мы изучи-

ли Телийские острова вдоль и поперёк, не считая суши. Бута уже не критиковал, не подшучивал, и устал пожимать плечами, только следовал приказам или объяснял, почему они невыполнимы. Наконец, он просто объявил:

– А вот тот самый остров, может, Неку заберём?

Солнце на западе уже окрасило море в багровые тона, край его скрылся за водным миром.

Дарган стукнул рукой о борт, стиснул зубы:

– Я не думал, что мы уже вернулись.

– Телийский архипелаг маленький, – произнёс Бута так, словно в этом была его вина. – Ради Ахтона, Кеита, – шепнул он мне, – что мы ищем на самом деле?

– Скажу – не поверишь, – вырвался вздох из моей груди.

Через час на нашем корабле прибавилось пассажиров и суеты.

– Трюм задраить, вёсла выше, натяни снасть, лево руля... – отдавал команды Бута. Кажется, у него, наконец, появился экипаж – дети Неки. Обучение юных моряков всецело поглотило его.

Смеркалось, мы держали курс на Кассинианский порт. Ба-ли больше не показывалась, порой я даже забывала о ней. Дарган пребывал в апатии: сидел у борта оперев локти о колени и молчал.

– Нам нужен другой план, я думаю... – в пятый раз я постаралась заговорить с Дарганом. В пятый раз он поднял на меня отрешённый взгляд и не ответил.

Нека прохаживалась по кораблю, присматривала за детьми, иногда к ней подбегал Бута, и начинался спор:

– А я говорю, вам сказочно повезло! – твердила Нека.

– Всем ты хороша, женщина, – отзывался Бута, – но зачем людей пугать? Я это море избороздил вдоль и поперёк. Нет, говорю тебе, никакого чудовища! Штормит часто – это да...

Стемнело, белые звёзды высыпали на небе, приближающиеся огни порта навевали тоску. Сердце щемило, безвыходность тянула на дно, как тяжёлый груз, а руки были связаны. Мы отдалялись от цели, теряли время и до сих пор не получили ни единого ответа. Я вслушивалась в разговоры на корме, они немного развеивали тоску:

– Если и чудовище – женщина, то всё с вами понятно, – сверкала в ночных лучах знакомая улыбка.

– Ну какой же вы глупый! Неудивительно, что вы ещё живы! – отвечал уже знакомый голос.

Нека должна была знать больше, я подошла:

– Возможно нужно сделать что-то особенное, чтобы оно появилось. – обратилась я к Неке. – Вы с ним встречались. Что вы тогда делали?

Нека повернулась ко мне:

– Кто с ним повстречался, того уже нет в живых. Мы тогда попали в шторм и видели лишь издалека, как чёрное существо со множеством щупалец напало на корабль. После шаман рассказал нам, что это было то самое чудовище.

– И где этот шаман? – неожиданно для самой себя спро-

сила я.

Нека замерла, часто моргая.

– На... на острове, – она кивнула на восток. – Там, среди густых зарослей, обитает одного древнее мудрое племя.

– Тогда почему бы нам не спросить у них? – осмелела я. – Дарган, мы ведь можем попробовать.

Я глянула туда, где сидел Даргана, напоминающий в сумерках неподвижную статую скорби. Он вздрогнул, поднял голову и, наконец, отозвался:

– Кажется, это единственное, что нам остаётся!

Послышалось нечто среднее между стоном и вздохом. Бута, что показывал сыну Неки, как управлять парусом, принялся цокать языком:

– Часть вторая: на сцене появляется шаман! – он похлопал мальчика по плечу, потом оскалился, глядя на нас. – Знало бы чудовище, сколько вы делаете, чтобы увидеться с ним, так бы зазналось.

– С шаманом, – Нека поймала за руку пробегающего мимо неё сына и принялась поправлять его накидку, – не так просто поговорить, нужно заслужить его внимание.

– А я попробую, – Дарган уже стоял рядом с нами.

– Вы? – Нека и её сын оба округлили глаза. – Но вы, я хочу сказать люди с белой кожей, не можете... То есть, он вообще не любит... В общем, не станет с вами общаться.

– Ну, с ним могу поговорить я, – отозвалась я.

Но Дарган покачал головой:

– Я должен узнать всё сам. Это касается меня напрямую.
Нека округлила губы:

– Не знаю, что вы имеете в виду, но это невозможно. Считается, что от вас одни беды, вас там не жалуют.

– Бута, курс на остров шамана! – скомандовал Дарган.

В темноте, рассеиваемой только светом корабельных ламп, мы подплыли к острову, что казался чернее сажи. Сразу у берега начинались тёмные заросли, они будто росли прямо из воды.

Бута присвистнул:

– Досталось им при том шторме, берег смыло подчистую!

– Что ж, я пойду, попробую поговорить с ними, – сказал Дарган. – Кеита?

Я была наготове.

– Куда? – хихикнул Бута. – Осторожней надо, некоторые островитяне белокожих не жалуют. Сейчас Нека с нижней палубы поднимется, спросим её, какие тут обычаи.

– Я пока начну переговоры, там посмотрим, – корабельные лампы оттеняли лицо Даргана, придавая ему строгое, даже свирепое выражение. Но Бута несколько не смутился и бросил:

– Ну, приятно было тебя знать. Из тебя вышел бы хороший юнга, – он посмотрел мне в глаза. – Ни на шаг не отходи, подруга, от этого сорвиголовы!

Тогда мне подумалось, что он пьян, иначе к чему вся эта

драма. Однако я протиснулась вперёд и спустилась по трапу первая, прежде чем Его Величество успел бы возразить. Ноги встали на хлюпающие в воде камни.

Мне сразу почудился шелест в кустах, я стала вслушиваться, но всё заглушил топот Даргана по трапу.

– Ну что тут? – спросил он достаточно тихо. Но под глухим пологом тишины, что накрывала остров, это прозвучало громким раздражающим криком.

Не успела я шикнуть, предупредить, чтобы говорил ещё тише, не успела даже вдохнуть, как из зарослей выпрыгнул тёмный силуэт и с криком:

– Ах ты проклятый белотелый кусюс! Я тебе щас череп раскрою! – кинулся на Даргана, заноса что-то над головой.

Блики света, доходившие до нас с корабля, осветили нечто вроде самодельного топора. Это говорило о том, что последнее выражение далеко не образное.

Дарган, не разворачиваясь, спиной вперёд метнулся к трапу и оказался наверху с такой поспешностью, что нападавший даже не успел затормозить и с криком кабана врезался в борт «Везунчика».

Я вбежала на палубу следом за Дарганом. Ох и ни гаджай себе, «древнее мудрое племя»!

Мои плечи ещё подрагивал от пережитого испуга, а Бута лежал позади нас на палубе, дрыгая ногами, гогоча так, что голос его срывался на писк.

– Подними трап, болван! – злобно проговорил Дарган.

Но тот только хватался за живот и вопил. Собственно, бежать за нами островитянин не спешил, но легче от этого не становилось, даже мои глаза не могли различить его в темноте, и кто знает, сколько их там ещё.

– Поплыли отсюда! – я глянула на Даргана.

– Нет-нет, подождите! – слышался голос Неки за спиной. – Вы же хотели поговорить с шаманом. Что случилось?

Дарган только фыркнул, всматриваясь в темноту за бортом.

Бута наконец сел и утёр проступившие слёзы:

– Ой! – отдышался он.

Нека наклонилась к нему, что-то шепча в самое ухо.

– О, ну конечно! – вскрикнул он, поднялся и пошёл к спуску на нижнюю палубу.

Мы замерли, слушая, как удаляются его шаги, потом они стали вновь приближаться, но шёл Бута медленнее и гораздо тяжелее. Вскоре он показался, в руках его был огромный свёрток.

Я всмотрелась, в нос ударил специфический запах – та самая рыбина.

– Что это? – спросил Дарган.

– Сейчас я тебя научу азам местной дипломатии, – сверкнула улыбка Буты. – Смотри!

Аккуратно, боком Бута стал спускаться по трапу:

– Привет, аборигенам, мир всем вашим от всех наших! – заговорил он не на чистом таприканском, но на очень похо-

жем языке. – Ой, смотрите, что я принёс, м-м, рыбка! А ну-ка, как насчёт зажарить её на костре? Объединение! – он остановился внизу трапа. – Подарок вашему племени от души!

Понимая, что Бута внизу совершенно безоружен, я медленно стала спускаться следом. Тот самый островитянин, а может уже другой, показался из леса, вышел на свет, держа руки за спиной.

– Ну, где твои товарищи? – продолжал Бута. – Налетай!

Островитянин повертел головой, затем развернулся в сторону чащи и издал крик, напоминающий карканье птицы.

Мы ждали, в ночной тиши, пока заросли неподалёку не зашуршали:

– Чура, что там у тебя? – раздалось оттуда.

– Скажи вождю, я добыл нам подарок!

Снова карканье, шёпот, переговоры, кажется, аборигены сидели по всему лесу, наблюдая за нами. Наконец, заросли зашелестели совсем рядом:

– Кто такие? – слышалось оттуда.

– Я Бута, капитан этого судна, а это моя команда. Мы пришли с миром, хотели поговорить, – ответил Бута.

– У них там белый человек! – встрял Чура. – Я прогнал его!

– Угомонись, Чура! – из зарослей показался высокий силуэт. – Я вождь, господин этих земель! Белым людям нечего здесь делать! Пусть сидят на корабле или мои люди выстрелят в них из лука.

– Но ведь этот белый человек принёс рыбу в дар великому вождю! – возразил Бута. – Это от него!

Вождь хмыкнул, вышел на свет. Полуголый, жилистый, с закрученными в жгуты волосами ниже плеч. На вид можно было дать лет сорок пять, но может, и моложе, в диких племенах люди старели быстрее.

Он осмотрел подарок и губы его растянулись в улыбке:

– Это.... Очень добрый поступок, последние дни мои люди голодают. Море поглощает наш остров. Белый человек сам поймал большую рыбу?

– Да-да! – закивал Бута. – Закинул удочку и выловил у самого дальнего острова.

– Ну тогда он ещё и страшно везучий человек, а значит, должен приносить только удачу!

Поразило с какой лёгкостью вождь перешёл от одного поверья к другому.

– Эй, вы там, тут еда! Несите в племя! – крикнул он в сторону зарослей.

Из зарослей тут же выскочили ещё двое островитян. Бута передал им рыбу.

– Белый человек хотел бы увидаться с шаманом, – поспешно сказал он. – Это всё, о чём он просит.

Вождь издал нечто среднее между нервным смешком и кряканьем:

– Хм... Увидеться, конечно, можно, но шаман не станет отвечать на его вопросы. И подношения, – он покосился на

рыбину, – его тоже не интересуют. Я боюсь, что ничего не получится.

– А мы попробуем! – послышался сзади голос Даргана. Он говорил по-таприкански, отчего даже Бута подскочил.

Я спустилась с трапа, давая дорогу королю.

Чура, видимо, вспомнив о каком-то срочном деле, тут же развернулся и зашагал к зарослям.

Выдержки из дневников Даргана

Капитан Бута поражал меня своей находчивостью и великодушием, однако я не был уверен, что это верный ход. Один раз уже не рассчитал свои силы, так что теперь наблюдал. Вернее, вслушивался, увидеть что-либо в этой первобытной темноте не представлялось возможным.

Выбрав момент, я спустился с палубы, воздъ не возражал против моей встречи с шаманом.

Он выбрал одного из своих людей, чтобы он показал дорогу. Кеита пошла со мной, но мы оба знали, что с шаманом мне предстоит говорить один на один.

Внезапно островитянин остановился, кивнув на темнеющие у берега камни. На них я разглядел сидящий человеческий силуэт.

Островитянин оповестил нас, что у шамана послезакатное бдение.

Вскоре силуэт сменил позу, повернулся боком к нам.

Островитянин сообщил, что теперь у шамана лунное бдение. Он будет смотреть на горизонт, пока не взойдёт луна. Кеита, конечно, не удержалась от вопроса, сколько ещё бдений предстоит шаману. Из ответа я понял, что одно бдение будет сменять другое до самого утра, после чего шаман попросту уснёт.

Поговорить с шаманом можно было, только если он сам пожелает сделать это. Естественно, я решил, что мы пойдём друг друга.

Я пошёл к скалам, встал на выступающий камень напротив. Восходящая луна светила ярче, и я уже вполне чётко видел согнутую спину, спутанные, торчащие врозь волосы и даже морщинистое лицо, повёрнутое в профиль.

Поначалу шаман не обращал на меня внимания, продолжая смотреть на горизонт. Восходящая над морем луна, уже очень ясно обрисовала его лицо, и я смог увидеть, как он нахмурился, затем повернул голову, посмотрел на меня анфас. Я ожидал каких угодно слов, но услышанное сбило с толку:

– На тебе печать чудовища! Ты ему подобен! Кто ты?

Как и другие известные мне шаманы, он не ждал ответа от меня, человека, его интересовало мнение духов природы.

Не разгибаясь, он спустился с камней, как человекообразная обезьяна, и побрел к скалам, я направился за ним. Там была круглая пещера, шаман первым вошёл внутрь, заклинанием разжжёг костёр и жестом пригласил меня войти.

– Зрящий в глубины, – обратился я к нему, как полагалось, – я ищу то чудовище, что создаёт здесь беды.

И он ответил:

– Ты носишь его часть! Внутри себя, в жилах, в костях, в своей плоти.

Признаться, он встревожил меня, потому что во мне есть то, что я не мог объяснить и всегда держал в тайне. Но всё же я был уверен:

– Я не имею ничего общего с чудовищем, оно тень ведьмы, что прокляла моего деда.

Мне показалось, что он усмехнулся:

– Ты научился слышать, не взирая. Но не научился зреть, не слушая...

Я прервал его. Потому что ещё подростком узнал, шаманские речи могут заставить впасть в забытьё на несколько месяцев.

– Скажи, как мне найти чудовище. Ведь ты тоже хочешь, чтобы его остановили, я слышал ваш остров уходит под воду, ваши люди голодают. Я могу помочь.

– Сказать тебе... Ты слышал... Если ты будешь продолжать только слушать, ты ничего не добьёшься. Смотри, белотелый! Смотри!

– И тогда я увижу его?

– Я не знаю твоего будущего, его нет! Лишь лжецы рассказывают о том, чего нет. Могу сказать тебе только, что чудовище выходит не всегда, не ко всем. И к тебе не выйдет,

потому что оно не может навредить тебе, как не стало бы вредить самому себе. Оно не покажется, пока ты жив.

Что бы это ни значило, именно я должен был забрать зерно чёткок, я не мог послать туда никого другого.

Шаман уселся, поднял толстую ветку и резко сунул в огонь. Когда вытащил, на её конце полыхало пламя, он поднёс его к лицу и заговорил, то и дело поднимая глаза на меня:

– Твоя жизнь очень дорогая, стоит сотен других жизней.

Оно чувствует смерть, но принесёт тебе её не оно.

– Это слишком путано.

– Так, может, распутаешь? – он сипло засмеялся.

Ночь полностью завладела миром, на небе высыпали белые звёзды, луна взошла над тёмным морем, дробясь в отражении сотнями полумесяцев. Свежий ветер, развеял душный тропический воздух, подгоняя пенящиеся волны всё ближе к берегу. Вот одна из них уже коснулась моих сапог. Островитянин давно заскучал и нырнул в заросли, я ждала, когда вернётся Дарган.

Наконец, его силуэт показался из-за скал, шёл он размеренно, глядя перед собой. Размышлял. В ответ на мои вопросы он лишь помотал головой.

– Он ничего не знает, Кеита.

– И... – но я осеклась. Спрашивать его, что нам делать – погрузить в ещё большее отчаяние.

Мы тратили всё больше сил. Напрасно, безысходно, впу-

стю. А что, если эти зёрна вообще невозможно найти, и мы попросту погрязнем в этой глупой системе, где всем «правит сила, а не человек». Она, будто болото, может утопить и короля – болоту всё равно. Мне нечего было сказать, слова закончились.

Мы молча дошли до корабля. Ветер разыгрался, трап скрипел, качался под ногами, а может, у меня кружилась голова. Мне не спалось и не сиделось на нижней палубе. Я прохаживалась от края до края, поглядывала за борт, грань между небом и морем была еле различима. Сырой туман клубился над палубой, создавал причудливые образы вокруг корабельных ламп. Воздух, разбавленный водой, играл в свете огня, природа чудила, колдовала. А мы, её крохотные песчинки, плыли по течению. Плечи подрагивали от холода, а внутри разлилась горечь.

Глава 14

Ещё пара нудных часов и глаза стали различать огни Кассинианского порта.

В висках стучало, лицо горело, как будто начиналась лихорадка. Я устала душой и телом, хотелось поскорее найти кровать, запереться от всего мира, накрыться с головой одеялом и уснуть.

В порту было людно и шумно. Свет факелов очерчивал сторбившиеся силуэты носильщиков, тёмную фроксийскую форму, доспехи стражников. Длинные тени мельтешили на перекрест друг другу возле только что прибывшего корабля. В остальных частях порта царил мрак, да свистел промозглый ночной ветер. Лишь далеко, за последним причалом, горели окна "Штормбрекера", мягкий уютный свет манил, источал тепло на расстоянии.

Дети Неки давно спали в каюте, утомлённые долгим плаванием, так что Нека осталась на ночь на корабле вместе с Бутой. А вот куда пропала Бали, я заметить не успела. Будто и не было.

Когда мы с Дарганом сошли на берег, мне показалось, что я вижу в толпе её светлые волосы. Я не стала этим озадачиваться, как и беспокоить Даргана вопросами. В конце концов, нас здесь могло вообще не быть.

"Тут есть стража, другие рыцари Армады, даже сам советник – так пусть разбираются", – подумал мой усталый мозг, когда мы напрямую направлялись в "Штормбрекер".

Комнат хватало, и моя маленькая мечта уединиться и отдохнуть, наконец, сбылась. Бывшая корабельная каюта сохраняла уютную атмосферу старинного корабля. Пахло морской солью и нагретым деревом, угли в камине потрескивали, разыгравшиеся морские волны шумели под окном. Я вытянулась на кровати и накрылась одеялом.

Долгожданное тепло расслабляло, дремота уносила прочь тревожные мысли. Сон явился ко мне на цыпочках, от него пахло весенними цветами и горячим шоколадом...

Мой покой длился пару часов... Его прервал внезапный грохот. Он ворвался в ночную тишь, пол и стены содрогнулись. Я села, спустила на пол похолодевшие ступни. Из коридора послышались хлопки дверей и крики, я встала, натянула платье и выглянула за дверь.

Люди одетые, раздетые, с накинутыми на плечи одеялами выскакивали в коридор, переговаривались, вскрикивали, бегали, куда-то собирались. Ответа от них было не добиться.

Я пошла по коридору, через полутёмные ночные залы, где среди опрокинутых стульев, мельтешили гости и работники таверны. Многие толпились возле окон, откуда почему-то сочился красноватый свет.

"Уж не пришёл ли день Расплаты, о котором так часто рассказывают священники на проповедях?"

Я пыталась пробиться к окну, задавала вопросы, бегала по залам, всё бессмысленно – «Штормбрекер» превратился в обитель кричащих безумцев. У меня самой уже подрагивали колени, а к лицу прилил жар, когда я, наконец, пробилась к двери, выбралась наружу и... обомлела. Гавань горела!

Огнём была охвачена деревянная набережная, служебные постройки и даже корабли у причала. Крики, треск, шум – всё сливалось в единый адский гул, будто исходящий из недр земли.

Я смаргивала снова и снова. Во мне ещё жила надежда, что это просто страшный сон, сейчас он закончится. Я проснулась в тихой каюте корабля-таверны, и ветер будет разгонять волны под окном.

Но кошмар не заканчивался. Языки жадного пламени вздымались кверху, заглывая здания одно за одним по самые крыши. Пожар беспощадно превращал наследие мореплавателей в чёрные горки пепла.

«А люди... Ведь там остались люди! Много людей. Их даже не различали глаза. О Боже, Бута, Нека, дети!»

С этими мыслями я рванулась вперёд: если придерживаться каменной дорожки возле набережной, можно избежать огня до середины пути, а там разберусь...

– Стой, погибнешь! – чья-то рука ухватила меня за локоть. Я обернулась и лицом к лицу встретилась с Дарганом.

– Но там...

– Пламя слишком сильное! Туда не попасть!

Он был прав, я огляделась:

– Ну тогда я полечу!

– Куда ты полетишь? Гредвар на полной скорости и то не может пролететь дальше двадцати метров! Хочешь свалиться в огонь? Успокойся! – закричал Дарган.

По правде говоря, на долго меня хватить не могло, удерживать тело в воздухе – задача не из лёгких, а силы были на исходе. С гавани веяло жаром так, что слезились глаза. Но что же делать?

– Что встали? Выносите вёдра, все, какие есть, а ну живо! – знакомый голос, который только что звучал рядом, уже звучал на всю гавань, громко и уверенно. Дарган взял дело в свои руки.

Через минуту с десятков людей уже выстроилось в цепочку, одни черпали воду из моря, другие передавали дальше, крайние выливал её на огонь.

– Живее! Быстрее! – гремел над гаванью голос Даргана. – А вы что встали? Сюда! Давайте за мной!

Пламя полыхало, шипело гигантским змеем, не хотело сдаваться, тем не менее цепочка продвигалась вперёд, шаг за шагом. Я шла с ними, мне передавали вёдра, я выливала их на пылающий ад. Огонь превращал воду в раскалённый пар, он обжигал лицо, едкий дым бил по слезящимся глазам. Мы шли.

Впереди звучал голос Даргана, направлял нас.

– Не туда! Налево! Больше! Вы двое заснули что ли?

Алые языки приклонились к земле, за ними я увидела группу людей у рухнувшего здания.

– Вы пятеро – помогайте им. Всех в "Штормбрекер".
Остальные дальше! – прозвучал командный голос короля.

«Где же «Везунчик»?».

Я высматривала корабль Буты. Наконец он показался из чёрного дыма, целиком охваченный пламенем. В висках застучало, мир на мгновение потемнел, но уже не от дыма или недостатка воздуха.

«Бог мой Великий, не может быть!»

Расплескав перед собой ведро воды, я кинулась к краю причала. В воде барахтались дети, а Буты и Неки нигде не было видно.

– Нужно их вытянуть! – заторопился Дарган.

Первыми как быть сообразили двое фроксийких моряков: один приблизился к краю, другой ухватил его за ноги. Тут же за ними последовали остальные, создавая живую лестницу, пока первый не достал до воды.

Дети подплывали к нам, хватались, карабкались вверх, и так пока все семеро не были спасены.

– Бута, чёрт возьми! – кричал Дарган. – Капита-а-ан!

– Мама! – запищала младшая девочка. – Где мама?

Только ветер в ответ принёс облако гари.

«Везунчик» с шумом распался на части, чёрные обломки, когда-то бывшие резвым новым судном, рухнули в море. Поднявшийся пепел закрыл обзор, и только потом мы уви-

дели в воде Буту. Он едва держался на плаву, прижимая к себе бесчувственное тело Неки.

Неку перехватили, а Бута, неустанно кашляя, полез вверх. Потом, вытягивая друг друга, мы смогли поднять Неку.

– Она в порядке, – врала я детям, пока вела их к "Штормбрекеру". Их мать несли следом, она не приходила в себя.

Перед нами уже суетились стражники, они следовали нашему примеру: выстраивались в колонну, передавая вёдра.

У таверны стоял никто иной как сам Уолу, покуривая трубку, он на безопасном расстоянии наблюдал, как догорают служебные постройки и как огонь начинает пожирать город.

Чередой факелов вспыхивали деревянные дома, с криками металась между ними люди. Одни в панике бежали дальше в город, загоняя сами себя в ловушку. Другие – к гавани.

Кто только мог стоять на двух ногах и трезво мыслить – кидались помогать стражникам. На руках несли детей, кого-то волокли по земле, другие ползли сами. Люди видели, как стихия уничтожала их дома, забирала жизни, слышались истошные вопли и плачь.

Уолу стоял с каменным лицом, искажённым застывшим презрением ко всему живому.

– Причина возгорания? – рявкнул он на первого же попавшегося фроксианина в форме. Тот тащил к «Штормбрекеру» раненного моряка.

– Да пошёл ты! – почти плюнул фроксианин и направился

мимо. Советник не дрогнул, только хмыкнул.

Залы таверны наполнились стонущими ранеными чужеземцами. Я увела детей в свою комнату в "Штормбрекере", они сели на кровати, прижавшись друг к другу, словно пытаясь согреться. В комнату Даргана отнесли Неку.

Меня позвали, и я вышла в коридор. Лицо Даргана было как никогда бледным:

– Нека умерла.

Мою грудь сдавило так сильно, что я не могла вдохнуть. Надо ли мне дышать? Глаза заволокла красноватая пелена, я кинулась в его каюту.

Вокруг кровати, где лежало тело Неки, крутились две таприканки, они накрыли лицо умершей куском материи. На полу лицом вниз лежал Бута, от него исходил сдавленный вой, спина его содрогалась, ноги бились о пол. Комната, казалось, ходила ходуном как при шторме.

Этот «шторм» почувствовала и я, мои руки затряслись, колени ослабли. Я до боли закусил губу, чтобы прийти в себя, не закричать. Меня качнуло, я упала бы, если бы рядом не оказалось плечо Даргана, ухватившись за него, я уткнулась в широкую грудь. Крепкие руки сомкнулись вокруг моей спины.

"Пара секунд, я могу позволить себе два всхлипа прежде, чем снова стану сильной".

Я не говорила, старалась даже не думать, одна мысль и меня накрыла бы настоящая истерика. Я не могла вернуться

к её детям, они начнут задавать вопросы. Мой язык не изогнётся так, чтобы сказать им. Это было тяжелейшим испытанием из всех, что мне пришлось пережить на пути от десятилетней воительницы до героини Серенида. Я бы лучше пошла биться с какой-нибудь адской армией, но это не вернёт погибших и не спасёт раненых. Ноги сами несли меня куда-то. Вперёд, наверх, я то и дело натыкалась на плачущих и кричащих людей, а перед глазами стоял туман.

– Что ж это за дикий бред? – уже знакомый медвежий голос заставил меня остановиться.

– Город горит, Уолу! – отвечал другой незнакомый голос.

– Заткнись! Целый конвой кораблей остался в истории, а ты мне о какой-то помойке! Долго этот хаби здесь лежать будет, я пройти не могу!

Вскоре я увидела и самого Уолу, что широко и бесцеремонно перешагивал через лежащих на полу раненных людей.

«Хаби»? Ну это уже слишком. Хаби – неприемлемое прозвище таприканцев и ретаньян. Назвать фроксианина норсом – ничто по сравнению с тем, чтобы назвать нашего хаби!

Слово идёт то ли из серенидского и означает «тупой», то ли из фроксийского — «принадлежащий», но и то, и другое напоминало о рабстве и мнимом превосходстве белокожих. Ещё во времена рабовладения такое обращение считалось грубостью.

«Так значит, Уолу? Чужестранец, не знавший рабства?».

С ругательствами и проклятиями советник всё-таки пере-

сёк большой обеденный зал нижней палубы и добрался до двери, что обычно закрывалась на ключ, но сейчас была распахнута. Я поспешила за ним, хотелось знать, куда направляется наш герой в трудную минуту.

Лестница вела в коридор с рядом дверей, здесь царила тишина. Уолу направлялся к самой дальней двери в торце. Меня он даже не заметил.

Рванув на себя дверь, советник вошёл в каюту, а затем гневно захлопнул её за собой. Несчастливая дверь отскочила от косяка и осталась открытой. Я заглянула и увидела просторную комнату, обставленную массивной мебелью. Окна закрывали тяжёлые шторы, отчего внутрь не проникал ни лунный свет, ни отсвет пожара. Темноту развеивала только масляная лампа на столе.

Тяжёлыми шагами советник подошёл к столу и ударил по нему кулаком. Тени дрогнули.

– Тебе понравилось? – ледяной голос заставил меня вздрогнуть.

Штора в углу комнаты вздулась, затем медленно отъехала в сторону. От неожиданности я закричала, но мой крик заглушил крик Уолу. Из-за шторы показалось чудовище, чёрная женщина!

Высокий женский силуэт с ног до головы закрывала чёрная дымка, по полу стелились щупальцы, вместо рук по бокам свисали два огромных плавника.

Продолжая кричать, Уолу подскочил так, что чуть не за-

брался с ногами на стол. Однако оказался слишком грузен для этого и налету напоролся на столешницу. Масляная лампа покачнулась и чуть не упала, тени закружились по комнате в диком танце.

– Вижу, ты не ждал, мой дорогой, что я вернусь? Но убить меня не так просто, как ты думал.

– Б-Бали? – выговорил Уолу. – Во имя праотца Фрокса! Что за маскарад?

– Кто знает, быть может, это моё настоящее обличие? – голос Бали звучал жутко из-за наигранной весёлости. – Быть может, я – то самое чудовище, которому ты приказал убить меня?

– Ты сошла с ума? – ядовито прошипел Уолу. – За-зачем ты подожгла порт?

– Ох, прости, убийцу и главную наркобароншу за этот ущерб *твоей*, – она выплюнула это слово, – торговой компании.

– Да ты обезумела! – Уолу перешёл на фроксийский, и я перестала их понимать.

Я видела его напряжённую спину, слегка согнутые колени, будто он готовился в любой момент выбежать из комнаты. При этом голос его оставался ровным, иногда даже ласковым. Он очень осторожно говорил с переодетой Бали, кивал, цыкал языком, разводил руки в стороны. И я жалела, что не знаю фроксийского.

Вдруг женщина, склонив голову сделала несколько шагов

к нему, что давалось нелегко в длинном запутанном платье или ткани, покрывавшей всё её тело.

Уолу тоже подошёл к ней, продолжая что-то лепетать. Казалось, они вот-вот обнимутся. Уже поднялись их руки, потянулись друг к другу, но запястья Уолу взметнулись выше, и его пальцы сомкнулись вокруг её шеи.

Бали задёргалась, послышался сдавленный стон. Руки, спрятанные за гротескным подобием плавников, хватались за воздух, но не доставали до Уолу. Я кинулась к ним.

– Отпустите её! Немедленно! – проорала я.

Стиснув зубы, Уолу метнул взгляд на меня. Я, не задумываясь, вынула правой рукой меч, левой звезду Дракона.

Советник сделал шаг в сторону так, что женщина упала, и рванулся к двери.

Движение было неожиданно быстрым и лёгким для его комплекции. Попытка бегства увенчалась бы успехом, не запутайся его ноги в стелящихся по полу «щупальцах» Бали. Уолу прозаично рухнул, вмиг утратив героическую проворность. Бали кинулась на него. Кусок чёрной ткани обвился вокруг шеи Уолу, он захрипел.

– Не надо! – заорала я, хотя Бали не придавала моему присутствию ни малейшего значения, она дёрнула ткань.

Взмахнув мечом, я вмиг разрешила тугую материю. Бали пошатнулась, капюшон упал с её головы, Уолу повалился ничком. Движением руки, женщина сорвала длинный чёрный подол и проскользнула к двери.

Секунду я металась, но всё-таки кинулась к Уолу, перевернула его на спину. Глаза его были закрыты, лицо бледным, дыхание и пульс я не чувствовала. Бали убила его? По крайней мере признаков жизни он не подавал.

В коридоре убийцы и след простыл, только у выхода лежал очередной кусок чёрной ткани. В попытках найти её, я бегала по залам и коридорам, спотыкалась о лежащих людей, извинялась, вскрикивала, молчала.

В двери неустанно входили, заносили раненых. В конце концов, стало трудно дышать, не только из-за количества людей, ветер поменялся и стал доносить едкий дым до нас. Спасшиеся у останков гавани рисковали попросту задохнуться, идти людям было некуда – вокруг в городе бушевал пожар. Мы оказались в ловушке.

Нужно было найти Даргана и сказать ему, я вернулась в свою комнату, Бута сидел на полу, вокруг него расселись дети Неки. Я не успела услышать их разговор, внимание привлек скрип соседней двери и голоса в коридоре. Люди говорили размеренно и по очереди, что уже выделялось на фоне общего безумия.

– Это невысказано, прошло почти три десятка лет, – говорил незнакомый голос.

– И, тем не менее, всё цело, лишь подлатать пару стен, – отвечал другой.

– Бута, ну где ты? Давай, очнись, ты нам нужен! – закричал первый голос.

Бута поднялся и вышел в коридор:

– Хорошо, хорошо, я участвовал в строительстве кораблей и заявляю, что ничего невозможного нет, собери своих моряков в трюме! – зазвучал его голос.

Планировалось что-то грандиозное, но что?

Троих собравшихся я знала: Дарган, Бута и Тапа. Кроме них было два таприканца и ретаньнин – все трое во фроксийской капитанской форме.

– Надо отплывать, – ответил Бута на мой немой вопрос.

– Как? На чём? – не поняла я. – Корабли сгорели.

В ответ он постучал рукой по стенке:

– Один остался. Наш спаситель во веки веков!

– Да как... – я только распахнула рот. – На "Штормбрекере"?

– И как можно быстрее! – сказал Дарган. – Собирайте людей, осмотрите поломки и приступайте. Времени в обрез!

И моряки занялись ремонтом: чистили, подбивали, латали, натягивали, уплотняли. Работало столько умелых рук, что корабль через час был готов к спуску на воду. Настроенные поднялось, чужестранцы вопили от возбуждения, забывая о несчастье.

– В Таприкан поплывём, домой! – слышался шёпот.

– А какая там сейчас погода, интересно?

– Жарко, наверное.

– Я так соскучилась! Я там ещё девчонкой была!

– А я там вообще никогда не был!..

А потом все, кто только мог ходить, вышли на улицу и принялись сталкивать корабль в воду.

Люди пели, кто-то пытался плеснуть на корабль вина, кто-то читал молитвы. Каждый хотел соблюсти какую-нибудь традицию, и каждый разную, но разрозненности в этих рядах не было и в помине.

Дарган руководил впереди, я слышала только отголоски его команд. Люди давно перестали спрашивать «Что это за берник?» и просто следовали за ним. И правда, какая разница, что за берник, если со светлой головой и умеет организовать работу.

В очередной раз врезавшись в борт корабля, что двигался к воде медленно но верно, я отбежала назад, давая дорогу другим. В этот момент взгляд мой упал на скалистую набережную позади сгоревшей гавани, где возвышался крутой утёс. На нём виднелась тёмная фигура со светлыми волосами. Я сощурилась, она то и дело терялась среди неровностей утёса, и вот оказалась на самом его краю. В следующий миг фигура сорвалась с обрыва и полетела вниз, пропав в морском тумане. Случилось это так стремительно, что я сморгнула, неуверенная видела ли...

Меня отвлекли восторженные крики, в этот самый момент корабль закачался на волнах, как гигантский маятник. Люди с радостными возгласами прыгали в воду, якорная цепь служила лестницей на палубу. Мы с Дарганом забирались последними, меня он пропустил вперёд, лицо его пыла-

ло, волосы перепутались, глаза горели.

Однажды "Штормбрекер" собрал на борту триста чужеземцев, а в этот раз их было даже больше.

– Дарган, мы-то куда? – спросила я. – Неужели ты в Таприкан решил бежать?

– Я думаю, всё только начинается, – ответил он.

На палубе бурно обсуждался вопрос флага.

– Фроксию снять! – требовали люди.

Фроксианцы, что были в меньшинстве, не заступались, помалкивали и, ввиду отсутствия, выбора тоже собирались в Таприкан.

– Флаг Таприкана! – кричал кто-то.

– Нет, не Таприкана, – орали ретаньяне. – Ретана!

– Никакого Ретана – там сложный узор! – отрезал кто-то.

– А у Таприкана треугольник! Без треугольника уже не то!

– Да и вообще, я ретаньянин, мне обидно! Давайте тогда никакого не будет.

– А давайте Серенида! – послышалось вдруг. – Мне показалось, что это был голос Буты. И сразу наступила тишина. – Серенид нас всех объединяет.

– А золотой, где брать будем? – раздался одиночный выкрик.

– Дурень! – загудела толпа. – Не Империи, а Королевства!

– Да! – снова подхватил голос Буты. – Сине-голубой! Флаг короля-освободителя!

– Такие скатерти, у нас как раз есть! Голубую и синюю

несите!

Я смотрела на Даргана, а он, затаив дыхание, смотрел, как спускается флаг Фроксии и поднимается флаг Серенида. Флаг, что был отменён в страшные годы тирании, бедности и рабства, и вернулся при его правлении.

Ветер гордо подхватил наскоро сшитые скатерти, возвеличивая спасший чужестранцев Серенид.

– Да здравствует король Бернард Двадцать Четвёртый! – раздавались в толпе одиночные выкрики. – Да здравствует король!

– Да здравствует король! Да здравствует король! – подхватил весь корабль, казалось, люди никак не могли накричаться.

Щёки Даргана пылали, он отвернулся к воде. А я смеялась, не в силах остановиться.

Когда накричались, каждый занялся своим делом.

Этот корабль был настоящим гигантом, чтобы им управлять понадобилось человек пятнадцать моряков. Капитана же было достаточно одного, но их было сразу семь, и всё же они умудрялись решать вопросы слажено, боевой настрой и решимость объединяли. Каждый знал своё дело. Судно двигалось к Телийским островам.

Погода стояла прекрасная, и чего мы действительно не ждали, так это шторма. Небо затянулось тучами так стремительно, будто на него вылили банку тёмной краски, море вздулось, как кипящее молоко. Лазурь покрылась белыми

ключьями пены. Детей загнали в каюты, кричащих женщин – туда же ухаживать за ранеными.

Как бы там ни было, как бы ни качало корабль, как бы ни захлёстывали волны – работников было больше, чем работы. И они справлялись.

Я сама бегала, помогала то натягивать снасти, то закреплять груз.

Затем началась передача воды из трюма, её выливали на палубу, и она тут же заливалась обратно с новой волной. Люди не сдавались, боролись.

Меж тем «Штормбрекер» был нерушим как скала. Мощный величественный корабль – сейчас так даже во Фроксии строить не умеют. На нём, будто в крепости, чувствуешь защиту со всех сторон, не зря он снова на плаву.

Никогда не задавалась вопросом из какой же страны прибыл "Штормбрекер". Почему никто не говорил об этом, быть может, это секрет? Захотелось спросить у Даргана, я окликнула его, всё это время он стоял у борта и смотрел вдаль. Я уже пошла к нему, удерживая равновесие на качающейся палубе, как голос, подобный звериному рыку, заставил забыть обо всём:

– Стоять! Кто здесь главный?

Этот голос был мне знаком, но мне не верилось. Я обернулась, желая ущипнуть себя.... Как?..

Выдержки из дневников Даргана

Корабль колдуна снова наплаву, кто бы мог подумать! Если честно, Гредвар – первый, кто восстал тогда против рабовладельческого строя. Сам он с ними не отправился, остался в Серениде, и хорошо, а то погиб бы. Даже он ничего не смог бы сделать против целой флотилии.

Те, кто держал при себе его амулеты, смогли выплыть, но их казнили на месте. Триста двадцать семь человек, виновных лишь в том, что желали вернуться домой, были отправлены на тот свет. Мой отец не любил проигрывать. Гредвар тоже не любит этого, и что ещё хуже, это опасно для других.

На следующую ночь он принялся поднимать умерших, бойцы береговой охраны, дежурившие тогда, говорят, что видели, как сгорбленные человеческие фигуры строем выходили из моря на берег, и даже в лунном свете можно было разглядеть их ужасающие лица.

Живые мертвецы заполнили ночную гавань. При взгляде на эту армию кровь стыла в жилах, кто только имел разум – разбежались. Кто остался на месте и встретился с ними... тот уже ничего не расскажет. Говорят, это был первый раз, когда Гредвар не выдержал, предпосылкой к войне. А я был ещё ребёнком. Спросите, откуда же я это так подробно знаю...

«Ты научился слышать, не взирая».

На палубе стоял Уолу! И поскольку в дальнейшем мне довелось увидеть его кровь, смело заявляю: это был не призрак.

Однажды я слышала, что у норсов девять жизней, и, похоже, это правда.

– Кто главный? – повторил Уолу всё в той же манере.

Никто из капитанов не нашёл времени для ответа, во мраке бушевавшей бури этот вопрос казался не самым важным.

– Да нет здесь главных! – не выдержала я. – Капитаны объединились и командуют вместе.

– Ах, боже мой! – Уолу выдавил презрительную усмешку.

Шторм его нисколько не трогал, он стоял на палубе, даже не переступая, чтобы держать равновесие. Будто ногами врос.

– Хаби, они и есть хаби! – проговорил он. – Никакого разделения труда, никакой организации, первобытнообщинный строй. Так вот: главный здесь я!

В этот момент подымавшаяся волна окатила его, разбившись пенными брызгами, но он остался стоять будто каменное изваяние.

Дарган стоял рядом со мной и неподвижно смотрел на «главного» ледяным взглядом.

«Если ты будешь продолжать только слушать, ты ничего не добьёшься. Смотри, белотельй! Смотри!»

– Почти все здесь, – продолжал Уолу, – подданные королевства. В отсутствие короля, вопросы чужестранцев решаю я. Вы должны слушаться меня – я вас не отпускаю!

– Если ты не заметил: нам плевать, что ты там говоришь! – слышалось с кормы, по-моему, это был голос Буты.

– "Плевать"? – повторил советник, мне показалось, что его глаза блеснули. – Представьте себе пожар, такой как случился в порту, только здесь, в море. Корабль в огне, бежать некуда!

– Ты о чём?

– Знаете, как подожгла порт эта стерва? – продолжал Уолу. – Слыхали о сером порошке?

Уж я слыхала, и, видимо, не только я, потому что в этот момент на Уолу вдруг обернулись и капитаны, и матросы.

– Да-да, – возликовал он, завладев, наконец, всеобщим вниманием, – мы привезли немного из Фроксии. Да, это тот самый, что достаточно пустить по ветру. Однако процесс пойдёт намного быстрее, если попадетя пара искр огня... В общем, я вижу, вы в курсе. Итак, если вы не подчинитесь, мои люди в трюме подожгут корабль.

– Но ведь ты и сам погибнешь! – донёс ветер чей-то крик.

– Да, я осознаю риски.

– Ну и советники у тебя! – сказала я Даргану.

Тот лишь помотал головой. За Уолу он наблюдал, поджав губы.

Люди мешкали с ответом, ждали, что кто-то заговорит первым, Уолу был терпелив.

– Ну что вы, советник, что за дикие методы? А как же мнение народа? Вы фроксиский демократ. Где ваша хвалёная

харизма, где ваш авторитет? Что за пустые угрозы? – прозвучал над палубой голос Даргана, громкий, но будто немного отрешённый.

Взгляд Уолу устремился туда, где стоял король.

– Кто это там осмелился вякать? Покажись! – Уолу ещё больше выгнул спину, выпятил грудь. – Ну давай, срази меня своей харизмой. Или может, твой авторитет защищает от огня?

– Мой авторитет творит чудеса. А вот ты шантажист и пустозвон! Даже блефовать не умеешь. Меч тебе в забрало, а не подчинение! – с этими словами Дарган повернулся к морю, оставив Уолу у себя за спиной.

«Оно не покажется, пока ты жив...»

– Что?! – Уолу так вскипел, что, наплевав на гордыню, сам пошёл к дерзкому оратору. – Да с кем ты разговариваешь, раб?

Тогда король повернулся к нему вполоборота:

– Как ты сказал?

Неутихающие в небе разряды молний подыгрывали, выгодно подчеркивая гордый профиль короля. Не знаю, узнал его фроксианин или принял за кого-то похожего, но рот его распахнулся, а глаза стали квадратными.

– Я... я серьёзно.

– Чего ты хочешь, чтобы люди вернулись в сгоревший порт? И ради чего? У тебя что, непреодолимая потребность делать всё назло?

– Эти люди работают на меня. Мы отстроим порт заново и возродим предприятие.

– Забудь о предприятии, тебе светит смертная казнь. Без головы ты не сможешь занимать руководящее положение.

– Что за чёрт! Да я спалю этот корабль сейчас же! – проговорил Уолу через зубы.

Твоя жизнь очень дорогая, стоит сотен других жизней...»

– Удиви меня! – Дарган снова отвернулся.

Уолу сжал кулаки, голос его так гремел, что казался причиной шторма:

– Проверять меня изволите? Мы ещё посмотрим, кто здесь не умеет блефовать! – он так взбеленился, что даже подпрыгнул и поехал ногами по скользкой палубе, чуть не сев на шпагат.

Адресуя проклятья всем от бывших рабов до короля, от Ретана до Фроксии, он поднялся, и прихрамывая, поплёлся к спуску на нижнюю палубу.

– Дарган, боюсь, что теперь ему терять нечего. Он, и правда, это сделает, – подскочила я.

Не оборачиваясь, Дарган махнул рукой.

– Эй там! – меж тем гремел голос Уолу. – Разжигайте!.. Что? Да, серьёзно! Как договаривались... Какого?

Похоже заговорщики не были готовы к такому повороту, тем не менее холодность Даргана оставалась для меня непостижимой. Да неужели он готов на такой риск? Ведь Уолу

настроен серьёзно.

– Я его остановлю... – я бросилась в сторону.

– Стой! – скомандовал Дарган. – Успеешь. Никуда не отходи от меня!

«Да чёрт бы побрал тебя, Величество!»

– Так точно! – бросила я, метнувшись на место.

Чему-чему, а одному меня жизнь научила: командира нужно слушаться до последнего. Стиснув зубы, я боролась с желанием ухватить Даргана за грудки и встряхнуть, но удерживала себя на месте.

Как только Уолу скрылся из виду, экипаж забыл о нём. Доверив дело «творящему чудеса авторитету», они продолжали делать, что делали. Будто их жизням ничто не угрожало. Тем более шторм и не думал стихать. Корабль ходил ходунном, будто огромная рука отвешивала ему пощёчины, волны вставали крепостными стенами и обрушивались на палубу.

Из-под палубы доносилась ругань Уолу, над ней кричали капитаны, но время для меня остановилось, секунды растянулись. Глаза метались, охватывая картину от моря до неба с застывшими, словно в шаре сказительницы, молниями. На их фоне реял флаг Бернарда Двадцать Четвёртого, такой же стойкий и неподвластный панике, как и сам Бернард Двадцать Четвёртый.

– Взгляни на море! Ты ведь тоже это видишь? – голос короля заставил меня вздрогнуть.

Я повернулась – что такого он мог увидеть в море? И ды-

хание перехватило. К нам приближался столп, доходящий верхушкой до туч, и даже в полумраке было видно, какой он чернящий.

Глава 15

– Что это? – прошептала я непослушными замёрзшими губами – внезапно зверски похолодало.

– Чёрное чудовище, смерч – называй, как хочешь.

Столп приближался, рос, и действительно уже стало видно, что это огромная крутящаяся воронка. Она крутилась всё медленнее, пока совсем не остановилась, обдав корабль очередной гигантской волной.

Вместо смерча над нами нависло гигантское существо, напоминающее человека в просторной мантии с щупальцами по бокам. В лицо пахло мокрой землёй и холодом, будто мы стояли у входа в катакомбы, а не посреди моря.

Гром и грохот заглушали крики людей, в панике метавшихся по палубе. Вокруг силуэта кольцами закручивалась вода и корабль, вдруг подчинившись потоку, стал разворачиваться.

– Оверштаг правого галса! – прозвучал над палубой хор капитанских голосов.

Не успела я восхититься их способности мыслить столь слажено, как рухнула на палубу от резкого рывка. Экипаж последовал команде капитанов, а вот корабль – нет. Лечь на прежний курс не удалось.

«Так, может, распутаешь?»

– Действуем! – передо мной возник Дарган. – Дай мне зелье Гредвара.

Я потянулась к сумке на поясе, нащупав холодный, как лёд, сосуд. Дарган выхватил его, вскочил, перегнулся через борт и пропал из виду.

И как это у него так резво получилось? Спотыкаясь и падая, я добралась до борта, за ним плескали чёрные волны, разбиваясь белой пеной, а из тумана, как гигантские канаты, к кораблю тянулись щупальцы чудовища.

Корабль кренился, ведя нас к неминуемой гибели, а члены экипажа не могли даже устоять на ногах. Невидимая сила мешала движению, толкала в сторону от водоворота, но ноги при этом будто заковало в тяжёлые кандалы. Тело закручивалось, как тряпичное, воздух отяжелел, каждый вдох давался через силу.

Где там Дарган? Как он сможет достичь дна? И как собирается выбираться? Там ли вообще это чёртово зерно? А что, если водоворот исчезнет, а он останется на дне?

Последовать за ним я не могла, неведомая сила, не давала перейти рубеж, разрывала пополам. А тут ещё этот писк! Ни крик, ни вой, а именно писк заполнил воздух, иглами впиваясь в уши. Затем я почувствовала сильный толчок снизу, которому ответила каждая доска, каждая часть корабля.

Послышался треск, «Штормбрекер» покачнулся, лёг на левый борт, и, зачерпнув воды, понёсся в прежнее положение, заваливаясь уже на правый. Не знаю, как я удержалась

за снасти.

Грохот глушил обрывающиеся крики людей. Пальцы мои сжимались так крепко, что онемели. Но после следующего толчка ноги соскользнули, и я покатилаь по палубе.

Выдержки из дневников Даргана

Я прыгнул в холодную воду, течение тут же подхватило моё тело, понесло, затягивая вглубь, в морскую пучину.

Нечеловеческая сила завертела меня, я потерял ориентацию в пространстве, в голове загудело. Я прижал руки к вискам, поджал колени, грудь сдавило, последний воздух вышел из неё.

Помню, как голова моя запрокинулась, и в крошечной тьме далеко вверху сверкнули два зелёных светящихся круга с чёрными дырами по центрам. Так я заглянул в глаза чудовища. Уверен, оно наблюдало за мной.

Меж тем сила, что сковывала меня слабла, тёмный мир вокруг вращался всё медленней, вскоре я почувствовал удар – спина коснулась твёрдой колючей поверхности.

Я вытянул руки, среди скользких камней под пальцами по-падался длинный ворс – наверное, водоросли. Пальцы сами вцепились в него, и вовремя: ноги снова взмыли кверху. Да, кверху. Теперь я точно понимал, что на дне. Чувство направления вернулось, хотя в голове ещё гудело.

Впереди, чуть дальше, чем могла бы достать рука мне

виделось тусклое пятно света. Зерно. За мгновения кружения в водовороте я чуть не позабыл свою цель!

Итак, там виднелось пятно света, что было странно, ведь чётки не светятся.

Я напряг руки и подтянулся, почти достал, и в тот момент водоросли под пальцами оборвались. Еле удерживаясь на одной руке, я бился, как бьётся птица в силке, или тут лучше сказать, как рыба в сетях. Наконец, опять ухватился обеими руками, а ноги всё ещё болтались над головой. Я рванулся вперёд, стиснув зубы, и тело, упало на острые камни. Водоворот отпустил меня, но вокруг слышался его грохот. Я находился на самом дне в его центре, пустом островке. И это самая узкая часть воронки? Какая же она огромная?

Там был воздух, наконец, я вдохнул и чуть не лишился сознания, перед глазами заплясали красные точки, мир качнулся. Но глаза продолжали видеть этот странный свет. Я подтянулся и увидел меж камней сияющую бусину, рука сама метнулась к ней...

«Что я делаю? Зерно же проклято!» – ладонь вовремя замерла, и вдруг раздался незнакомый женский голос:

«Она лишь выполняла поручения, не обдумывала и не судила, потому что любила, потому и перевозносила. А он с каждым днём хотел всё больше и всё сильнее боялся. Он сказал, что обрёт виновную на вечное заточение в темноте, но и ему не избежать расплаты».

Голос замолк. Я бредил? Или может, это слова ведьмы,

проклявшею Негедана?

«Негедан Траден, не будь ты мой предком, я бы и сам проклял тебя! Как дико я устал платить за твои ошибки. Не первый раз кидаюсь в бездну, пусть раньше это и не было столь буквально!»

Я достал флягу из-за рубахи и, откупорив её, потянулся к зерну. Тяжёлая тёмная капля, сорвалась с горлышка, и свечение погасло. В тот же миг мир содрогнулся от огушительного рёва. Я подлетел над камнями и упал снова, полагая что сломал пару рёбер и откусил язык, но боль при- туплялась в замёрзшем теле.

Я дотянулся до зерна, сжал его в ладони. Голова кружи- лась, уши заложило, я поднялся с большим трудом. Зато, наконец, смог оглядеться: как и полагал, я стоял на морском дне в сердце воронки, на пустом островке примерно метр на метр. Высоко над поверхностью воды возвышался чёрный нечёткий силуэт с десятком щупалец, которыми он закру- чивал воду.

И тут я понял, что видел всё это, потому что вокруг стало гораздо светлее. Гул стих. А воронка начала сужаться! Вода смыкалась надо мной, она подступала всё ближе.

Я сжал зерно крепче, мелькнула мысль, что я мог бы сей- час телепортироваться, оно сработало бы. Но это было бы бегство, до тех пор, пока не оказалось бы единственным спасением. Я ждал, что произойдёт.

Холодная водная масса коснулась меня с четырёх сто-

рон, сжимая, сдавливая. Воронка ещё крутилась и меня начало крутить в ней...

«Оно чувствует смерть, но принесёт тебе её не оно...»

Я не смогла удержаться, руки потеряли чувствительность и не слушались, пальцы соскальзывали с мокрого дерева. Холодная солёная масса ударила в лицо, проникла под одежду, делая её свинцовой. Тёмная толща воды сомкнулась над мной, мгла обхватила, сомкнула холодные оковы. Но не успела я даже дёрнуться, выпустить воздух из груди, как почувствовала под ногами что-то твёрдое. Вода убывала!

Сначала опустилась мне по шею, потом по грудь, по пояс, до тех пор, пока от неё не остались только лужи... на палубе! Той палубе, с которой меня только что смыло.

Я стояла, вода стекала с меня, собираясь в ручьи, вокруг в наступившей тишине перешёптывались люди. Все. Живые и здоровые.

– Кеита!

Я обернулась на крик, мокрый чёрный от грязи Дарган висел на борту. Я кинулась к нему, обхватила руками, втащила на палубу, колени мои подогнулись от усталости.

Я только заметила, что буря кончилась, сквозь облака пробивался солнечный свет, "Штормбрекер" блестел, омытый волнами.

– Эй там! – прогремел медвежий голос, о котором я уже позабыла. – Разжигайте!.. Что?! Да, серьёзно!..

– Останови его! – Дарган глянул на меня, сквозь грязь были видны одни глаза. – Он всех нас погубит! Казни его на месте.

Раньше бы так! С трудом распрямляя ноги, я побежала к спуску на нижнюю палубу.

– Тебе конец, демон проклятый! – выкрикнула я одну из эпичных фраз. От них, кстати, есть толк, они заставляют врага остановиться и зависнуть, как случилось с Уолу.

Забыв о своих злодеяния, он развернулся, а потом с воплем кинулся на меня. Я увернулась, он не успел затормозить и пронёсся вперёд, потеряв время, в следующий момент мой меч полоснул его по спине. На ткани кожаной куртки появился ровный разрез, под ним из раны показалась кровь.

Резко развернувшись, Уолу постарался ударить меня локтем, но движение оказалось обманным: когда я подалась в сторону, уворачиваясь, он уже занёс кулак. Он целился в голову, но я увернулась, так, что попал в плечо, однако удар был таким мощным, что я пошатнулась. Ноги поехали на скользкой палубе, я стала падать.

Передо мной встал выбор: выдвинуть локти назад – смягчить падение, но потерять и время, и преимущество или успеть ранить его. Я развернула меч и резанула его бедро.

Уолу завыл, зашипел, будто чудовище – родня ему, кровь хлынула из раны, в следующее мгновение мой затылок стукнулся о палубу и наступила темнота.

Пробудилась я от криков и звуков борьбы, корабль кидало

из стороны в сторону. Открыв глаза, я сразу увидела чьи-то ноги. Передо мной была толпа людей, а впереди у борта Уолу, неестественно согнувшись, отбивался от десятков рук, что намеревались столкнуть его за борт. Кровь хлестала из его бедра, он то и дело пытался зажать рану одной рукой.

Я встала на качающейся палубе, еле разгибая колени, и вскрикнула от удивления, на фоне происходящего в воде дёргалось чудовище. Оно то возвышалось, покрывая палубу длинной тенью, то скрывалось за бортом. Гигантские волны раскачивали корабль, будто готовя новый шторм. Сквозь крики людей, слышался его писк, но куда более слабый, чем прежде.

Уолу даже не толкнули, просто, когда корабль в очередной раз качнулся, он упал за борт, не успев договорить очередное проклятье.

Позднее мне говорили, что чёрная щупальца вытянулась, и обвилась вокруг бултыхающегося фроксианина, после чего он скрылся под водой. А потом скрылось и само чудовище, послав наверх несколько гигантских пузырей.

Над палубой зазвучали радостные крики, люди ликовали как будто выиграли целую войну и теперь будут пировать.

– Перекусить бы! – кстати сказал кто-то.

– А осталось что-нибудь?

Начались поиски пищи, а главное пресной воды, которую дополнили соки, заготовки для коктейлей и ликёры бывшей таверны. Поесть самим почти не удалось, зато хватило де-

тям, набившимся в каюты.

Я подошла к Даргану, он стоял дальше у борта и как раз отмывал лицо морской водой. Правда, грязь только размазывалась, и теперь король Серенида напоминал очень странного таприканца.

– Я ничего не понимаю, Дарган, объясни, что происходит? Как ты мог рисковать всеми этими людьми?

– Что ты так горячишься? – он дёрнул плечами и продолжил своё занятие. – Я спасал этих людей!

– Уолу чуть не поджёг корабль, а ты велел мне стоять! Чего мы ждали?

– Нет, всё не так. Уолу сделал это, потому чудовище и появилось.

– Ничего не поняла!

Дарган кивнул:

– Да, в этом твоя проблема. Вместо того чтобы разобраться, кидаешься с мечом наперевес.

– Я меч не доставала.

– Слава Богу, в этот раз нет, – он стёр с лица капли воды, посмотрел на почерневшие пальцы и вздохнул. – Неужели ты не заметила ничего странного?

«Заметила! Король Серенида стал чернокожим!»

Я вздохнула, вместо ответа он предпочитал вести меня к решению задачи, уж не у Гредвара ли этому научился?

– Уолу хотел поджечь корабль, но ты не желал ничего предпринимать. В этот момент появилось чудовище...

– И всё?

Я даже вскрикнула, внезапно в голове появились сцены, которые будто вовсе выпали из моей памяти!

– Водоворот! Оно создало водоворот, в который нас затягивало, а ты, ты прыгнул за борт, чтобы достать зерно...

Дарган сощурился, вслушиваясь в мои слова:

– А что было потом?

– Мы не могли справиться с управлением, не могли даже подняться, – воспоминания одно за другим выстраивались в моей голове.

Я не могла поверить, что пережила всё это, было чувство, что это произошло с кем-то другим.

– Корабль закачался, так, что почти лёг на борт, и мы... Мы все оказались в воде! А потом... Этого не может быть!

– Вы оказались там же, где были до крушения?

– Ну, да, – я огляделась. – Пожалуй, даже на тех же местах.

Дарган кивнул, поджал губы:

– Значит, Уолу всё-таки поджёг корабль. Кажется, я начал понимать, что имел в виду шаман.

– Шаман? Я думала, он ничего не сказал тебе.

– Я тоже думал так, это было слишком иносказательно. Наверное, я из тех, кому чудовище не показывается, из тех, кому не желает навредить. И оно вышло только тогда, когда мне стала угрожать смертельная опасность от руки Уолу. Оно напало, за секунду до нашей смерти, чтобы заменить одну смерть другой, забрать наши души. Но я успел снять

проклятье с зерна, и оно не смогло этого сделать, начало гибнуть...

– И оно не смогло заменить одну смерть другой. Поэтому мы все вернулись к моменту, когда Уолу должен был погубить нас?

– Да. И когда я говорил с ним, то уже знал, что мы обречены, потому что давно заметил чудовище. А шаман сказал, что оно появится только если я умру, но не оно принесёт мне смерть. И прежде, чем умру я, умрут сотни.

– Значит, поэтому ты не сводил глаз с моря! А потом ты спас нас.

Дарган кивнул, но у меня в груди будто забурлил кипяток:

– Ты издеваешься? Да откуда я должна была это знать? Ты ничего мне не сказал и ещё ожидал железной выдержки!

Дарган закатил глаза:

– Ну когда я, по-твоему, должен был об этом рассказать?

– Да уж действительно! Некогда было! Зато было когда испытывать мои нервы! Хоть бы пересказал слова шамана, может быть, я тоже начала бы что-то понимать.

– Ну, с чего бы я рисковал жизнями нескольких сотен невинных людей? Людей, которых сам же спас. Что я, по-твоему, такое?

– Что ты, по-моему, такое? По-моему ты, скрытный самонадеянный бесчувственный самодур! Это я, значит, кидаюсь с мечом наперевес? Не разобравшись, тут на всех набрасываюсь, да? Конечно, легко быть уравновешенным, когда по-

нимаешь, что происходит! Сиганул он за борт, всех спас! – я перевела дыхание.

Кажется, опять сорвалась, зато больше не злюсь и не волнуюсь. Дарган замер, глядя на меня, выражение его лица из-за грязи читалось плохо. Я и не успела всмотреться, взгляд мой упал на приближающийся фроксийский корабль за его спиной.

Корабль, что, как ни в чём не бывало, возвращался из Фроксии с товаром, по пути заплыв на остров Сироп за «ракушками». Моряки ещё не знали о сгоревшем порте, но опешили, увидев в море "Штормбрекер".

Фроксийский корабль был немалых размеров, но рядом со "Штормбрекером" казался чуть больше лодочки. Он остановился борт к борту, моряки с интересом уставились на нас. Потребовалось время на объяснения, после чего произошёл обмен.

Таприканцы и ретаньяне из их экипажа решили плыть в Таприкан и перешли к нам. А фроксиане, что плыли с нами – к ним. После этого экипаж фроксийского корабля составил двадцать пять человек, но почти одних купцов, неспособных справиться с кораблём.

И тогда вперёд вышел Бута:

– Я справлюсь! Буду вашим капитаном, объявил он фроксианам.

– И куда ты собрался? – усмехнулись ему в ответ. – Нам теперь одна дорога – обратно во Фроксию. А Фроксия – это

тебе не Серенид, туда чужестранцев так легко не пускают.

– Ничего подобного, – отмахнулся Бута. – Не стоит отклоняться от намеченного курса. Мы поплывём в Серенид.

– Очнись, ведь плыть уже некуда, – отвечали купцы. – Ни компании, ни руководителя, ни даже порта – куда выгружать, кому продавать?

Но Бута сиял зубами:

– Это вы, други, с гением Бутой просто незнакомы. Я, между прочим, серенидец, у меня документ есть! Да и на фроксийское гражданство прошение подавал как-то. А главное, я знаю, кому бывшая хозяйка, Бали, сбавляла товар! Дайте мне день, ну, может, два, я всё улажу. И кому продавать и куда выгружать...

– Я надеюсь, что «ракушки», ты выгрузишь прямо в море, – за спиной у него вырос Дарган.

– Да-да! Никаких больше... ракушек.

– А я вот, например, тоже серенидец, я там родился! – слышался вздох из толпы. – Я домой хочу. Мой дом каменный, может, и не сгорел.

– А что сгорело, то отстроим! – подхватил ещё кто-то.

Таким образом набралось тридцать семь таприканцев и пять ретаньян, пожелавших вернуться в королевство.

Не суждено нам было полюбоваться эффектным появлением "Штормбрекера" в порту бывшей колонии. Тридцать семь таприканцев – среди них дети Неки, не отходившие от Буты, пять ретаньян, двадцать пять фроксиан, и, конечно, я

и Дарган поплыли обратно в Серенид.

Бормоча что-то о каком-то дедвейте, Бута передал на "Штормбрекер" несколько бочек воды и коробок с едой. Моряков теперь набралось достаточно и судно легло на курс.

В сторевший порт мы прибыли под вечер, у пристани светили огни: Королевская армия и Армада Дракона уже были тут как тут.

По четыре воина от каждой армии выстроились у трапа. Каждый прибывший отчитывался им. Фроксиане показывали документы. Таприканцам и ретаньянам и вовсе пришлось легко, у кого при себе документов не нашлось – тому Армада выписывала их прямо на месте. Серенид официально рад чужестранцам.

Я показывала звезду Дракона, и воины касались правой рукой левой стороны груди – сердца. Приветствовали. Трудности с регистрацией ждали только Даргана. Лучше бы не отмывал лицо, честное слово, может, сошёл бы за таприканца.

– А, здешний! – хмыкнул воин. – Бумаги при себе?

Дарган помотал головой.

– Не беда, – подхватил другой. – Местные у нас числятся. Где живёте? Я испугалась, что станет хуже и вмешалась:

– Он бродяга, мы его на островах нашли.

И стало хуже...

– Тогда лучше проверить. К сэру Ранару его, у него все портреты.

Час от часу не легче – портрет Даргана уже вполне мог быть среди портретов преступников по всему Серениду:

– Нет проблем, я отведу его, – сказала я.

– Я вас провожу, – вызвался воин.

На окраине руин бывшего города Кассиниана стояла маленькая хибарка из почерневших досок – временный штаб воинов. Неподалёку от него выстроилась длинная очередь из погорельцев, скоро стало понятно почему. Поднимая облако пепла и пыли, с северной стороны приближался караван.

Молодцы армии, даже гордость берёт. Верю, поднимут Кассиниан из пепла. Вот только как бы нам мимоходом не пострадать. Я покосилась на штаб, должно быть там расположена и Армада Дракона, и Королевская армия:

– Давайте дальше я сама.

Воин помотал головой:

– Разрешите сопровождать, мадам.

Подумав, я незаметно вытащила голубой жетон ордена Непринуждённых. Помнится, сама когда-то сбегала так от ответственности. Отодвинув тряпку, что завешивала вход, я пропустила Даргана вперёд, и быстро сунула жетон ему в ладонь. Его пальцы сжались.

– Думаю, справишься! – шепнула я.

Как я и ожидала, в тесной комнате, за наскоро сколоченными столами восседали сразу два капитана. Оба седые, с морщинистыми лицами, один в модной латной кирасе, другой в старой доброй кольчуге – сразу видно из Армады.

– Сэр Ранар, – обратился воин к капитану Армады, – надо проверить гражданина.

– Кто такой? – капитан исподлобья уставился на Даргана. К сожалению или к счастью, но рыцари зачастую дают присягу портрету короля, а не ему самому. И короля в лицо не знают.

– Попались! – вскинул брови Дарган. Он вертел головой, оглядывая обоих капитанов. – Вот значит, как вы тут простых людей запугиваете? Орден Непринуждённых! – он гордо выставил вперёд голубой жетон.

Капитан Королевской армии скрестил руки на груди, капитан Армады закатил глаза и уронил голову на руки:

– Ну спасибо, воин!

– А... а он не сказал, что из ордена, – растерялся наш сопровождающий.

– Неожиданность – наш козырь, – Дарган выпятил грудь.

– Да откуда ты взялся? Что надо?

Дарган откашлялся:

– Ну, во-первых...

– Так значит, орден Непринуждённых? – послышалось со стороны второго стола. Капитан Королевской армии поджал губы: – А ну-ка, кодекс "Рыцарской чести и достоинства"?

Капитан Армады довольно хмыкнул и откинулся. Но Дарган кинул усталый взгляд исподлобья и начал:

– "Мы, слуги закона и слова короля, разделяющие верховную власть, будь то правом от рождения данным или воен-

ными подвигами завоеванным, перед лицом королевства Серенид..."

– Ну, это ладно, – вскинул руку капитан Армады, – а закон, например, тридцать четыре кодекса "о правах селян и рабочих"?

– О праве обладания мелким имуществом на полных правах владельца и передачи его по наследству... – скороговоркой выговорил Дарган, приподняв одно плечо.

– А предметов, сделанных собственными руками? – капитан хитро изогнул бровь.

– Это закон тридцать четыре точка один, уже два года, как вынесен в отдельный пункт! Слушайте, я могу прислать вам копии кодексов, когда доберусь до штаб-квартиры, раз вы тут свои потеряли. А сейчас у меня есть более важные дела, чем диктовать вам их заново!

Капитан Армады сдвинул брови:

– И что вам здесь надо?

– Выживших переписали? – Дарган сощурился.

– Тебе забыли отчитаться, ты, как тебя там...

– А я видел! – бестактно перебил его Дарган. – Всё видел! – он опёрся ладонями о стол капитана Армады: – У причала двух прибывших в Серенид таприканцев записали под одинаковыми именами! На что вы намекаете? Они что, все на одно лицо? Не имеют право на собственное имя? Попадает нарушением кодекса «о правах...»

– Мы разберёмся! – гаркнул ему в лицо капитан.

Дарган выпрямился и повернулся к капитану Королевской армии:

– В очереди за гуманитарной помощью нарушены права рабочих...

– Не нарушены, – сквозь зубы ответил капитан.

– Откуда вы знаете, там в конце и середине нет ни одного бойца, который бы следил за порядком.

– Знай своё место! – капитан ударил кулаком о стол. – Мы под присягой верности Его Величеству, и ты не тот, кто будет проверять, как мы исполняем свои обязанности!

– Да! Предъяви аргументированные доказательства нарушения кодексов, а не вякай, – подскочил второй.

– А лучше заполняй свои бумажки и вали подобру-поздорову. Явился он диктовать свои условия!

– А я и не являлся, – поморщился Дарган. – Ваш воин задержал меня!

Капитан Армады вновь закатил глаза:

– Больше не задерживаем, исчезни!

Дарган хмыкнул и, пожелав хорошего дня, гордо вышел из штаба.

– Нет, ты ж посмотри, собачьи дети, совсем обнаглели! – кинул ему вслед капитан Армады.

– Всегда такими были, – капитан Королевской армии, уже начавший что-то писать поднял взгляд на собеседника. – Много вольностей изначально. Видел этого? Типичный аристократишка. От двора, видать, подальше отодвинули.

– Вот точно! – он усмехнулся. – И решил он вдруг стать защитником кодексов... – его взгляд упал на меня, он откашлялся. —Так, а у вас что?

Со мной обошлось намного проще. Я показала звезду Дракона, меня проверили по номеру и отпустили.

Дарган ждал у выхода.

– Ничего более отвратительного в жизни не делал! – поморщился он. А ведь я только хотела похвалить его актёрские способности.

– И почему власти так не любят орден?

– Потому что они ставят под сомнение слово короля одним своим существованием!

– Зачем тогда разрешать им существовать?

– Потому что держать таких в узде можно до тех пор, пока они организованы и ощущают наличие свободы, – Дарган с воодушевлением перешёл на политическую тему.

– Что значит, «не стоял тут», я многодетный отец! – услышался со стороны очереди знакомый голос. Бута!

Забыв о спорах, мы пошли, туда, где сияла знакомая улыбка:

– Спасибо тебе, капитан, без тебя бы не справились! – сказала я, подойдя к нему и, протягивая руку.

– Ох, ничего такого! Делал, что должен, как обычно, – капитан осторожно, но крепко сжал мою ладонь.

– Теперь у тебя дети. Ты справишься? – я посмотрела на семерых детишек Неки. Самую младшую девочку Бута, то и

дело поднимал на руки, самая старшая ходила за ним, гуськом вода за собой братиков.

– Шутишь? Да я теперь непобедимый!

– Ты ещё никогда не давал повода усомниться в этом! – Дарган подошёл и похлопал Буту по плечу. – Не заставляй, а наставляй, не наказывай, а рассказывай. Расти любящими и любимыми! – произнёс он традиционное Наставление будущим отцам согласно церкви Единобожья.

В ответ на это Бута дал Даргану Наставление влюблённому, видимо, по-прежнему считая его моим воздыхателем:

– Береги сердце и взор свой. Да не будет пресыщения твоим страстям!

Дарган откашлялся, быстро прикрыл губы ладонью, мне вдруг стало смешно, но я сдержалась и произнесла:

– Отсчитывай честно и не занижай вес. Всё твоё останется тебе, всё чужое тебя покинет, – Наставление купцам согласно церкви Единобожья. – Ведь ты собрался помочь торговому предприятию?

Бута радостно кивнул и, в свою очередь, произнёс наставление воину:

– Дорожи кровью своей и чужой, будь терпелива, но не к изменникам, будь сговорчива, но не с глупцами!

Всё-таки мы оба те ещё берники, только таприканцы.

Помахав капитану и детям, мы направились обратно к порту. Точнее, направился Дарган, я следовала за ним на должном для телохранителя расстоянии.

Мы шли молча, миновали опустевший порт, вышли на горную тропинку между скалами, которая вывела нас в серую горную местность.

Наконец, я задала вопрос, который мучил уже давно:

– Так тебе удалось найти зерно?

Дарган остановился, повернулся ко мне и вместо ответа достал из-за пазухи узкий шнурок, на котором переливалась перламутром бусина с ноготь размером.

– Вот оно, точно такое, как на моих чётках.

Я замерла, не в силах оторвать взгляд. Мы сделали это, даже не верится!

– Так что, – сказал Дарган, – может, вернёмся в столицу Динки и отдохнём?

Я только развела руками:

– Ты что? Это ж какой крюк нам придётся делать? Быстрее дойдём до ближайшего поселения – там и отдохнём, и лошадей раздобудем.

Честно говоря, сил не было, и не похоже, что близко есть населённый пункт, но до Динки путь ещё длиннее.

– Неужели быстрее? – Дарган приглашающе подал мне руку, совсем как тогда в таверне. Ничего не поняла, но ладонь в неё вложила.

Ловким движением он перехватил зерно Королевских чёток, зажав его между большим и указательным пальцем, и мир вокруг закрыло серебряное сияние.

В следующее мгновение мы уже стояли в просторном

светлом зале. На стене перед нами висели гобелены с гербами Серенида, Таприкана и Фроксии в бликах света из окон напротив, их затенял густой плющ. Рядом, на большом столе, была разложена карта мира.

Далеко, так далеко, что от стола можно бы было сделать четыре па по розоватому ковру, располагался книжный столик с креслами. Гарнитур был сделан из тяжёлой красноватой мебели, которая тут же напомнила мне каюту Уолу в "Штурмбрекере".

– Замок Уолу? – спросила я.

– Резиденция графа де Динки, – словно поправил меня Дарган. – Но, да.

– Уолу ещё и графом был?

– А как же? Каждый советник обязан иметь титул. Только он им не пользовался, не любил этих знаков отличия. Фроксийский демократ, – Дарган оглядел комнату. – В делах чужестранцев такой человек казался незаменимым.

Мы вышли из зала и столкнулись со стражниками, здоровыми фроксианами, которые сперва напрягли руки с алебардами, а через мгновение уже вытянулись.

Дарган смерил их взглядом и прошёл мимо. Я следовала за ним по коридору и вверх по лестнице. На встречу нам уже спускались трое слуг: мужчина и две женщины. Они раскланялись.

На их реверансы Дарган не отреагировал, чуть помедлив, пошёл дальше. Слуги расступились, а потом последовали за

нами, держась на расстоянии.

Наконец, распахнув двери мы оказались в небольшой прихожей, за которой начинались роскошные покои с креслами, столиком и большой кроватью с балдахинами. Я за эти дни и забыла, что такое "отдыхать". При виде мягких подушечек даже ноги отяжелели.

Осматриваясь, я сделала лишь пару шагов, как вдруг мои расклеившиеся после морских путешествий ботинки зацепились за край ковра, и я повалилась вперёд. Дарган подхватил меня.

Когда подняла голову наши глаза встретились, мы замерли, глядя друг на друга. Когда-то на площади мужчина в сиреневой мантии, что не умел улыбаться, казался навязчивым и раздражающим. Теперь же я так привыкла к его присутствию, голосу, взгляду, будто знаю уже лет десять. Ни один мужчина ещё не находился ко мне так близко, его дыхание щекотало мою щёку, а я даже не ощущала неудобства.

"Хотя, если он посмотрит, как тогда в таверне..." – я спохватилась, не хватало покраснеть.

Трудно поверить, что раньше я геройствовала одна: не на кого обернуться, некому довериться, не с кем поругаться.

У нас были общие цели, общие проблемы, общие воспоминания, а значит, он понимал меня. Боль от потерь делилась на два, а радость от побед преумножалась.

Он смотрел на меня, взгляд скользил по моему лицу, казалось, он вот-вот улыбнётся. Хотелось сказать ему что-ни-

будь хорошее, но мысли путались. Что сказать? Да, дорога была сложной, мы много пережили, в одиночку бы не справились – он это знал.

Я смотрела на его лицо, заметила отросшую щетину:

– А с бородой ты выглядишь солиднее.

– Отлично фехтуешь, дашь мне пару уроков? – одновременно со мной сказал он.

Мы оба кивнули, я выпрямилась.

– Нравится эта комната? – спросил он.

– Безумно! – честно призналась я.

– Тогда отдыхай, увидимся позже, – попрощался он и вышел.

Через минуту вошла служанка, спросила не приготовить ли ванну – отличная идея.

Прямо в покоях подали лёгкий ужин, после которого я улеглась на кровать меж многочисленных подушек и уснула.

Эпилог

Проснулась около полудня.

Из одежды пришлось выбирать между яркими шмотками серернидской знати и чёрно-белым фроксийским стилем. И здесь я выбрала второй вариант, визит в Кассиниан убедил меня, что таприканка во фроксийской одежде – это нормально. К тому же у них в гардеробе есть женские штаны, расклёшенные так хитро, что напоминают юбку. Красота и удобство, устала быть бойцом в юбке!

Чёрные штаны с короткими ботинками, белая рубаха, чёрная кожаная куртка – по-моему лучше этого никто ничего пока не придумал. Как и следовало ожидать, Дарган так не считал. Я поняла это сразу же, как увидела его в том самом кабинете, куда нас переместило зерно чужестранца.

Я не стала рассматривать многослойные королевские шмотки, только отметила, что в этот раз он выбрал лилово-золотые тона.

Король работал. Да так, что воздух раскалился. Вокруг него суетились четыре человека: подавали бумаги, записывали под диктовку, запечатывали конверты.

– Осфу, какую дату ты поставил? – он взял в руки исписанный лист бумаги. – И сегодня же дубликат во Фроксию...

Его взгляд упал на меня, но глаза словно продолжали бе-

гать по строчкам – точно, как у Гредвара, когда его отрывают от чтения. Даже немного похож стал. Наверное, король и секретарь Совета часто работают вместе.

Я сделала книксен, что в штанах выглядело довольно странно. Или надо поклониться?.. Тут взгляд мой упал на книжные полки у двери, что я вчера не заметила, я стала осматривать их содержимое. Первый ряд занимали книги, обязательные в коллекции любого верноподданного: "История серенидских династий", "История Серенида", кодексы...

Священная Книга терялась в ряду, обычно её располагают отдельно от других, обложкой вперёд. Но фроксиане не признают ничего за пределами материального мира, Уолу, видимо, не был исключением.

Второй ряд состоял сплошь из фроксийских книг. Среди корешков, подписанных незнакомыми северными символами, в глаза бросалась серенидская "Алхимия" О. Бунака. Такой почёт к местным алхимикам радовал.

Третий ряд начинался с книг настолько известных в королевстве, что их даже никто не читал: "Светская поэзия", "По нотам к славе", "Паломник искусства", "Таприканцы – тоже люди"... Что? Впервые слышу о такой книге. Я вынула её, автором оказался Уолу Фйолуг. Уолу?

– Что читаешь? – послышался сзади голос Даргана. Я показала книгу:

– Так Уолу ещё и писателем был?

– Экономистом, – он кивнул на полку.

Дальше располагались книги с названиями "Новейшие принципы развития экономики", "Старовековье том 1: основные ошибки", "Старовековье том 2: последствия", "Регресс – революция – прогресс".

– Это всё он написал?

– Да, и сочинения, вон в том сборнике. Ты же не думаешь, что он стал советником случайно?

– Ну, а эта? – я кивнула на книгу, которую всё ещё держала в руках.

– Ну... – Дарган склонил голову набок. – Историко-политическая книга о толерантности, видимо.

– Да как ты позволил выпустить книгу с таким названием?

– Думаешь, он спрашивал разрешения всякий раз, когда велел обернуть книгу в обложку или высечь статую из куса камня? Ты лучше "РРП" возьми, вот, что действительно удивит.

– РРП?

– "Регресс – революция – прогресс".

Я вернула книгу на место, вообще не собиралась читать Уолу.

– Граф Уолу... А он чей вассал? – спросила я, ожидая услышать чьё угодно имя, но не:

– Гредвара.

– Кого?!

– Гредвар – герцог, жалует земли советникам.

– Гредвар герцог? – я так и распахнула рот. Я знаю Гред-

вара более пяти лет: – А он никогда не говорил мне, что он герцог.

– Тебя послушать, так выше рыцарей титулов вообще нет. Пойдём, – Дарган кивнул на двери. – Гредвар – секретарь Совета, каким титулом он должен, по-твоему, обладать?

– Не знаю, – честно призналась я, выходя следом за ним в коридор. – Никаким. Он мне говорил, что у него нет земли.

– И земля, и вода, и даже огонь и воздух от Динки до Мадердона в его распоряжении. То, что себе ничего не оставил – отдельный разговор и его личное дело. У меня, кстати, тоже нет земли, которой я пользуюсь сам, и что?

– Есть в этом что-то... хитрое. Значит ты жалуешь все земли Гредвару, а он разделяет их между советниками?

– Ну.... не все. Некоторые принадлежат Храму. Кроме того, в Серениде три герцога. Гредвар, Хоран, ну ты знаешь, со своим орденом Непринуждённых, и...

Тут мы вошли в двери трапезного зала, ароматы еды вскружили голову, герцоги отошли на второй план.

Можно было спокойно отпраздновать первую завершённую часть наших приключений...

– Ваше Величество, у меня важное сообщение! – вдруг слышалось от двери. Фроксианин в ослепительно белой рубахе, которого я заметила ещё в кабинете, поспешно приближался к нам.

Дарган сдвинул брови:

– Осфу, в чём дело?

– Письмо для графа Уолу из Левиганы, – произнёс фроксианин уже тише, когда приблизился. – Вы велели мне взять на себя обязанности...

– Да-да.

Дарган огляделся: вокруг стола ещё мельтешили слуги, пять человек в парадных одеяниях выстроились у окна, будто ожидая приглашения. Он кивнул мне, и направился в другой конец зала, где среди цветочных орнаментов притаилась дверь.

За ней скрывалась небольшая комната со столом на три-четыре человека и занавешенным окном на всю стену. Осфу поспешно вошёл следом, прикрыл дверь, вынул письмо из-за пазухи и с поклоном передал королю.

Я сморгнула, вот так странность: конвертом служила лабораторная бумага! Через такую плотную бумагу Гредвар процеживал жидкости.

– На фроксийском... – хмыкнул Дарган, развернув конверт.

Его глаза забегали по строчкам, потом он небрежно свернул письмо:

– Ах, Боже мой! Здесь не о чем беспокоиться. Каждый год одно и то же.

– Вот как? – поднял глаза Осфу.

– Конечно, уж сколько раз посылали туда экспертов. Обычный квадрац⁹, правда, с примесью – вот и привлекает

⁹ Квадрац— минерал, местный аналог кварца. Встречается в природе также

внимание. Однако, напиши отчёт герцогу, это стандартная процедура.

– Значит, по поводу баркийца тоже не принимать мер?

– Нет, – Дарган устало вздохнул. – Сейчас не до того. Это банальная жалоба на нарядного.

– Тогда прошу прощения, что напрасно побеспокоил Ваше Величество!

– Ничего, ступай, – король махнул рукой в сторону двери, и Осфу с поклоном вышел.

– Нужно отправляться в Левигану, – понизив голос, проговорил Дарган.

– Так нам, итак, туда, – не поняла я. – Следующее зерно там.

– Нет, нам нужно отправляться как можно скорее. На земле барона Дварлоци нашли минерал первого разряда, и, судя по описанию, это может быть Солнечный камень.

– Из которого сделан... – я невольно хлопнула по ножнам. Дарган кивнул.

– Но его же нет в Серениде! – я не сомневалась, Солнечный камень родом из Таприкана.

– Вот и проверим! Лучше перестраховаться, не дай Бог, такое попадёт не в те руки.

Что я знала об этом камне? Из него сделан мой меч. Меч, способный пробить и разрезать любой материал – солнечный камень твёрже и прочнее всего, что мы знаем. Гредвар

также рассказывал что-то об энергии, этот камень способен вмещать энергию, что бы это ни значило...

– А почему об этом пишут Уолу? А не графу де Левигана или Гредвару?

– Ну, это жалоба на поведение баронского наместника, а он баркиец, за чужестранцев у нас отвечал Уолу. Кроме того, отправитель фроксианин и, видимо, доверял Уолу, у них тут свои общины.

– Похоже на серьёзную проблему.

– А значит, нам прямиком туда.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ